fenno-ugristica

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 456 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

UURALI KEELTE GRAMMATILINE EHITUS

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

FENNO-UGRISTICA

ТРУДЫ
ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

5

TARTU 1978

Toimetuskolleegium:
P. Alvre (esimees), A. Künnap ja P. Palmeos (vastutavad toimetajad), H. Rajando, S. Smirnov, E. Vääri.

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

© Тартуский государственный университет, 1978

с прежними носителями Кундаской культуры и пришедшими с востока протолапонидами. Археологические данные все с большей степенью достоверности указывают на то, что в период неолита индоевропейское влияние на Кундаскую культуру шло с Днепровского водного бассейна. Так Карин Марк, являющаяся одним из ведущих финно-угорских ученых-антропологов, считает, что именно в период неолита начинают зарождаться тесные связи финно-угров с предками иранских народов (Mark 1970:94-95).

Когда финно-угры, предки современных прибалтийско-финских народов, достигли восточной Прибалтики, они обнаружили на этой территории говорящих на различных языках поселенцев, которыми могли быть протоевропейцы, а отчасти и носители satem-языка индоевропейцы. Последних было меньше, чем протоевропейцев, и поэтому в прибалтийско-финских языках мы можем констатировать значительно большее количество, сравнительно с индоевропейскими словами, субстратных протоевропейских элементов. Древние индоевропейские заимствования из satem-языков (или ранние древнеиранские слова) имеют в прибалтийско-финских языках двоякое происхождение. Некоторые появились, по-видимому, еще до того, как была прервана связь и контакты между предками прибалтийско-финских и поволжских народов (мордвы и марийцев), а другие появились непосредственно в самой Прибалтике. Проникновение одних и тех же заимствований могло происходить и таким образом: из восточных и южных древнеиранских диалектов они переходили в волжско-финноугорский праязык, а из северных и западных диалектов - в прибалтийско-финский праязык. В качестве примера таких заимствований можно привести, напр., финское petkel, petkele и т.д., южно-эстонское pekli, карельское petel, petkel, вепсское pet'ťel', petkö̆u, petkel' и т.д., водское pečel, peččele 'пест' - эрзянское петькель, мокшанское петьколь idem < древнеиранское petgal 'молот, дубина, колотушка'; финское vasa, vasikka, эстонское vasikas, карельское vasa, vaza, vaša и т.д., вепсское vaza - эрзянское и мокшанское ваз 'теленок' < раннеиранское, срв. ягнобское wása, уменьшит. wasák, язгулямское was, осетинское was, u s и т.д. idem; финское vasara, эст. vasar, карельское vasara, vazar и т.д., вепсское vazaraiń̆e, водское vasara, ливское vazar 'молот' - эрзянское узерь, мокшанское узере, узерь 'топор' (*vaśara) < раннеиранское, срв. авестийское vazra- 'дубина', сакское (хотанское) vaśā̆ra 'молния, Donnerkeil', пехлеви wazr 'ду-

бина', древнеперсидское vazarka- 'молния, Donnerkeil' и т.д. Древними иранскими заимствованиями можно считать также и следующие слова: финское sisar, эстонское sõsar, карельское sisar, sizar, šižar, sisär, süzär и т.д., вепсское sizar, водское sõzar, ливское sõzar 'сестра' - эрзянское и мокшанское сазор 'сестра, младшая сестра', марийское шӱжар 'младшая сестра' < раннеиранское *svasar-, срв. древнеиндийское svásar-, пехлеви xwaxar, позднеперсидское xwahar, xwāhar и т.д. 'сестра'. Прибалтийско-финские и волжские слова было принято считать балтийскими заимствованиями. Однако о наличии балтийских заимствований в волжских языках, несмотря на целый ряд предположений, все-таки не имеется более или менее точных данных. Поэтому более достоверно, что в прибалтийско-финских и волжских языках эти слова являются иранскими заимствованиями. Таким же иранским заимствованием следует, несомненно, считать и удмуртское сузэр 'младшая сестра', имеющее этимологические соответствия в языке коми. К древним иранским заимствованиям могут быть отнесены также финское tytär, эстонское tütar, карельское tütär, ижорское tüär, вепсское tütar, водское tütär, ливское tüdar, tidar 'дочь' - эрзянское тейтерь, мокшанское стирь 'дочь, девушка' < *dhuktēr, срв. авестийское duγdar. Эти слова также считались балтийскими заимствованиями. В качестве древнеиранских заимствованных слов могут быть названы следующие встречающиеся как в прибалтийско-финских, так и волжских языках словарные единицы: финское udar, utare и т.д., эстонское udar, карельское uvar, utareh, udareh, ижорское uar, вепсское udar, udar', водское utarõ-, ливское udar 'вымя' - эрзянское и мокшанское одар, марийское вадар, водар idem < раннеиранское, срв. древнеиндийское ūdhar 'вымя, грудь', пракритское ūha- 'грудь', асамское uhār 'вымя'. Можно предположить наличие в этих финно-угорских языках также и других иранских заимствований.

В прибалтийско-финских языках имеются слова, заимствованные из древних satem-языков, не встречающиеся ни в волжских, ни в других финно-угорских языках. По всей вероятности, эти слова являются субстратными образованиями прибалтийско-финского праязыка, заимствованными от тех носителей индоевропейских satem-языков, которые заселяли восточную Прибалтику до появления финно-угров. Предположительно к таким субстратным словам могут быть отнесены некоторые названия

П. А р и с т е
(Тарту)

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ И ИРАНСКИЕ КОНТАКТЫ

В 1973 г. финский специалист по финноугристике Аулис Йоки опубликовал солидный труд под названием "Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen". В этом труде дан исчерпывающий обзор исследований, касающихся взаимоотношений финноугорских и индоевропейских языков, начиная с работы Г.В. Лейбница "Brevis designatio meditationum de originibus gentium ductis potissimum ex indico linguarum" (1710). Особенно основательному анализу подвергнуты взгляды финских, венгерских, шведских и советских ученых, при этом в обзоре Аулиса Йоки представлены точки зрения не только лингвистов, но также антропологов и археологов. Свыше 260 лет исследователи отмечали, что в финно-угорских (или уральских) языках есть общий словарный запас с индоевропейскими языками, а отчасти нечто общее и в грамматической системе, причем эту общность объясняли различным образом. Некоторые ученые пытались установить исходное родство или взаимное заимствование, влияние на эти языки какой-либо другой языковой семьи, иногда же объясняли эти сходные черты случайным совпадением. Однако чаще всего указывалось на то, что в финно-угорских языках мы имеем дело с индо-иранскими, или арийскими заимствованиями. Иногда эти заимствования устанавливаются во всех финно-угорских языках, напр.: венгерское szarv, коми, удмуртское сюр, марийское шур, мокша сюра, эрзя сюро, норвежско-саамское čoar've, эстонское sarv, финское sarvi 'рог' < раннее древнеиранское *śraw- < śarw-; венгерское száz, манси сат, шат, удмуртское сю, коми сё, марийское шӱдӧ, мокшанское сяда, эрзянское сядо, норвежско-саамское čuotte, эстонское sada, финское sata < раннее древнеиранское *śata-(m) 'сто', а также целый ряд других слов. Эти словарные единицы свидетельствуют о том, что уже диалекты финно-угорского праязыка

контактировали с очень ранними индоевропейскими satem-диалектами. Особенно богаты иранскими заимствованиями венгерский, пермские и волжские языки. Среди них есть более древние и более поздние заимствования. Иранские заимствования имеются и в прибалтийско-финских языках, причем высказывается предположение, что они проникли в эти языки через посредство племен, которые в прежнее время находились к югу от прибалтийско-финских племен и к северу от иранцев. Однако в прибалтийско-финских языках имеются и такие иранские заимствования, которые позволяют думать, что они перешли непосредственно из какого-либо раннего древнеиранского диалекта. Об этих особенно древних иранских заимствованиях уже шла речь в лекции, прочитанной автором в Сегедском университете (Ariste 1971-1972), и в его же статье, опубликованной в журнале СФУ (Ariste 1971). Но поскольку за последние годы появились новые исследования, преимущественно археологического характера, подтверждающие высказанные до этого предположения,то хотелось бы еще раз обратиться к этой важной проблеме.

Результаты исследований эстонских археологов и палеантропологов подтверждают наличие в прибалтийско-финских языках древнеиранских заимствований. В восточной Прибалтике к югу от Финского залива была распространена так называемая Кундаская культура, носителями которой были европоиды, говорившие на неизвестных нам протоевропейских языках или диалектах и не владевшие искусством керамики. Археологические данные говорят о том, что самые древние виды керамики проникли на территорию Прибалтики из Приднепровья уже в IУ тысячелетии до нашей эры (Jaanits 1974:232). К юго от финно-угров находились знакомые с курганной культурой индоевропейские племена. Древнейший период курганной культуры начинается примерно за 4500 лет до нашей эры, позже она получает все большее распространение и развитие на соседней территории. Для этой культуры характерна типичная и относящаяся по времени примерно к 4000-3500 годам до н.э. керамика,которая украшалась особым, похожим на гребенку инструментом. Владевшие курганной культурой индоевропейцы оказали влияние на культуры и языки финно-угорских народов (Joki 1973:361). В этом следует усматривать и зарождение, а позже расцвет характерной для финно-угров гребенчатой керамики. Вполне возможно, что вместе с культурой на территорию восточной Прибалтики переходили и ее носители, которые с течением времени слились

диких промысловых животных. Так, в V-III тысячелетиях до н.э. тур (Bos primigenius) согласно субфоссильным находкам, встречался на территории восточной Прибалтики в очень большом количестве, в то время как финно-угры пришли сюда из района, бедного турами. Поэтому вполне вероятно, что они переняли от прежних здешних охотников наименования этого дикого животного *tarwas, которое продолжает употребляться в эстонском языке в форме tarvas. Это слово является несомненным заимствованием из индоевропейских языков (срв. латинское taurus, греческое taũros 'бык'). Нельзя согласиться с отнесением его к балтийским заимствованиям (срв. литовское tauras 'тур', прусское tauris 'буйвол, бизон'), поскольку это противоречит хронологическим данным: ведь это дикое животное было известно предкам носителей прибалтийско-финских языков задолго до контакта с предками балтийских народов.

Capreolus capreolus 'косуля' звучит в финском языке kauris, kapris, в карельском kabris, в водском и ижорском kabriz. В эстонском языке раньше также существовало слово kabris, о чем свидетельствуют образованные от него топонимы. Это слово, в свою очередь, считалось древним германским заимствованием, срв. древнесеверное hafr, англосаксонское hæfer. Косуля была уже в период Кундаской культуры обыкновенным диким животным. Об этом свидетельствуют субфоссильные находки. Поэтому kabris следует считать без всякого сомнения индоевропейским заимствованием (срв. латинское capra 'коза'). Косуля типична именно для западной части Северной Европы с ее территорией, богатой лиственными и смешанными лесами. По всей вероятности, и это слово было заимствовано финно-угорскими охотниками от заселявших Прибалтику носителей satem-языков еще задолго до возникновения контактов с германцами. По данным субфоссильных находок, дикая лошадь была здесь ценным промысловым зверем еще до переселения на эту территорию финно-угров. Финское слово varsa, эстонское varss, карельское varsa, varza, вепсское varz, ливское vẽrza 'жеребенок' считается иранским заимствованием (Joki 1973: 337) и с этим предположением можно согласиться. Поскольку это слово встречается лишь в прибалтийско-финских языках, можно утверждать, что это также субстратная языковая единица, заимствованная в Восточной Прибалтике от носителей индоевропейских satem-языков (срв. осетинское urs, vurs 'жеребец', авестийское varšni- 'баран', древнеиндийское vṛ́ṣa- 'самец'

и т.д.). Имеется ряд и других слов, которые позволяют предположить, что они заимствованы тем же путем еще до контактов с балтийскими племенами. Финское taivas, эстонское taevas, карельское taivas, taivaš, вепсское, водское, ижорское taivaz и т.д. 'небо' считается балтийским заимствованием, срв. литовское dievas, латышское dievs, прусское deiwas, deiws, deywys 'бог'. В этом же значении данное слово употребляется и в ряде других индоевропейских языков (латинское deus). Причисление его к балтийским заимствованиям в прибалтийско-финских языках связано с известными семантическими неувязками. В иранских и древнеиндийских языках этим словом обозначается, кроме того, и небо (напр. древнеиндийское dēvá- 'небесный', бенгальское deyā 'облако', 'небо' и т.д. В качестве исходной, начальной формы для индо-иранских языков реконструируется древнее *daiwas < индоевропейское *doiuos 'небо' (Joki 1973:323). Следует упомянуть еще об одном слове, которое, возможно, также является в прибалтийско-финских языках субстратным образованием, а в других финно-угорских языках более поздним по времени заимствованием из иранских языков: финское marras, водское marraz, имеющее ряд значений (смерть, покойник, приговоренный к смерти человек, предзнаменование смерти' или же значение 'мужчина') и восходящее к раннеиранскому *martas, срв. древнеиндийское mártah 'человек, смертный'. Близкие и сходные лишь по звучанию соответствующие слова в пермских, мордовских и марийском языках имеют иное начальное иранское происхождение (Joki 1973:280-281). Для полного обзора и описания всесторонних взаимоотношений прибалтийско-финских и иранских языков необходима совместная работа финноугроведов, иранистов, балтистов и других индоевропеистов с целью дальнейшего расширения и углубления лишь начатого исследования.

Литература

Ariste, P. 1971, Die älteren Substrate in den ostseefinnischen Sprachen. - СФУ VII, S. 254-258.

--- 1971-1972, The Earliest Substrata in the Baltic-Finnic Languages, Szeged (Nyelvészeti Dolgozatok 101), p. 5-11.

Jaanits, L. 1974, Über die gemeinsame archäologische

Kultur der ostseefinnischen Stämme. - СФУ X, S. 225-237.

J o k i, K.J. 1973, Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen, Helsinki (MSFOu 151).

M a r k, K. 1970, Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Völker vom Standpunkt der Antropologie, Tallinn.

P. A r i s t e
(Tartu)

ITÄMERENSUOMALAIS-IRANILAISISTA KOSKETUKSISTA

T i i v i s t e l m ä

Suomalaisugrilaisissa kielissä on vanhoja indoiranilaisia tai muinaisiranilaisia lainasanoja, joista A.J. Joki on esittänyt perinpohjaisen kriittisen yleiskatsauksen. Indoeurooppalaisista satem-kielistä lähteneitä lainasanoja on itämerensuomalaisissa kielissäkin. Osa niitä on vanhaa perintöä melkein kantakielen eri kehityskausilta. Niissä kielissä on tämän lisäksi satem-kielisiä lainoja volgalais-itämerensuomalaiselta yhteiskaudelta. Sitä paitsi on muutamia sellaisiakin satem-sanoja, jotka ovat jääneet itämerensuomalaiseen kantakieleen substraattisanoina ennen suomalaisugrilaisia täällä asuneiden muinaisiranilaisten heimojen kielestä, esim. tarvas, kauris, varsa, taivas, marras jne.

А. Баранцев
(Петрозаводск)

К ИССЛЕДОВАНИЮ КАРЕЛЬСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (О МЕТОДИКЕ СОЗДАНИЯ КОРПУСА ВЫСКАЗЫВАНИЙ)*

I. Спонтанная, то есть неофициальная, непринужденная и заранее неподготовленная речь ночителей карельского языка ранее никем не изучалась. До сих пор на протяжении более чем 150 лет бесписьменный карельский язык исследовался главным образом с точки зрения распространенности его в пространстве и развития во времени. Трудом нескольких поколений языковедов получены важные результаты в деле изучения языка карел в традиционно-описательном и сравнительно-историческом направлениях, изложенные в целом ряде капитальных монографий и фундаментальных работ.[1]

Однако живая естественная речь карел в различных ее формах и проявлениях не привлекала внимания исследователей, хотя именно с ней прежде всего сталкивается любой собиратель языковых фактов во время посещения карельских деревень перед опросом информантов и заполнением разных программ, анкет и вопросников.

Основной причиной, помешавшей нашим предшественникам "увидеть" естественную карельскую речь, являлось отсутствие до самого последнего времени надежных, компактных и удобных в пользовании средств консервации и воспроизведения челове-

* Переработанный и дополненный вариант доклада, прочитанного на XУ Всесоюзной конференции финно-угроведов в июне 1974 года (Петрозаводск).

[1] Подробные обзоры важнейших работ по карельскому языку вплоть до 1970 г. можно найти, в частности, в следующих источниках: 1) P. V i r t a r a n t a, Karjalan kielen sanakirja I, Helsinki, 1968, s. VII-LXV; 2) P. V i r t a r a n t a, Karjalan kielen tutkimuksesta Neuvostoliitossa toisen maailmansodan jalkeen. – Virittaja 1970, s. 458-469; 3) П. В и р т а р а н т а, Карельский язык как объект исследования финских лингвистов. (Доклад на советско-финском научном симпозиуме по вопросам финно-угроведения, март 1974 г., Петрозаводск; в печати); 4) А.П. Б а р а н ц е в, Карельская письменность – Прибалтийско-финское языкознание. (Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии), Ленинград, 1967, стр. 89-104.

ческой речи. Спонтанные диалоги и беседы, возникавшие между собирателем и информантами или между самими носителями карельского языка в самых различных ситуациях деревенской жизни, не интересовали ни собирателей, ни исследователей, так как в "домагнитофонную эпоху" не было никакой материальной возможности зафиксировать спонтанную человеческую речь со всеми ее реальными характеристиками и существенными признаками.

С другой стороны, "увидеть" реальную речь карел в какой-то мере препятствовала система сравнительно-исторических взглядов и понятий, господствовавшая в прибалтийско-финском языкознании до 1960 годов и преобладающая и в настоящее время.[2] Она, как известно, имеет специфическую направленность и нацеливает исследователей на изучение тематики, которая весьма далека от речевой деятельности и процессов общения людей.

Общелингвистические воззрения на природу языка, на которые опирается сравнительно-историческая концепция в своей дескриптивно-грамматической части, в прибалтийско-финском языкознании являются по сути дела младограмматическими, явная теоретическая недостаточность и "грубость" которых в настоящее время не вызывает сомнения. Принципиальный недостаток классических (младограмматических и социологических) представлений о языке коренится в том, что язык рассматривается главным образом как застывшая система, взятая в абстракции от реальной речевой действительности. Язык как система и язык как речевой механизм особо не различались, струк-

---

[2] См. П.А. А р и с т э, Э.Э. В я а р и, Прибалтийско-финские языки. Введение. - Языки народов СССР Ш. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 1966, стр. 33; Я. Г у я, Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания. - Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва, 1974, стр. 71-75, 88-93; Э. И т к о н е н, Основные направления финно-угроведения в Финляндии. (Доклад на советско - финском научном симпозиуме по вопросам финно-угроведения, март 1974, Петрозаводск; в печати). Информационные обзоры о новых веяниях в прибалтийско-финском языкознании можно найти, например, в следующих работах: 1) H. P a u n o n e n, Suomen ja sen lähisukukielten tutkimuksen luonteesta ja saavutuksista Suomessa 1960-luvulla. - Virittäjä 1970, s. 329-356; 2) M. H i n t, Keel ja struktuur. Toid strukturaalse ja matemaatilise lingvistika alalt. (Tartu Riiklik Ülikool. Eesti keele kateeder.) - СФУ УШ 1972, стр. 302-308.

тура языковой системы и языковой способности полностью отождествлялись,[3] в связи с чем результаты описания языка, произведенного лингвистом, прямо переносились и на языковую способность говорящего человека. Теоретическая "грубость" базисных научных понятий в классической концепции языка порождала иллюзию о том, что традиционные грамматические описания прибалтийско-финских языков имеют дело якобы с реальной человеческой речью.

2. Начиная с 60-х годов, сектор языкознания Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР ведет активный сбор материалов по диалектам карельского языка с использованием серийных бытовых магнитофонов. Применение магнитофонов позволило значительно ускорить полевую работу, особенно при сборе текстовых (синтаксических) материалов. В этих материалах представлены, как правило, различные рассказы и повествования информантов на разнообразные темы о прежней материальной и духовной жизни карел. Усиленное внимание, уделяемое сбору языковых материалов на эту тематику, объясняется тем, что в условиях коренных социально-политических и культурно-экономических перемен в жизни карел, происшедших в годы советской власти, традиционная карельская культура все более и более забывается. Число носителей карельского языка из года в год сокращается в связи с усилившимися в послевоенный период языковыми ассимилятивными процессами среди карел.

Переход к сбору карельского языкового материала в виде магнитофонных записей с последующей их расшифровкой столкнул нас с естественной карельской речью и сделал актуальными проблемы, связанные с его членением и описанием.

Магнитофон, как беспристрастное техническое устройство, позволяет собирателю объективно зафиксировать на магнитной ленте во всей полноте и своеобразии все основные стороны речевого поведения информанта (кроме мимики и жестов) и затем неоднократно их воспроизводить по мере необходимости. Эти технические возможности магнитофона и делают, собственно говоря, реальную речевую деятельность говорящего человека доступной для наблюдения и научного исследования.

---

[3] А.А. Леонтьев, Психофизиологические механизмы речи. – Общее языкознание. (Формы существования, функции, история языка), Москва, 1970, стр. 314-315; его же, Лингвистическое моделирование речевой деятельности. – Основы теории речевой деятельности, Москва, 1974, стр. 43-44.

Не углубляясь в обсуждение методики производства магнитофонной записи образцов естественной карельской речи, заметим, что, пользуясь магнитофоном, собиратель может в принципе зафиксировать любые спонтанные беседы, которые происходят между носителями языка в условиях деревенской жизни. Пределы собирательских возможностей ныне, по-видимому, лимитируются лишь техническим совершенством самих магнитофонов и микрофонов. Конечно, на этом этапе полевой работы возникают свои трудности, связанные с подбором информантов и места для записи, с "возмущающим" воздействием микрофона на информантов и т.д. Эти трудности так или иначе преодолеваются, хотя, видимо, предложить какой-то единый рецепт пока вряд ли возможно. Спонтанную карельскую речь в идеале нужно бы записывать с помощью "скрытого микрофона", ибо в общелингвистическом отношении наиболее ценны те записи, которые произведены без ведома информантов и которые отражают естественную речь в естественной обстановке и в естественных ситуациях. Однако это возможно далеко не всегда. На практике приходится ограничиваться такими случаями, когда "возмущающее" воздействие микрофона на информанта не исчезает, но сводится к минимуму: использовать в качестве информантов близких родственников, длительные записи образцов речи информанта, в процессе которых он привыкает и перестает замечать присутствие магнитофона и т.д.[4]

Запись образцов карельской речи с помощью магнитофонной техники является, пожалуй, наиболее легким этапом современной полевой работы. Наибольшие теоретические и практические сложности возникают позже в ходе расшифровки магнитофонных записей. Проследим в этой связи действия лингвиста-расшифровщика и изложим наши основные замечания о принципах создания документальных речевых текстов, пригодных для изучения карельской спонтанной речи.

3. Магнитофонные записи образцов карельской речи представляют собой необходимое условие для получения речевых документов, но они сами по себе служат только исходной основой для создания текста. Документальный характер и окончательный вид текстовых материалов зависят от того, как будет происходить трансформация звучащей речи, записанной на магнитофонную ленту, в графическую субстанцию.

---

[4] Ср. Л.А. К а п а н а д з е, О систематизации и собирании материала. – Русская разговорная речь, Москва, 1973, стр. 34–35.

Нельзя не признать, что характер, особенности и принципы расшифровки магнитофонных записей и, соответственно, характер получаемых языковых материалов, бесспорно, могут быть различными и прямо зависят от тех целей, которые ставит перед собой лингвист, приступая к расшифровке. Следует, очевидно, оговориться, что здесь и ниже мы будем рассматривать проблемы, связанные лишь с сплошной расшифровкой записей и созданием текста. Вопросы выборочной расшифровки и создания экзамплификаторного языкового материала мы не затрагиваем.

Сплошная расшифровка магнитофонных записей по сути дела стала фундаментальным этапом собственно лингвистической работы. Ведь в зависимости от того, как будут переданы в графической субстанции наблюдаемые свойства речи информанта, как будет расчленен поток звучащей речи, какие при этом будут применяться единицы, создается сознательно или неосознанно та или другая общеязыковая модель речи информанта, которая затем обнаруживается, например, в печатных образцах карельской речи и которая позже изучается и описывается исследователями. Со всей определенностью необходимо заметить, что при изучении бесписьменного языка, каким является карельский, текст конструируется самим лингвистом.[5] В "домагнитофонную эпоху" это делал собиратель, вручную записывавший синтаксические тексты под диктовку информанта, а ныне это делает расшифровщик, прослушивая и транскрибируя магнитофонные записи образцов речи.

3.I. Как же происходит процесс формирования текста?

Для целей научного исследования речь, как известно, необходимо отчуждать от говорящего человека и воспроизвести в некоторой модели-тексте. Расшифровка магнитофонных записей - это как раз следующая стадия в процессе отчуждения речи, выполняемого лингвистом. На этом этапе от начала отчуждения до момента моделирования звучащей речи в графической субстанции также происходят потери, размер и величина которых определяется особенностями абстрагирования от "несущественных" свойств объекта. Определение же "нерелевантных" свойств звучащей речи, представленной в магнитофонной записи, в свою

[5] Сходные мысли были высказаны в I974 году одновременно и независимо от нас некоторыми другими лингвистами. См. А.А. Грюнберг, И.М. Стеблин-Каменский, Бесписьменные языки и некоторые вопросы лингвистики текста. - Лингвистика текста, I, Москва, I974, стр. I00-I02.

очередь зависит от целей и задач расшифровки и, в конечном счете, от лингвистической концепции, которой явно или скрыто придерживается расшифровщик.

В результате отчуждения речи от говорящего индивидуума создается текст, представляющий из себя известную абстракцию от речевой деятельности,[6] то есть модель, которая лишь в каких-то определенных признаках изоморфна объекту.

При сплошной расшифровке магнитофонных записей обычно опираются на синтаксические представления и понятия. Они служат своего рода фильтром, через который расшифровщик пропускает естественную речь. Многие объективные речевые феномены и различные речевые ситуации этот фильтр не пропускает, поскольку они не предусматриваются системой синтаксических понятий. К слову сказать, явная лингвистическая фильтрация речи информантов обнаруживается практически во всех крупных опубликованных в последнее время образцах карельской речи, созданных на основе магнитофонных записей. В этих образцах почти не обнаруживаются разнообразные речевые явления хезитации, самокоррекции, повторов и перебивов, топтания на месте и т. д. и т. п., свойственные, на наш взгляд, спонтанной речи любого человека в той или иной мере.

Обсуждение этапов отчуждения речи информанта позволяет сформулировать самое первое фундаментальное требование к расшифровке и тексту, на основе которого можно будет начать исследование карельской спонтанной речи. Для этих целей расшифровка магнитофонных записей должна быть строго адекватной, то есть текстовой материал, получаемый в ходе расшифровки, должен документально точно, без искажений и купюр передавать все то, что записано на магнитной ленте. Лингвистическая фильтрация записанных на ленту образцов речи информанта во время расшифровки недопустима.

Однако соблюдение даже этого требования само по себе еще не гарантирует успеха в создании речевых документов. По-видимому, не меньшее значение и влияние в этом деле оказывает характер общеязыковой теории, которой придерживается лингвист-расшифровщик.

3.2. Остановимся более подробно на роли теории в процес-

---

[6] А.А. Леонтьев, Слово в речевой деятельности. Москва, 1965, стр. 58; В.М. Павлов, Языковая способность как объект лингвистической науки. – Теория речевой деятельности, Москва, 1968, стр. 51.

се расшифровки и создания текстового материала.

Современные исследования устно-разговорной речи, проведенные, например, на материале русского и английского языков, показали, что вся спонтанная речь людей в естественных жизненных ситуациях фактически организуется по принципу ассоциативного нанизывания мыслей, внезапных добавлений и подачи информации порциями.[7] В спонтанных формах сообщений смысловая связь обычно выражается путем свободного соединения единиц, а не с помощью формально-грамматических средств[8]. Качественное своеобразие спонтанной человеческой речи невольно заставляет задуматься на тем, что следует искать в образцах речи информантов, как и при помощи чего можно получить искомую информацию.

Традиционное лингвистическое моделирование речевой деятельности информанта, опираясь на классическую концепцию языка, создает, как мы указывали выше. значительно упрощенную картину-модель человеческой речи, абстрагированную от многих ее сущностных свойств. В этой интерпретации речь служит как бы зеркальным отображением языковых средств, используемых при плавном и логическом типе развертывания мыслей. Такая модель речи нужна и оправдана главным образом при сравнительно-историческом и диалектологическом исследовании прибалтийско-финских языков. Но для целей научного, то есть ориентированного на истинность, исследования механизмов и закономерностей порождения реальных речевых сообщений традиционная речевая модель-текст, традиционные средства и методы грамматики, по-видимому, недостаточно пригодны.[9] Об этом можно говорить, в частности, и потому, что попытки адекватного анализа естественной разговорной речи лишь в терминах предложения оказались безуспешными. В разговорной речи, с одной стороны, наблюдаются и такие речевые феномены и образования, которые не укладываются и не объясняются в рамках традицион-

---

[7] См. О.Б. Сиротинина, Современная разговорная речь и ее особенности, Москва, 1974, стр. 122-123.

[8] См. Е.А. Земская, О некоторых специфических чертах порядка слов в разговорной речи. - Русская разговорная речь, Москва, 1973, стр. 389.

[9] Ср. Г.П. Щедровицкий, Как возможна "лингвистика текста": две программы исследований. - Лингвистика текста II, Москва, 1974, стр. 198-199.

но понимаемых грамматических единиц, например, предложения.[10] С другой стороны, исследователи зафиксировали в речевом потоке фактическую неопределенность границ предложения. Более того, выяснилось, что реальный континуум потока речи не дает абсолютно достоверных свидетельств о его расчлененности на предложения.[11] Это неизбежно заставляет усомниться в основательности традиционного толкования статуса лингвистических единиц, при котором языковые и лингвистические единицы особо не различались.

Из сказанного выше вытекает следующий вывод. Адекватная передача на письме образцов спонтанной карельской речи со всеми ее общеязыковыми и индивидуальными особенностями не может, по-видимому, опираться на традиционное понимание природы человеческого языка. Чтобы сформировать речевой текст, обладающий характером речевого документа, необходимо использовать более "мощное" общетеоретическое "вооружение".

Современные теоретические представления о сущности языка и его месте в глобальной речевой деятельности человека исходят из признания трехчленного соотношения языка как системы, языка как процесса и языка как способности. Указанные категории являются органическими частями речевой деятельности, в в которой они только и имеют реальное бытование.[12] Кроме того, обнаружилось, что системность языкового стандарта не тождественна системности языковой способности; иначе говоря, речевой механизм человека (в широком смысле) организован не как точное подобие модели языка, а как-то иначе.[13] В связи с этим необходимо различать и не смешивать, во-первых, языковые и лингвистические и, во-вторых, психолингвистические и

---

[10] См. Е.Н. Ш и р я е в, Синтаксис. Вводные замечания. - Русская разговорная речь, Москва, 1973, стр. 217-224.

[11] Ю.М. С к р е б н е в, Понятие предложения в свете задач описания разговорной речи. - Ученые записки Горьковского госпединститута иностранных языков имени Н.А. Добролюбова 36 2, Горький, 1970, стр. 15-16; е г о ж е, К критике проблемы универсальной единицы синтаксиса. - Теоретические проблемы синтаксиса в современных индоевропейских языков. Тезисы докладов, Ленинград, 1971, стр. 23-24.

[12] А.А. Л е о н т ь е в, Язык, речь, речевая деятельность, Москва, 1969, стр. 23-25, 101.

[13] Там же, стр. 105-106.

лингвистические единицы.[14] Лингвистические единицы и в том и в другом случаях рассматриваются как компоненты определенных моделей, как теоретические конструкты, которые определенным образом, но отнюдь не прямо, соотносятся с речевой действительностью.

Адекватно-документальная фиксация на письме образцов спонтанной карельской речи может быть, на наш взгляд, успешно осуществлена только в том случае, если мы будем последовательно опираться на современные воззрения о природе речевой деятельности информанта и статусе лингвистических абстракций.

При создании документального речевого текста современные теоретические представления необходимо требуют от лингвиста-расшифровщика прежде всего четко разграничивать на всех этапах работы психолингвистическую и лингвистическую виды структурности. Признание психолингвистической структурности в конечном итоге выливается в признание того, что естественный поток речи информанта, независимо от любого лингвистического анализа, производимого позже, распадается на последовательность речевых отрезков, соответствующих тем или другим психолингвистическим единствам. Такими объективными единицами естественного квантования потока речи самим информантом выступают высказывание (=фонетическая фраза), фонетическое слово и слог. Они служат исходной реальностью для лингвистического анализа, иначе говоря, до лингвистического анализа исходный речевой материал представляет собой лишь сплошной массив высказываний.

Следовательно, руководствуясь существующими системами общетеоретических представлений о сущности языка информанта, лингвист-расшифровщик может на материале одних и тех же магнитофонных записей образцов речи сформировать два различных вида текста, которые, видимо, будут отражать различные данности и которые, естественно, будут задавать две принципиально различные программы исследований. С одной стороны, он может создать традиционный лингвистический (синтаксический) текст; с другой стороны, расшифровщик может получить корпус высказываний, который следует рассматривать в качестве своего рода "психолингвистического" текста.

---

[14] А.А. Л е о н т ь е в, Слово в речевой деятельности, Москва, 1965, стр. 72; е г о ж е, Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, Москва, 1969, стр. 9, 227-228.

4. Обратимся теперь в свете всего сказанного к обсуждению принципов создания и рабочих приемов обработки корпуса высказываний, который выступает, на наш взгляд, в качестве надежного материала, пригодного для исследования карельской спонтанной речи.

Стремясь сформировать корпус высказываний, лингвист-расшифровщик во время работы вскоре убеждается, что адекватное представление в письменном виде образцов естественной карельской речи, записанной на магнитофонную ленту, на практике заключается в точной и по возможности всесторонней фиксации на письме материальной стороны речи информанта, которая единственно доступна для наблюдения. Фиксации подлежат все фонетические явления речи (звуковые свойства сегментов, паузирование, ударение и, факультативно, интонация и темп), как бы экзотичны и странны они на первый взгляд ни были. Со всей выразительностью отметим еще раз, что расшифровка магнитофонных записей образцов карельской спонтанной речи должна быть фонетической по своему характеру: грамматическая информация не должна привноситься в создаваемый корпус высказываний. Это практическое положение прямо вытекает из теоретического разграничения психолингвистического и лингвистического видов структурности.

Как уже отмечалось выше, в фонетическом отношении естественный поток речи информанта распадается на последовательности психолингвистических единств, в качестве которых наиболее часто выступают высказывание и фонетическое слово. Поэтому главная цель фонетической расшифровки образцов живой карельской речи состоит в том, чтобы зафиксировать на письме именно эти единицы естественного членения речевого потока. Остановимся на определении этих единиц и способах их презентации средствами графики более подробно.

Высказывание представляет собой объективно наблюдаемый речевой сегмент, заключенный между двумя паузами (=прерывами в звуковом континууме, молчанием). Линейная протяженность высказываний значительно колеблется и зависит главным образом от темпоральных и психолингвистических факторов. Семантически эти речевые структуры далеко не всегда завершены. Появление пауз в живом потоке речи обусловливается преимущественно психолингвистическими и физиологическими причинами. Начало и конец высказываний передается на письме символами пауз.

Фонетическое слово является частью высказывания и несет на себе один пик ударения. В качестве ударного всегда выступает первый слог таких слов. В потоке речи фонетическое слово зачастую представляет собой временное объединение одноразового назначения; в его рамках нередко наблюдается редукция и опущение слогов. Ритмическая структура фонетических слов во многом зависит от темпа речи. В составе высказывания границы между фонетическими словами не реализуются как паузы, за исключением случаев, когда высказывание состоит из одного такого слова. На письме эти границы мы обозначаем для удобочитаемости очень часто пробелом, однако следует помнить, что пробелы не имеют никакого фонетического значения: высказывание, как мы указывали выше, представляет собой непрерывный звуковой континуум. Фонетические слова как составные его части выделяются только по ударению.

В транскрипции фонетических явлений в составе высказываний ведущим должен быть принцип фактического произношения: все воспринимаемые на слух фонетические реалии (качество и количество звуков, размещение и характер пауз и ударений) необходимо обозначать так, как они выступают в речи информанта.

Для того, чтобы быть речевыми документами, создаваемые текстовые материалы ни во время расшифровки, ни в процессе последующей первичной обработки не должны подвергаться ни лингвистическому редактированию, ни произвольному сокращению. Но полностью невнятные или неразборчиво произнесенные отрезки потока речи могут быть опущены при расшифровке, однако в текстах такие места необходимо как-то специально обозначать.

В идеале текстовой материал для исследования карельской спонтанной речи мог бы представлять собой лишь сплошной массив высказываний. Хотя смысл повествований информантов вполне улавливается при фиксации одних только естественных единиц его речи, все же на практике при подготовке сборников образцов карельской живой речи мы вынуждены учитывать также экстралингвистические соображения удобства чтения и восприятия содержания текстов. Поэтому иногда необходимо произвести самую общую лингвистическую обработку корпуса высказываний. Она заключается в том, чтобы в текстах-расшифровках выделить сверхфразовые лингвистические единства - беседу и период. Выделение этих смысловых блоков сообщения в карельских тек-

стовых материалах, очевидно, существенно не искажает естественной картины речи информанта, так как оно опирается также и на фонетические факты. Кроме того, в случае необходимости границы этих смысловых единиц сообщения могут быть пересмотрены.

В результате осуществления этих процедур и приемов отчуждения образцов речи информантов создается фонетический корпус высказываний. Он принципиально отличается от традиционного синтаксического текста и представляет собой, на наш взгляд, адекватную речевую модель, в которой документально зафиксированы основные и сущностные свойства карельской спонтанной речи.

5. Как же анализировать и описывать такие речевые документы? Ответ на этот вопрос требует, конечно, особого разговора. В рамках публикуемой статьи мы ограничиваемся лишь некоторыми общими замечаниями.

Полученные речевые материалы могут изучаться в различных направлениях; при этом, естественно, будут использоваться различные средства и методы анализа.

Сформированный корпус высказываний позволяет, на наш взгляд, приступить к исследованию реальной структуры естественной карельской речи и, возможно, закономерностей ее порождения. Это направление исследования представляется очень перспективным, однако в рамках его возникает много очень сложных методологических проблем, ответа на которые пока не найдено. Сложность и методологическая неопределенность такой программы исследования обусловливаются прежде всего тем, что следующий после расшифровки записей этап работы лингвиста – переход от материальной субстанции речи информанта, транспонированной в корпус высказываний, к выявлению структурно-семантических регулярностей, стоящих за нею, тесно и неразрывно связан с ментальными процессами восприятия и понимания речи, учет которых в исследовании совершенно необходим.[15] Они пока изучены очень слабо. Обычная в исследовательской работе практика подстановки лингвиста на место слушателя, которому адресовано сообщение, видимо, требует определения меры ее подлинной адекватности.

С другой стороны, данный речевой материал может изучать-

---

[15] См. Г.П. Щ е д р о в и ц к и й, Понимание как компонент исследования знаков. – Вопросы семантики. Тезисы докладов, Москва, 1971, стр. 222-223.

ся и в традиционно-языковом плане. Однако здесь необходимо быть готовым к тому, что прямой грамматический анализ корпуса высказываний, может быть, окажется невозможным. Для целей синтаксического анализа корпус высказываний должен, вероятно, подвергнуться предварительной организации и редукции, в ходе которой речевой материал, очевидно, необходимо переписать в грамматической транскрипции. Детальный грамматический анализ текстов является, таким образом, задачей исследования, в ходе проведения которой все используемые грамматические единицы-конструкты должны получить рабочие определения.

6. В заключение отметим, что несмотря на известные успехи в деле научного изучения карельского языка, исследование карельской спонтанной речи только еще начинается. Выработка методики создания речевых документов, пригодных для исследования естественной речи, представляет одну из актуальных задач современного кареловедения. Данная статья является попыткой рассмотреть теоретические основы этой методики и сформулировать некоторые ее основные принципы.

A. B a r a n c e v
(Petrozavodsk)

ABOUT THE INVESTIGATION OF SPONTANEOUS KARELIAN SPEECH

S u m m a r y

The spontaneous, i.e. non-official, natural and non-premeditated speech of Karelian language carriers has so far not been investigated by anybody. This is due mainly to the fact that until recently the investigator did not have at his disposal any reliable, compact and handy technical means for the conservation and reproduction of human speech samples. On the other hand, a system of historical-comparative views and conceptions predominated in Baltic-Finnic linguistics up to the 1960s and prevailing also at present, it has to some degree hindered us from "seeing" the real speech of Karelians.

When investigating a language without writing modus such as the Karelian language, the text is constructed by the linguist himself. Magnetic sound-recordings serve as a basis for creation of speech materials; the documental character and final mode of such a text, however, depends on how the alienation of an informant's speech and its transfer in graphic substance occurs. The latter, in its turn, depends directly on such a fact as what general linguistic conception in adhered to by a linguist-decoder (consciously or unconsciously). Guided by the existing systems of the general-theoretical representations of the nature of the informant's speech, the linguist-decipherer can form on the basis of the same speech sample tape-recording two different types of text which obviously will reflect various realities and which naturally will give rise to fundamentally different trends of investigation. On the one hand, it can establish a traditional linguistic (syntactical) text; on the other hand, a decipherer can form a corpus of phonetical utterances.

In order to create a corpus of utterances where all the essential properties of Karelian spontaneous speech would be fixed, the linguist-decoder should be guided by modern psycholinguistic views of the nature of the informant's speech activity and the status of linguistic abstractions. He must first of all clearly distinguish psycho-linguistic and linguistic modes of structuralization. The decoders of tape-recordings of Karelian natural speech samples should be phonetic in its character, grammatical information should not be included in the created corpus of utterance. The speech materials formed should not be subjected to linguistic edition or to arbitrary abridgement either during deciphering or in the process of a preliminary treatment of materials.

Л. Галахова
(Ленинград)

СОГЛАСНЫЕ В КОНЦЕ ПЕРВОГО СЛОГА В ФИНСКИХ ГОВОРАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ [1]

Восточные финские диалекты, к которым относятся рассматриваемые в данной статье финские говоры Ленинградской области, имеют ряд особенностей, отличающих их от западных диалектов. Одной из архаичных черт в восточных диалектах является наличие смычных k, p, t в конце первого слога перед некоторыми согласными [2] вместо гласных или других согласных звуков в данной позиции в западных диалектах [3]: kakla ~ kaula 'шея', eklen ~ eilen 'вчера', kakra ~ kaura 'овес', mŭkrä ~ mŭrä 'крот', putro ~ pūro 'каша', tetri ~ tēri 'тетерев', kopra ~ koura 'горсть', sŭplä ~ sŭlä 'бородавка', latva ~ larva ~ lalva 'крона дерева, макушка', vitja ~ vilja 'цепочка', hipjä ~ hiviä 'кожа человека' и т.п. Насчитывается всего несколько десятков подобных слов. Ученые предполагают, что замена смычных согласных гласными "произошла в западных диалектах уже в конце средних веков, в восточных диалектах это явление более позднего характера" [4].

Э. Итконен пишет о том, что еще в середине 1500-х годов на всей территории Саво господствовали формы со смычным

---

[1] Автором обследовано пять центральных административных районов, прилегающих к Ленинграду, на территории которых расположена основная масса финского населения Ленинградской области (Всеволожский, Ломоносовский, Гатчинский, Волосовский и Тосненский).

[2] Это согласные j,k,l,m,n,r,t,v. См., например: V. R u o p p i l a, Suomen kielen historiallista äänneoppia. Helsinki, 1966, s. 27-38.

[3] Главным образом это гласные u, ŭ, i или некоторые согласные (l, r, h). V. R u o p p i l a, там же.

[4] V. R u o p p i l a, указ. работа, стр. 27-28.

согласным в конце первого слога. На Карельском перешейке еще в 1930-е годы в речи пожилых людей последовательно наблюдалось то же явление [5]. Э. Итконен указывает и на то, что типичные для западных диалектов слова, т.е. те, в которых употребляется гласный вместо смычного согласного, попадали в восточные диалекты на протяжении столетий, причем смычные согласные заменялись гласными в пределах общеупотребительной лексики, а сугубо диалектные слова сохраняли смычные в конце первого слога [6]. Общей закономерности для слов данного типа не существует. М. Рапола пишет о том, что у каждого слова были свои внутренние законы в отношении территориального распространения [7].

В данной статье рассматриваются смычные k, t, p в позиции перед некоторыми согласными (l, r, v), т.е. наиболее часто встречающиеся сочетания согласных: kl, kr, tr, tv, pl, pr.

I. Смычный k в сочетаниях kl, kr.

В с е в о л о ж с к и й р-н: Ир eklen 'вчера', neula 'игла', kaulus 'воротник', kaura 'овес', nauris 'репа'; Угл eklen 'вчера', seula 'решето', naurā 'смеяться'; Всев eklen, hāklātti 'трепали лен', naula 'гвоздь', muamūkrā 'крот'; Кавг, Токс ńiekĺijāiń́en 'оса', niekla 'игла', хотя последнее слово ныне вытеснено литературной формой neula), ekle(n), naula, hihasūkaulukset 'манжеты', nauriś, kaura, seula; Гарб, Груз ekle, seula, kaulus, naula, nauran 'смерсъ', kauraks 'для овса'; Вк neula, kaulus, ekle(n), kaura, naurā; Рзм ekle ~ eilen, naula, seula, kaulast 'с шеи', nauru 'смех', nauris; НП, Мягл ekle, kaulukset 'воротники', neula, kaura, nauris; НТокс eilen, nauris, neula, seulas 'в решете', naurat 'смеешься'.

Л о м о н о с о в с к и й р-н: ВБр eklen, siekla 'решето', kakla 'шея', ākrāmōine 'эвремейс' (самоназвание одной из двух этнических групп жителей прежней Ингерманландии), kakra 'овес', mamūkrā 'крот'; НБр eklen, niekla, nakratta 'сме-

---

[5] E. I t k o n e n, Kieli ja sen tutkimus. Helsinki, 1966, s. 210.

[6] Там же.

[7] M. R a p o l a, Johdatus suomen murteisiin. Helsinki, 1961, s. 50. Об этом см. также: M. R a p o l a, Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki, 1966, s. 198.

шить', nakris 'репа'; Кукк eklen, kakla, nakran 'смеюсь'; Тмг niekla, siekla, mamükrä, nakra 'он смеется', nakris; Стр eilen, neula, kaula, nauran, nauris; ВК, НК eilen, seulast 'из решета', kaula, mükrä, naurä; ВКип eilen, kaula, neula, kaura, häklätä 'трепать лен'.

Волосовский р-н: Губ eilispäin 'вчера, вчерашним днем', neula, kaula, mämükrä; Рут eilen, häklämä 'трепать лен', kaula, mürätä 'копать землю'; Кальм häklätä, eilen, naurul 'смехом', kaura; Карст eilen, seulo 'он просеивает', naurat 'смеешься', mükrä; Медн kaolas 'на шее', eilen, kaora; Кир I neula, eilen, nauran; Кемп eilen, naula, nauran; Канд seulas, eilen, kaura; МКик eilen, neula, naurä 'смеяться', muamükrä, Терп neula, eilen, kauraolet 'солома от овса'; СтБег eilen (но eilispäin), kaula, mürätä, mamürä; Рад eilen, neula, mükrä; Рогов seula, naula, nauran; Ям, Сягл eilen, neula, kaura, Смерд, Треск neula, naula, eilen, kaura.

Гатчинский р-н: Пуд neula, kaulas, eilen, kaura, mükrä; МВ seulo 'сеет', kaulan ümpär 'вокруг шеи', eilen, nauran, kaura; Тц, БИв häklämä, neula, kaula, eilen, muamükrä, äürämöisi 'эвремейсы', kaura; Терв, Кел, Скв seula, eilen, nauris, häklätä, kaulast, mükrä, äürämöiset 'эвремейсы', naurä, kaurast 'из овса'; Подд neula, eilen, moamükrä, nauran, nauris;Тихк häklätä, eilen, seula, kaulus, moamükrä; Ляд päneuloi 'приколки для волос', kaula, häklätä, eilen, nauratto 'смеетесь', mükrä.

Тосненский р-н: Нур kaula, seula, eilen, muamükrä, naurua 'смеяться', kaura, nauris; Гор, Жор, Муя eilen, kaulus,neula, seula, nauran, nauris, muamükrä; НЛис kaulus,eilen, naula, kaura, nauris,muamükrä; Фед häklätä, kaula, neula, eilen, seulas, äürämöisi, muamükrä, nauris, kaura.

Итак, сочетания kl, kr в названных словах можно встретить регулярно лишь в перечисленных деревнях Ломоносовского р-на, где сказалось влияние ижорского языка. На остальной обследованной территории Ленинградской области дело обстоит иначе. В словах neula, seula, kaula,kaulus,naula повсюду в конце первого слога выступает гласный. Лишь в слове ńieklijäińen в Токсове и Кавголове Всеволожского р-на отмечено сочетание согласных. В слове со значением 'вчера' (лит. eilen) во Всеволожском р-не наблюдается сочетание согласных kl (в Разметелеве параллельно употребляются обе формы: ekle

~ eilen, но по частоте употребления преобладает форма ekle). В остальных населенных пунктах области это слово отмечено с гласным в конце первого слога: eilen ~ eile (СтБег eillen). Важно подчеркнуть, что в атласе Л. Кеттунена [8] в р-не Лисино (бывш. Liissilä) это слово дано с согласным в конце слога, тогда как ныне в Тосненском р-не во всех обследованных населенных пунктах зафиксирована форма eilen. Слово häklätä, häklämä, которое удалось записать в некоторых деревнях (Всеволожская, Верхняя Кипень, Кальмус, Тайцы, Большая Ивановка, Скворицы, Терволово, Келози, Ляды, Тихковицы, Федоровское) повсюду выступает с согласным в конце слога. В других населенных пунктах информаторы или не знают такого слова или же не помнят его. Слово mämükrä ~ muamükrä ~ moamükrä ~ mükrä [9] известно на всей рассматриваемой территории с сочетанием согласных. Исключение составляют Рутелицы и Старые Бегуницы Волосовского р-на, где в конце слога отмечен гласный: mürätä, mämürä. Остальные слова данного типа имеют в конце первого слога гласный: kaura, naurä ~ naurua, nauris ~ nauriś, äürämöisi [10]. Относительно слова mükrä М. Рапола пишет, что "лучше всего это слово сохранилось в таком виде в савоских диалектах. Эта форма выступает во всех восточных диалектах на территории Финляндии от Куусамо до Карельского перешейка и далее в финских диалектах Ингерманландии" [11]. Слово mükrä есть даже у так называемых лесных финнов Скандинавии [12]. М. Рапола объясняет это тем, что данное слово по сравнению с другими словами того же типа не имеет широкого употребления и поэтому выступает как диалектная форма. В связи со словом kakra М. Рапола, пересматривая существующие в настоящее время материалы

---

[8] L. K e t t u n e n, Suomen murteet III A. Helsinki, 1940, 14. В. Поркка пишет, что в районе Лисино раньше жили эвремейсы. См. V. P o r k k a, Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885, S. 4. На карте П.Кёппена указано также, что этот район чисто эвремейский.

[9] В Ириновке Всеволожского р-на вместо этого употребляется русское заимствование krotta.

[10] Это слово известно не во всех районах Ленинградской области.

[11] M. R a p o l a, Suomen kielen äännehistorian luennot, s. 198-199.

[12] Там же, стр. 198.

по финским диалектам, приходит к выводу о том, что это слово с сочетанием согласных на стыке первого и второго слогов исчезло из финского языка. В противовес слову mükrä, которое сохранило в восточных диалектах сочетание согласных, слово kaura очень часто употреблялось с I700-х годов в специальной сельскохозяйственной литературе. И это его официальное название утвердилось во всех финских диалектах [13]. М. Рапола считает, что существовавшие на Карельском перешейке формы данного слова с сочетанием согласных начали вытесняться западными формами после заключения Столбовского мирного договора I6I7 года, когда на Карельский перешеек устремились переселенцы из западной Финляндий [14].

В савоском диалекте финского языка смычный согласный в сочетаниях kl и kr заменен гласным, за исключением слов mükrä и sieklä, сохранивших свою первоначальную форму[15]. В нижнедужском финском диалекте выступают формы с гласным в конце первого слога [16]. В карельском языке употребляются формы со смычным (звонким или глухим) согласным [17]. В ижорском [18], водском [19], вепсском [20] и ливском [21] языках регулярно выступают формы со звонким смычным. В эстонском языке в конце первого слога имеет место гласный (на юге Эстонии

---

[13] M. R a p o l a, Suomen kielen äännehistorian luennot, s. 199–200.

[14] Там же, стр. 200.

[15] A. T u r u n e n, Itäisten savolaismurteiden äännehistoria. Helsinki, 1959, s. 95–99; V. R u o p p i l a, указ. работа, стр. 29.

[16] А. Л а а н е с т, Ижорские диалекты. Таллин, I966, стр. 5I; A. S o v i j ä r v i, Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroismurteesta. Helsinki, 1944, s. 43.

[17] H. O j a n s u u, Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki, 1918, s. 10.

[18] А. Л а а н е с т, указ. работа, стр. 50.

[19] L. K e t t u n e n, Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930, s. 32.

[20] E.A. T u n k e l o, Vepsan kielen äännehistoria. Helsinki, 1946, s. 88–90.

[21] L. P o s t i, Grundzüge der livischen Lautgeschichte. – Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXV. Helsinki, 1942, S. 77.

частично употребляется звонкий или глухой смычный [22].

2. Смычный t в сочетании tr.

Сочетание tr в финских говорах Ленинградской области встречается в нескольких словах. В западных финских диалектах согласному t соответствует гласный (putro ~ pūrc 'каша', atra ~ aura 'соха, плуг', tetri ~ terī 'тетерев', petra ~ peura 'северный олень' согласный h (otra ~ ohra 'ячмень', keträtä ~ kehrätä 'прясть' [23].

Всеволожский р-н: Ир, Угл tetri, peura 'лев', а так же otra, keträtä; Кавг, Токс tetri, jalopeura 'лев', otra, atra, keträtä;НТокс, Хитт, Вк, Гарб, Груз tetri, otra; Всев tetri, atra, а также otra, keträtä; Рзм, Мгл, НП tetri, atra, otra.

Ломоносовский р-н: ВБр, НБр, Кукк, Тмг, Стр munaputro 'пюре', tetri, atra, а также otra; keträtä; ВК, НК, ВКип putro, atra, otra.

Волосовский р-н: СтБег putro, tetri, otra; Рут putro, keträtä; Добр pūro, atra, otra; Ант, Медн putro, otra; Рогов, Карст atra, otra; Марк tetri, otra; Кир I, Кемп, МКик, Ям, Сягл, Смерд, Треск putro, otra, keträtä; Кальм, Рад mannapudro 'манная каша'; Терп tetri, otra, keträtä; Губ putro, atra, tetri, otra.

Гатчинский р-н: Ляд atra, tetri, putrō 'кашу', otra, keträtä; Тихк, Подд tetrā 'тетерев', petro'олень, лось', putro, otra, keträtä;Терв, Кел atra, tetri ~ tetteŕi, otra, keträtä; Скв putro, atra, tetri, otra; Тц, БИв tetri, jalopeura, putro, otra, keträtä; МВ putro; atra, keträtä; Пуд tetri, putro, otra.

Тосненский р-н: НЛис, Фед, Нур, Гор, Жор, Муя tetri, atra, putro, otra, keträtti 'пряли'.

Итак, во всех обследованных населенных пунктах Ленинградской области (единственный пример с гласным зафиксирован в Добрянцах Волосовского р-на: pūro) употребляется слово putro со смычным в конце слога; в Радицах и Кальмусе Волосовского р-на отмечено сочетание dr. Исключение составляет

---

[22] L. Kettunen, Eestin kielen äännehistoria. Helsinki, 1962, s. 87.

[23] Ученые считают, что в этих двух словах речь идет о сочетании согласных str. См.: M. Rapola, Suomen kielen äännehistorian luennot, s. 216; E.N. Setälä, Yhteissuomalainen äännehistoria, s. 158–160.

Всеволожский р-н, где вместо слова putro известно русское заимствование kuassa. В атласе Л. Кеттунена во Всеволожском р-не слово kuassa помечено только в Лемболово, где ныне финнов нет, и в Токсово. В настоящее время данное явление распространилось на большую территорию.

Слово putro является балтийским заимствованием (литов. putrà, латышск. putra), которое было известно еще в прибалтийско-финском праязыке. Это слово исчезло из большей части савоских диалектов, где вместо него употребляется термин huttu [24]. Этот же термин известен в юго-восточных финских диалектах, расположенных к северо-западу от Ладожского озера [25].

Сочетание согласных tr имеет место в восточных диалектах Финляндии [26]. В карельском [27], водском [28] и вепсском [29] языках в словах со значением 'плуг', 'каша' и т.п. отмечается сочетание dr, а в словах со значением 'ячмень', 'прясть' в данной позиции выступает сочетание zr. В хэвасском и нижнедужском диалектах ижорского языка у обеих групп слов в данном сочетании наблюдается звонкий d, а в сойкинском и оредежском диалектах у первой группы - d, у второй - z [30]. В ливском языке у обеих групп слов в данном сочетании стоит звонкий d [31]. В эстонском языке у слов первой

---

[24] M. R a p o l a, Suomen kielen äännehistorian luennot, s. 209.

[25] H. L e s k i n e n, Luoteis-Laatokan murteiden äännehistoria I. Konsonantit. Helsinki, 1963, s.211.

[26] L. K e t t u n e n, Suomen murteet III A 16-22; A. T u r u n e n, Itäisten savolaismurteiden äännehistoria, s. 100-105.

[27] H. O j a n s u u, Karjala-Aunuksen äännehistoria, s. 10-11; L. K e t t u n e n, Suomen murteet III A 21; M. R a p o l a, Suomen kielen äännehistorian luennot, s. 216.

[28] L. K e t t u n e n, Vatjan kielen äännehistoria, s. 32; M. R a p o l a, Suomen kielen äännehistorian luennot, s. 216.

[29] E.A. T u n k e l o, Vepsän kielen äännehistoria, s. 90; E.N. S e t ä l ä, Yhteissuomalainen äännehistoria, s. 159.

[30] А. Л а а н е с т, Ижорские диалекты, стр. 51-53.

[31] L. P o s t i, Grundzüge der livischen Lautgeschichte, s. 182.

группы в этом сочетании встречается как глухой, так и полузвонкий смычный, а у слов второй группы - полузвонкий d, за исключением северной Эстонии, где в словах со значением 'ячмень', 'прясть' выступает сочетание hr [32].

3. Смычный t в сочетании tv.

Смычный t перед v на стыке первого и второго слогов (latva 'крона, верхушка') выступает на всей рассматриваемой территории Ленинградской области. Данное явление присуще финскому литературному языку и восточным финским диалектам. В западных финских диалектах указанное сочетание представлено следующим образом: δv, rv, lv, dv, ᵡδv [33]. В карельском [34], ижорском [35], вепсском [36] и водском [37] языках в конце первого слога перед v стоит звонкий d. В эстонском языке имеются сочетания как со звонким, так и с глухим согласным [38]. В ливском языке сочетанию dv соответствует d (< dd) [39].

4. Смычный p в сочетаниях pl, pr.

Во всех обследованных населенных пунктах Ленинградской области в словах süplä 'бородавка', kopra 'горсть, лапа' имеются сочетания согласных. Кроме того, в отдельных населенных пунктах области удалось записать и другие слова с теми же сочетаниями согласных.

В с е в о л о ж с к и й р-н: Вк, Ир, Угл, Рзм, Мягл, НШ höplä 'слабый, ненатянутый'; Всев höplä, hapras 'хрупкий'; Токс, Кавг höplä ~ höplijä, hapras; Гарб, Груз höplijä, hapras.

---

[32] L. K e t t u n e n, Eestin kielen äännehistoria, s. 37, 43, 44; M. R a p o l a, Suomen kielen äännehistorian luennot, s. 216.

[33] L. K e t t u n e n, Suomen murteet III A 27; V. R u o p p i l a, указ. работа, стр. 30.

[34] H. O j a n s u u, Karjala-Aunuksen äännehistoria, s. 11.

[35] А. Л а а н е с т, указ. работа, стр. 51.

[36] E.A. T u n k e l o, Vepsän kielen äännehistoria, s. 91.

[37] L. K e t t u n e n, Vatjan kielen äännehistoria, s. 33.

[38] L. K e t t u n e n, Eestin kielen äännehistoria, s. 37; E.N. S e t ä l ä, Yhteissuomalainen äännehistoria, s. 158.

[39] E.N. S e t ä l ä, Yhteissuomalainen äännehistoria, s. 158.

Ломоносовский р-н: höplijä ~ höplē (повсеместно .
Волосовский р-н: höplijä ~ höplie (повсеместно).
Гатчинский р-н: Терв, Кел, Скв höplie, hapras, säplä 'сковородник'; Тц, БИв, Пуд höpliä; Ляд höplijä, hapras; Тихк, Подд höplie, hapras.
Тосненский р-н: Нур, Гор, Жор, Муя, НЛис höplüvä, hapras.

Сочетания pl и pr в конце первого слога характерны для восточных финских диалектов [40]. В западных финских диалектах вместо этих сочетаний употребляются гласные (höülä, hauras) перед l и r [41]. В ижорском [42], водском [43], вепсском [44], ливском [45] и карельском [46] языках в данных сочетаниях согласных вместо глухового выступает звонкий согласный b.

Итак, в финских говорах Ленинградской области сохранилась архаичная черта - согласные k, p, t в конце первого слога. Это явление имеет место на всей территории Ленинградской области, но не является закономерным для всех слов данного типа. Наиболее регулярно согласные в конце первого слога выступают в некоторых деревнях Ломоносовского р-на под влиянием ижорского языка.

При сравнении изложенного материала с данными атласа Л. Кеттунена 1940 г. наблюдаются некоторые изменения в отношении территориального распространения данного явления.

---

40 L. K e t t u n e n, Suomen murteet III A 23, 24.

41 Там же.

42 A. S o v i j ä r v i, Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroismurteesta, s. 43, 44.

43 L. K e t t u n e n, Vatjan kielen äännehistoria, s. 33.

44 E.A. T u n k e l o, Vepsän kielen äännehistoria, s. 93-94.

45 L. P o s t i, Grundzüge der livischen Lautgeschichte, S. 182.

46 H. O j a n s u u, Karjala-Aunuksen äännehistoria, s. 10.

Сокращения

Всеволожский р-н: Рзм – Размететелево; НП – Новая Пустошь; Вк – Воейково; Мягл – Мяглово; Всев – Всеволожская; Ир – Ириновка; Угл – Углово; Токс – Токсово; Кавг – Кавголово; НТокс – Ново-Токсово; Хитт – Хиттолово; Гарб – Гарболово; Груз – Грузино.

Ломоносовский р-н: ВБр – Верхняя Бронка; НБр – Нижняя Бронка; Кукк – Куккози; Тмг – Таменгонт; Стр – Стрельна; ВК – Верхняя Колония; НК – Нижняя Колония; ВКип – Верхняя Кипень.

Волосовский р-н: Губ – Губаницы; Рут – Рутелицы; Кальм – Кальмус; Медн – Медниково; Кир I – Кирово I; Кемп – Кемполово; Канд – Кандокюла; МКик – Малое Кикерино; Терп – Терпилицы; СтБег – Старые Бегуницы; Рад – Радицы; Рогов – Роговицы; Ям – Ямки; Сягл – Сяглицы; Смерд – Смердовицы; Треск – Тресковицы.

Гатчинский р-н: Пуд – Пудость; МВ – Малое Верево; Тц – Тайцы; БИв – Большая Ивановка; Терв – Терволово; Кел – Келози; Скв – Скворицы; Подд – Поддубье; Ляд – Ляды.

Тосненский р-н: Гор – Горьки; Жор – Жоржино; Муя – Муя; НЛис – Ново-Лисино; Фед – Федоровское.

L. G a l a c h o v a
(Leningrad)

ÜBER DIE STIMMLOSEN VERSCHLUßLAUTE IM AUSLAUT DER ERSTEN SILBE IN DEN FINNISCHEN MUNDARTEN DES LENINGRADER GEBIETS

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Aufsatz ist einer wichtigen Frage der historischen Lautlehre der ostseefinnischen Sprachen gewidmet: der Erkenntnis, daß sich in den finnischen Mundarten des Leningrader Gebiets bis zu einem gewissen Grade eine archaische Erscheinung erhalten hat, nämlich die stimmlosen Verschlußlaute p,t,k im Auslaut der ersten Silbe: ekle(n) 'gestern', mükrä 'Maulwurf', putro 'Grütze', süplä 'Warze', hapras 'zerbrechlich', latva 'Baumkrone' u.a. Am regelmäßigsten treten diese Konsonanten im Auslaut der ersten Silbe in der Mundart einiger Dörfer des Lomonossow-Bezirks auf, die an das Areal des Ishorischen grenzen. Das Belegmaterial ist vom Verfasser in den Jahren 1960-1970 in 60 Ortschaften gesammelt worden, die in 5 Bezirken des Leningrader Gebiets dicht bei Leningrad gelegen sind. Bei der Darlegung werden zum Vergleich andere ostseefinnische Sprachen herangezogen.

Ф. Грачева
(Йошкар-Ола)

О ДРЕВНЕЙШЕМ ПЛАСТЕ МАРИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Многие фразеологизмы своими корнями уходят в далекое прошлое. Некоторая часть марийских устойчивых словосочетаний, вероятно, восходит еще не только к финно-волжской, но и финно-пермской языковой общности. Об этом говорит наличие в финно-угорских языках значительного количества фразеологических единиц, совпадающих в основном по компонентному составу и лексическому значению. Ср.: марийский йомшо товарын вурдыжо 'бесполезный, ни на что не пригодный' (= 'топорище потерянного топора'), удмуртский ышем тӥрлэн ныдыз, коми вошӧм черлон пуыс; марийский мӱндыран пыштет - лишыч налат 'далеко положишь - близко возьмешь' удмуртский кыдёке понод - матысь басьтод, коми пыдӧ пуктан, матысь босьтан; марийский меранҭ чонан 'трусливый' (= 'с заячьей душой'), удмуртский кеч сюлэм, коми кӧч сьӧлӧм, мордовский нумолонь седей; марийский умша гыч огыт пере 'спрос не грех' (= 'в рот не ударят'), удмуртский ымад уз чапке, коми вомад оз кучкыны, эстонский küsija suu peale ei lööda; марийский кидшым-йолжым пыштен коден огыл 'следов не оставил (о воре)' (= 'руки-ноги не оставил'), удмуртский кизэ-пыдзэ кельтымтэ, коми кисӧ-коксӧ абу кольӧма; марийский йолжат мландыш ок логал 'очень быстро бежит' (= 'даже ноги его на землю не попадают'), удмуртский пыдыз но музъем вылэ уг йӧтылы, эрзянский пильгтне а токшить модас, эстонский jookseb nii, et jalad ei puutu vastu maad, финский mennä niin, että jalat maahan eivät koskettaneet.

В статье нами рассматриваются некоторые древнейшие источники исконно марийских (финно-угорских) фразеологизмов.

Основу древнейшей марийской фразеологии составляют устойчивые словосочетания, отображающие быт народа, трудовые процессы, традиции, обряды. В устойчивых сочетаниях находит свое выражение мировоззрение, культура, история народа.

Фразеологизмы чаще всего возникают в процессе трудовой деятельности человека. Поэтому в основе многочисленных ус-

тойчивых словосочетаний лежит трудовой опыт народа. Марийцы с давних лет занимались охотой, скотоводством, земледелием. Им издавна были знакомы, например, ремесла, связанные с переработкой лесного сырья: смолокурение, плотницко-столярная, лыкомочальная работа. Все это оставило заметный след как в целом в лексической системе, так и во фразеологии. В настоящее время без специального исследования можно приблизительно определить, в среде какой группы людей возникли в прошлом те или иные устойчивые словосочетания. Фразеологизмы появились, например, среди о х о т н и к о в: вожвондым чикташ 'укрощать, заставлять кого-л. повиноваться'(= 'надеть рогатину'), пикш гай 'быстрый, быстро, моментально' (= 'как стрела'), рӹен пишташ горн. 'нацелиться на какое-л. дело, задумать что-л.' (= 'положить, нацелив, натянув тетиву или набив патроны');

среди п л о т о г о н щ и к о в, с п л а в щ и к о в л е с а: вӹд кашка гай пӹжалташ 'сильно вспотеть' (= 'вспотеть как водяной кряк'), оҥгыр дон оҥгыраш горн. 'тяжелый на подъем' (= 'рычагом, вагой поднимать'), вӹдеш-сереш илышташ 'перебиваться, трудно жить' (= 'поживать в воде и на берегу');

среди з е м л е д е л ь ц е в: вес аҥам куралаш 'говорить совершенно о другом' (= 'пахать другое поле'), вес олыкым солаш то же (= 'косить другой луг'), ик йыраҥеш кушкыныт 'похожи друг на друга, стоят друг друга' (= 'на одной грядке выросли'), кыне орол 'чучело конопляное';

среди п и в о в а р о в: пецка (ямдар) йӹде пробкам шиаш горн. 'вмешиваться в чужие дела' (= 'в каждую бочку (бутылку) вбивать пробку');

среди п л о т н и к о в: тореш товар 'задиристый, несговорчивый (о человеке)' (= 'поперечный топор'), нӧлпӧ (писте) ишкым ишкылаш 'врать, хвастаться, льстить' (= 'вбивать ольховый (липовый) клин'), келтым тавар вургы горн. 'лишний человек; человек, которого не взлюбили' (= 'ненужное топорище').

Фразеологизмы говорят нам о многих сторонах трудовой деятельности народа в прошлом. Например, выражения об обработке конопли, о ткацком деле легли в основу многочисленных сравнительных устойчивых оборотов: кыне гай чӹчкыдӧ 'густой, частый как конопля', кыне ер гаи лопка 'широкий' (= 'широкий как озеро, где мочили коноплю'), кыне туле гай каҥга 'тощий, худой' (= 'худой как конопляная мялка'), потяш сарым постол

горн. 'слабый, хилый (о человеке)' (= 'хилый как посконный снопик'), шуар гай кӱжгӧ 'толстый' (= 'толстый как ступа, где толкли пеньку'), шондаш гай чӱчкыдӧ 'густой, частый' (= 'частый как щетка для зачесывания кудели'), кӱляш гай 'о русых шелковистых волосах'(='как лучшая часть кудели'), тышка дӓ кынзала горн. 'маленький да мужчина' (= 'хлопок да пряжа'), кышкар гай оралте 'обстроенный двор' (= 'надворные постройки как цилиндр для наматывания ниток'), мӹвер ой нӓлмеш шӹнзаш горн. 'долго засиживаться' (= 'сидеть до тех пор, пока ткань на одежде чуть ли не износится').

Сравнительные устойчивые обороты позволяют выявить каждую ступень обработки конопли - от посева семян до производства ткани. Подобные словосочетания превратились в устойчивую формулу. Они глубоко национальны. Предметы, которые в свое время явились основой для устойчивого сравнения, вышли из обихода. Например, шуар 'ступа, в которой толкли коноплю', кыне туле 'конопляная мялка', кышкар 'цилиндр для наматывания ниток' можно теперь встретить только в музеях. Естественно, исчезли и соответствующие слова, стали архаизмами. Они сохранились лишь в составе устойчивых оборотов.

К древнейшему пласту относятся фразеологизмы, порожденные подневольным трудом. Разделение общества на имущих и неимущих, эксплуатация одной группы людей другой оставили в языке многочисленные устойчивые выражения. Показательны в этом отношении фразеологизмы с постоянным лексическим компонентом ен̑ 'чужой': ен̑ пӱжвӱд дене илаш 'жить за чужой счет; пользоваться результатами чужого труда' (='жить потом других'), ен̑ кид йымалне илаш 'жить в неволе, под властью кого-л.; быть зависимым от кого-л.' (= 'жить под чужими руками'), ен̑ шинчарожым ончаш 'заискивать перед кем-л., быть зависимым от кого-л.' (= 'смотреть в чужие глаза'), ен̑ кид мучаште илаш 'жить в людях; быть зависимым от кого-л.' (= 'жить на кончике чужой руки'), ен̑ ӱмбалне кошташ 'жить, скитаться в людях', ен̑ кумылым ончаш 'угождать кому-л.' (= 'глядеть чужое желание'), ен̑ кӱшеш илаш 'жить за чужой счет'.

Исконно марийскими следует считать фразеологические единицы, связанные с историческими событиями давно прошедших времен. Например, устойчивое словосочетание йыныш шӹргы, широко распространенное среди горных марийцев, вероятно, восходит своими корнями к XVII веку. В давние времена на лбу или

лице бунтарей выжигали букву Б, 'клеймили их позором'. Клейменых затем отправляли в далекую Сибирь. Одна из таких дорог (так. наз. Екатерининский тракт) проходила через территорию, занятую горными марийцами. Местные жители неоднократно были свидетелями страшной картины, когда оборванных, измученных, клейменых людей отправляли на далекое поселение. Факт выжигания, 'клеймения' оставил в народе приведенный выше фразеологизм. К этому же времени следует отнести и появление устойчивых выражений намысше йӱлен 'бесстыдник' (= 'стыд его сгорел'), шӧтыргыляш шӧргы горн. 'бесстыдник'(= 'портяночно--лоскутное лицо').

Немало фразеологических единиц связано с обычаями и верованиями народа: юмылан ниялтыме огыл 'не бог весть какой важный' (= 'не богу поглаженный, приласканный'), тӱкет кушкеш мо? 'какое тебе удовольствие, что тебе это даст?' (= 'у тебя рога вырастут что ли?'), ен мелна дене ныллым чӱкташ 'на чужой счет' (= 'чужими блинами сороковой день (поминку) справлять'), пий пиалеш кодшо кинде 'скудные запасы'(='хлеб, оставшийся на счастье собаки'), рокым пурлын товатлаш 'истинно не врать' (= 'поклясться, взяв землю в рот'), юмын кылымдымак налын огыл 'не велика особа' (= 'не у бога пупок принимала'). Нужно полагать, что за каждым из приведенных устойчивых сочетаний стоит тот или иной обряд или обычай народа.

К обрядному выражению восходит, например, фразеологизм шолагай мурым мураш 'плакать' (= 'петь левую песню'). Еще в древние времена марийцы, провожая покойника, пели поминальную песню. Она отличалась своеобразной мелодией. Песня, как правило, сопровождалась плачем, причитаниями.Выражение шолагай мурым мураш впоследствии стало означать не только похоронную песню, но и приобрело другое значение - шорташ 'плакать'. Первоначальный смысл постепенно стал забываться, словосочетание перешло в разряд фразеологизмов.

Суеверный страх перед силами природы также оставил в народе свои следы. В марийском языке распространенным является, например, устойчивое выражение (кеч) киш йӱр йӱрмӧ 'все равно, ничто не тревожит, будь что будет' (='пусть серный дождь пойдет'). Какое явление природы лежит в основе отмеченного фразеологизма? Оказывается, жителям лесных районов (по преимуществу хвойных лесов) известен 'серный дождь'. Весной в сосновых лесах иногда обильно выпадает сосновая пыль-

ца и покрывает землю серовато-желтым налетом. Под слоем серной пыльцы могли оказаться посевы, пастбища и т.д., что доставляло местным жителям немало хлопот. Отголоском этого необычного явления следует считать выражение киш йӱр йӱреш 'идет серный дождь'.

Фразеологический фонд марийского языка пополнили отрывки из клятвенных выражений, заклинаний, причитаний. Они представляют собой усеченные формы бывших сложных синтаксических конструкций, которые произносились нашими предками по поводу каких-либо невзгод, утрат. С течением времени выражения редуцировались, и теперь они с морфолого-синтаксической точки зрения нередко представляют собой только обрывки фраз: ош кече ончылно 'истинно, правда' (='перед светлым солнцем'), кумылан шого 'будь добр' (='стой богу'), осал щӱлыш деч сердаге 'сохрани от злого духа', кумашне-пӱршашне 'выражение страха, испуга, удивления' от кумо ашне, пӱршӧ ашне 'содержи, сохрани, бог, сохрани, дух-сотворитель', кумо сердаге 'сохрани, бог'.

Следует указать еще на несколько групп древнейших устойчивых словосочетаний: это соматические фразеологизмы и выражения, в которых отразились животный и растительный мир.

Соматические фразеологизмы в марийском языке весьма многочисленны. Устойчивые обороты со словами вуй 'голова', йол 'нога', кид 'рука', шинча 'глаз', мер 'нос', кап 'тело' и др., несомненно, являются древнейшими. Об этом говорит тот факт, что в настоящее время в родственных языках имеются общие соматические фразеологизмы, сохранившие внутреннюю форму и одинаковое или близкое лексическое значение.

Немалый интерес представляют фразеологизмы, в которых запечатлены названия зверей, птиц, домашних животных, деревьев, кустарников, растений. Специальное изучение подобных устойчивых выражений может пролить свет на многие стороны жизни народа. Например, во многих фразеологизмах марийского языка имеются названия распространенных в средней полосе России деревьев и трав: писте 'липа', куэ, кугы горн. 'береза', тумо 'дуб', шопке 'осина', чодыртан 'сухая пихта', лӱлны горн. 'ольха', лӱмегок 'можжевельник', конщудо 'лебеда', арымщудо 'полынь' и т.д.: чара пистышке тупынь кӱзаш 'говорить неправду, вздор' (='на голую липу подняться спиной'), куэ вонтыр дене сийлаш 'выпороть' (='угостить березовым прутиком'), лӱлны ишкым ишкылаш горн. 'лгать, обманывать'

(= 'вбивать ольховый клин'), ни писте ни нымыште 'ни то ни се' (= 'не то липа, не то молодая липа'), чодыртан (лӱмегом) гай ныжаш 'вспыхнуть как сухая пихта (можжевельник) (о вспыльчивом человеке)', кугилан рошашты тум эхельым кӹчалаш горн. 'бесполезно тратить время' (= 'в березовой роще искать желудей), кеч конщудат ниже шоч 'выражение равнодушия, безразличия к чему-л.' (= 'хоть лебеда не расти').

Таким образом, древнейший пласт фразеологических единиц - это ценнейшее богатство национального языка, представляющее большой интерес не только для лингвистов, но и для историков и этнографов.

F. G r a t š e v a
(Joškar-Ola)

MARILAISTEN FRASEOLOGISMIEN VANHIMMASTA KERROSTUMASTA

T i i v i s t e l m ä

Marilaisten fraseologismien vanhin kerrostuma kertoo tutkijalle hyvin paljon tämän kansan elinympäristöstä, taloudesta, kultuurista ja menneisyydestä. Kirjoituksessa esitetään lyhyt yleiskatsaus asianomaisista fraseologismeista.

Э. Якимова
(Йошкар-Ола)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

Влияние тюркских языков на марийский язык начинается в УII в. н.э., когда марийцы столкнулись с булгарскими племенами. Результаты контактирования марийского языка с тюркскими нашли отражение во всех уровнях марийского языка: фонетике (напр., возникновение лабиальной гармонии в луговом и восточном наречии под влиянием чувашского и татарского языков; возникновение звука ӧ в горном, северо-западном и некоторых говорах лугового наречия произошло частично под влиянием чувашского языка), в системе словообразования (напр., появление суффикса -рак у имен прилагательных, ср. сайрак 'лучше', нелырак 'тяжелее', суффикса -че, -чӧ, ср. кӱтӱчӧ 'пастух', суффикса -лык, напр., шынгалык 'полог'), в лексике (напр., заимствования кап 'тело', онг 'грудь', парня 'палец' и др. из татарского и чувашского языков), синтаксисе (напр., в марийском языке под влиянием тюркских языков появились спаренные глаголы).

В финно-угроведении имеется немало исследований по вопросам взаимодействия марийского и тюркских языков в области фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса. Это работы известных лингвистов Й. Синнея (J. Szinnyei 1894), Э. Беке (Ö. Beke 1909-1910), М. Рясянена (M. Räsänen 1923, M. Räsänen 1920), Фокоша-Фукса (D.R. Fuchs 1937), Б.А. Серебренникова (Б.А. Серебренников 1955), И.С. Галкина (И.С. Галкин 1964, И.С. Галкин 1966), Л.П. Грузова, Ф.И. Гордеева, М.П. Чхаидзе, Д.Е. Казанцева и др. Однако до сих пор нет работ, которые ставили бы вопрос о влиянии тюркских языков на

* Выступление на всесоюзном научном совещании финно-угроведов в октябре 1977 в г. Ужгороде.

марийский в области фразеологии.

Сравнивая фразеологизмы марийского, татарского и чувашского языков, можно заметить, что во всех названных языках имеются тождественные обороты. Напр., следующие фразеологизмы имеют одинаковый образ и аналогичное грамматическое оформление в марийском и татарском языках: мар. почшымат ок ончыкто 'не появляется, не приходит' (= 'и хвост свой не показывает') < тат. кыйрыгын да күрсәтмәү 'не появляется, не приходит' (= 'и свой хвост не показывает'); мар. тасма йылме 'краснобай' (= 'лента язык') < тат. тасма тел; мар. йылмым нелаш 'молчать' (= 'язык проглотить') < тат. тел йоту; мар. шем көрган 'человек с черной душой' (= 'с черным нутром') тат. эче кара 'нечестный, коварный' (= 'нутро его черное'); мар. умшам карен кодаш 'прозевать, остаться ни с чем' (='остаться с раскрытым ртом') < тат. авыз ачып калу; мар. вуйым пуаш огыл 'не подчиняться, не покоряться' (= 'голову не давать') < тат. баш бирмәү; мар. вуйым шияш 'жаловаться' (= 'голову бить') < тат. баш ору 'бить челом, кланяться, класть земные поклоны' (= 'голову ударять'); мар. вуйым төрлаташ 'опохмелиться' (= 'голову поправить') < тат. баш тезәтү.

Много одинаковых фразеологизмов в марийском и чувашском языках: напр., мар. куштылго кидан 'говорится о человеке,почин которого ведет к удаче во всех делах' (= 'с легкими руками') < чув. çăмăл ала 'легкая рука'; мар. кадыр кидан 'нечист на руку, вор' (= 'с кривыми руками') < чув. кукăр алă 'вор' (= 'кривая рука'); мар. кидым тунемаш 'приручиться, привыкнуть' (= 'руки выучить') < чув. алла вĕрен 'привыкать к человеку, приручиться; привыкать к рукам (о ребенке)'; мар. ен^{г} шинчаш ончаш 'быть в зависимости от кого-либо' (= 'чужие глаза смотреть') < чув. çын куçĕнген пăх 'быть в зависимости от кого-либо' (= 'чужими глазами, в чужой глаз смотреть'); мар. ан^{г}ыра вуй 'бестолковый'(='бестолковая голова') < чув. анра пуç 'бестолковый'; мар. вуйыш логалаш 'угореть' (= 'в голову попасть') < чув. пуçа лек 'угореть' (= 'в голову попадать'); мар. вуйым кочкаш 'погубить'(= 'голову съесть') < чув. пуçа çи

Наличие одинаковых фразеологизмов в марийском, чувашском и татарском еще не значит, что они встречаются только в этих языках. Можно привести большое количество фразеологизмов,

имеющих аналогии во многих языках. Напр., в марийском языке есть фразеологизм яклака йылме 'краснобай' (='гладкий язык'). Подобный фразеологизм имеет место также в татарском шома тел 'увертливый' (= 'гладкий язык'), в эстонском kellelgi on libe keel 'быть льстивым' (= 'у кого-л. язык гладкий'), в немецком eine glatte Zunge haben 'льстить' (= 'иметь гладкий язык'). Фразеологизм 'смотреть сквозь пальцы' имеется в марийском парня вошт ончаш, татарском бармак аша кару, немецком j-m durch die Finger sehen, эстонском läbi sõrmede vaatama. Наличие одинаковых фразеологизмов во многих языках объясняется двумя причинами: во-первых, языковым взаимодействием, во-вторых языковой конвергенцией.

Основным способом заимствования в сфере фразеологии является калькирование, т.е. буквальный, пословный перевод иноязычного оборота. Калькирование может быть частичным или полным. Следовательно, заимствованные фразеологизмы можно разделить на фразеологические полукальки и фразеологические кальки.

Во фразеологических полукальках часть компонентов переведена, а часть заимствована. Напр., марийский фразеологизм арам логар 'дармоед, нахлебник' (= 'бесполезное,даровое горло') возник под влиянием чувашского харам пăр (харам 'бесполезный, напрасный, тщетный, пустой', пăр 'горло').Не вызывает сомнения, что марийское прилагательное арам заимствовано из чувашского харам. Выпадение согласного х означает, что заимствование данного слова произошло в тот период, когда в марийском языке отсутствовал звук х. Марийский фразеологизм ан^{г}ыра вуй 'глупый, бестолковый' (= 'глупая голова') является также фразеологической полукалькой: в татарском языке имеется оборот ангыра баш, в чувашском анра пуç с аналогичным значением. Прилагательное ан^{г}ыра 'бестолковый' в марийском фразеологизме ан^{г}ыра вуй изменилось по сравнению со своим источником незначительно. Марийский фразеологизм вуйым чыкаш 'впутаться в неприятное дело' (= 'засунуть голову')является результатом влияния чувашского пуç чик 'засунуть голову'. В отношении данного оборота может возникнуть вопрос, а не является ли чувашский фразеологизм калькой с марийского, поскольку подобный фразеологизм имеется и в некоторых других финно-угорских языках, ср. напр., в удмуртском йырез чуртнаны 'засунуть голову (впутаться в неприятное дело)', в коми

кр сыйны 'засунуть голову'. Вероятно этот фразеологизм в коми и удмуртском является также тюркской калькой, так как коми и удмуртский языки, как и марийский, находились в длительном контакте с тюркскими языками. В других финно-угорских языках фразеологизм с подобным образом и семантикой нами не обнаружен. Напротив, в тюркских языках он широко распространен ср. напр., в узбекском бош сукмоқ, башкирском баш тығыу. В марийском фразеологизме компонент чыкаш 'сунуть' является тюркским заимствованием.

Фразеологические полукальки, как уже было упомянуто, имеют в своем составе иноязычный элемент. При переходе в марийский язык заимствованные элементы подвергаются фонетическим и морфологическим изменениям согласно законам марийского языка. В некоторых случаях иноязычный элемент переходит без изменения: напр., в марийском фразеологизме тасма йылме 'краснобай' (= 'лента язык') тюркский элемент тасма 'лента' сохранился без изменения, ср. тат. тасма тел.

Фразеологические кальки являются дословными переводами фразеологизмов. В полных фразеологических кальках буквальному переводу подвергаются все слова-компоненты иноязычного фразеологического оборота. Перевод может сохранить лексико-грамматические особенности оригинала. Сохранение грамматической структуры заимствованных фразеологизмов объясняется структурно-типологической близостью марийского языка с чувашским и татарским языками. Напр., марийский фразеологизм вуйым кочкаш 'погубить' (= 'голову съесть') заимствован из тюркских языков. Фразеологизм с данным значением встречается во многих тюркских языках: в татарском баш ашау, чувашском пуҫа çи, туркменском башыны иймек, узбекском бошини емоқ, турецком başini yemek. Калькой является также фразеологизм вуйым шупшаш 'отказываться, упрямиться' (= 'голову тянуть'), ср. в татарском баш тарту, чувашском пуҫ турт, кара-калпакском бас тарт, в киргизском баш тарт. Марийский фразеологизм шинча ошо дене ончаш 'смотреть злобно' (= 'белками глаз смотреть') является калькой с тюркских языков, ср. в киргизском көзүнүн агы менен карады 'он злобно, враждебно посмотрел' (= 'посмотрел белками глаз'). Примером полной кальки может служить фразеологизм ен[Г] шинчаш (шинчам)ончаш 'быть зависимым от кого-л.' (= 'в чужие глаза или чужие глаза смотреть'), ср. в чувашском сын куҫенчен пăх 'быть в зависимости от ко-

го-л., киргизском кезуне кара 'быть в зависимости, в зависимом положении'.

Анализируя заимствованные фразеологизмы, можно заметить интересный факт: в некоторых случаях перевод иноязычных фразеологизмов происходит при помощи языковых средств, близких к иноязычным компонентам. На эту особенность обратил внимание исследователь соматической фразеологии эстонского языка Ф. Вакк (F. Vakk 1975). В марийском языке фразеологизм вуй пыташ 'погибнуть, поплатиться головой, пропасть' (= 'голова кончаться') образовался под влиянием татарского баш бету 'поплатиться головой, погибнуть' (= 'голова кончаться').

Что касается семантики заимствованных фразеологизмов марийского языка, то они в основном сохраняют то же значение, что и соответствующие тюркские: ср. значение фразеологизмов арам логар, анʼгыра вуй, тасма йылме. При заимствовании многозначных фразеологизмов происходит сужение значения. В марийский язык они переходят с каким-нибудь одним значением. Марийский фразеологизм вуйым шушаш образовался под влиянием татарского баш тарту, который имеет значения 'отказываться, не повиноваться; отрекаться, уклоняться'. Соответствующий марийский вариант имеет основное значение 'отказываться, упрямиться'. Ямет вуйым ок шупш (Орай 1974 : 95) 'Ямет не отказывается'. Сужение значения можно наблюдать и у фразеологизма вуйым шияш. В татарском языке баш ору имеет значения 'бить челом, кланяться, класть земные поклоны; в чувашском пуç çап 'кланяться, бить челом, молиться'. В марийском языке фразеологизм вуйым шияш имеет значение 'жаловаться'.Барсуков чакнен огыл, Йошкар-Олашке вуйым шийын (Орай 1974 : 62).Барсуков не отступил, пожаловался в Йошкар-Олу'.

В заключение отметим, что заимствованные фразеологизмы прочно вошли в систему марийского языка и являются одним из продуктивных источников пополнения фразеологического фонда.

Литература

Галкин И.С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола.

Галкин И.С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология 2, Йошкар-Ола.

О р а й Д. 1974, Осын Ваня, Йошкар-Ола.

С е р е б р е н н и к о в Б.А. 1955, О взаимодействии языков (Проблема субстрата). - Вопросы языкознания I, стр. 7-25.

B e k e, Ö. 1909-1910, Cseremisz nyelvtan. - NyK XXXIX, l. 75-127; 349-382.

F u c h s, D.R. 1937, Übereinstimmungen in der Syntax der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen. - FUF XXIV, S. 292-322.

S z i n n y e i, J. 1894, Labiális illeszkedés a cseremisz nyelvben. - NyK XXIV, l. 141-151.

R ä s ä n e n, M. 1923, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki.

R ä s ä n e n, M. 1920, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki.

V a k k, F. 1975. Das Entlehnen der Phraseologismen im Estnischen (auf Grund der Belege der somatischen Phraseologie). - Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Tallinn.

E. J a k i m o v a
(Joškar-Ola)

ZUR FRAGE ÜBER DEN EINFLUSS DER TURKISCHEN PHRASEOLOGISMEN AUF DIE MARISCHEN PHRASEOLOGISMEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Einfluß der kontaktierenden turkischen Sprachen auf die marische Sprache offenbart sich in allen Sprachebenen, folglich auch in der Phraseologie. Die breite Zusammenwirkung läßt sich durch strukturell-typologische Ähnlichkeit der marischen und turkischen Sprachen erklären. Der Autor betrachtet phraseologische Kalken und phraseologische Halbkalken.

В. Клаус
Тарту

НАРЕЧИЯ В РУССКО-САМСКИХ ДИАЛЕКТАХ

I. НАРЕЧИЯ, ОБРАЗОВАВШИЕСЯ ОТ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

Как в финно-угорских языках вообще, так и в русско-саамских диалектах, в частности, границы между отдельными частями речи не так отчетливы, как, например, в индоевропейских языках. Наречие – часть речи, которая образовалась сравнительно поздно. В русско-саамских диалектах имеются многие наречия, которые образовались из падежных форм имени.

I. Номинативные наречия

Хотя слово в номинативе не может быть в предложении обстоятельством, номинативные наречия все же имеются. Таковы, например, колт. П hi̮r̄m̄ôs [1], С χi̮r̄m̄ɒ̂s 'страшно', П tĭĕ̬ˀttr̆ɒ̂s, С tĭeɔtt(ᴬ)ʌa̬s, иоканьг. tiettamas 'конечно', колт. П ti̮ī̮ma, С teimma, Н tėī̮ma, клд. tėī̮ma, иоканьг. ti̮ī̮ma 'в прошлом году', колт. П pi̮r̄rᵃ, С pir̀rᵃ, Н pi̮rrᵃ, клд. pi̮rr(ᵃ), иоканьг. pi̮rrᵃ 'кругом, вокруг', колт. П pùˀk, puk, клд. puk 'всего, самый'. Форму номинатива имеют также сравнительная и превосходная степени сравнения наречий, напр., колт. П pɯəṛá`в 'скорее, лучше', С jä̈änab (КО, 133), иоканьг. jėām̄ᵇpᴬ 'больше', колт С jä̈änmõs (КО, 133) 'больше всего', ä̈äiga̬b (КО, 169), Н ȁi̮jɒᵇp, клд. ȁigem̄ᵇp 'раньше'. Номинативные наречия имеются также в других саамских диалектах, напр., саамН hir'bmâd 'страшно', dii'bma

[1] Большинство приведимых ниже русско-саамских примеров взято из T. Itkonen, Koltan- ja kuolanlapin sanakirja I-II, Helsinki, 1958, а при использовании других источников они отмечаются особо после примера.

(ср. ин.-эл. diimast), И tījmá (IK, 257) 'в прошлом году'. Имя в номинативе становилось наречием и в других прибалтийско-финских языках.[2]

2. Генитивные наречия

Форму генитива ед. ч. представляют собой, напр., колт. П jɛδδa, jàδδa, С jàδδa, клд. ʲenDa, иоканьг. jɒnDa 'завтра', колт. П kū̊ʾkkᴱ, С kū̊ʾkkᴱ (KKLS, 167), Н kù̊ʾkě, клд. kuGk(e), иоканьг. kuGkɛ 'долго', ạλᵈta-vịda 'близко', колт. П mẹ̄alɣɞ, С mẹ̄alɣa 'медленно', П swəle 'тайно'. Из местоимений образовались колт. П mɛn 'как', tɛn, клд. tɛn 'как'. Форму генитива мн. ч. имеют, напр., колт. П jāutī, С jąutəi, Н jąutəi 'напрасно, нарочно', П kọlmsī 'втроем', kūʒʒtsī 'вдвоем', māʾttsį, Н māʾtsəi 'взад и вперед, с кругом, не прямо', колт. П suọlgį 'медленно', tuọδį, Н tuoDəi 'действительно, правда', sieBrī, клд. sībṛeⁱ 'вместе, совместно, сообща', колт. П pālʒdį, иоканьг. paₗlti 'бок о бок, друг возле друга, рядом'. Генитивные наречия выражают способ, время и место. Наречия в форме генитива имеются также в других саамских диалектах, напр., саамН suole (LL, 179) 'тайно', mân (LL, 179) 'как', suolgâī (LL,181) 'медленно', И swəlè (IK, 56) 'тайно', kuhè (IK, 72) 'долго'.

3. Аккузативные наречия

Колт. П jɛnnį, С jɛnnəi 'гораздо, намного', иоканьг. jeannį 'очень', колт. П maiD 'нисколько, совсем не'. Последнее имеет форму аккузатива мн. ч.

4. Иллативные наречия

Чаще всего наречия образовывались от местных падежей, в том числе и от иллатива. Иллативные наречия выражают в основ-

[2] P. Ariste, Adverbide arenemisest läänemere keeltes. - Teaduslikud tööd. Pühendatud Tartu Riikliku Ülikooli 150. aastapäevale, Tallinn, 1952, lk. 105.

ном место, а также время и способ. Колт. П lùzz^p, С luzz (КО, 115), Н lūzz^a, клд. luz(^a), иоканьг. лuzə 'вблизи', колт. П ǫūđe, Н ǫūd^te, клд. ēū^dte, иоканьг. āū^dtė 'вперед', колт. П palde, С pa'ldde (КО,148), Н pal^dte, клд. pàl^dte, иоканьг. pāl^dte 'в сторону, вбок', колт. П siz, С sīz (KKLS, 183), Н sèz, иоканьг. siz(a) 'внутрь', колт. П tŭɛ'kka, С tuâkka(КО, 161), Н tŭɒ̂ɔkka, клд. tųəGka, иоканьг. tįəGka 'назад', колт. П vŭšša, С vuâlla (КО, 164), Н vūɒ̀лла, клд. vųəлла, иоканьг. vįl(ɛ) 'вниз', колт. П vŭšsta, С vŭăšta, Н vųɒšta, клд. vųəšta, иоканьг. vįəšta 'навстречу'. Наречиями стали иллативы многих местоимений: колт. П kǫz, С koozz (КО, 103), Н kōz, клд. kōz, иоканьг. koz 'куда', колт. П mɛz, Н mɛz, клд. mɛz(^a), иоканьг. məzi 'почему'. В саамском языке употребляются разные указательные местоимения в зависимости от того, как далеко находится объект, являющийся предметом разговора, от говорящего или служащего. Например, в норвежско-саамском литературном языке dāt 'этот (близко)', dât 'этот (где-то)' (больше анафорическое местоимение), diet 'этот' (объект находится к слушающему ближе, чем к говорящему), dōt 'этот' (на той стороне, напротив), duot 'тот'. В рассматриваемых диалектах все они имеют соответствия, за исключением dōt. Соответственные наречия имеют в общем такие же оттенки значения. Колт. П tāz, клд. tāz 'сюда' (ср. колт. П tà'ɔt, клд. tā^dt 'этот (близко)', колт. П tɛz(^A), Н tɛz(^A), клд. tɛz(^A), иоканьг. təsse 'сюда' (ср. колт. П tɛ'ɔt, Н tɛ'ɔt, клд. tɛ^dt, иоканьг. təDt^ɛ 'этот' анафорическое)), колт. П tiezzà 'сюда' (ср. колт. П tĭĕ'ɔttà 'этот здесь')). Лишь некоторые наречия имеют форму иллатива мн. ч.: колт. П ɛīDɛiD 'вблизи; около, почти', lɛ'ɔkksi'D 'вблизи', Н kueđid 'домой'. Иллативные наречия имеются также в других саамских диалектах, напр., саамН dāsâ (LL, 179) 'сюда', gǫsâ (LL, 179), И kūza (IK, 261) 'куда'.

5. Инессив-элативные наречия

выражают место, время, способ, положение, состояние. Колт. П ōųdɒšt, С ooudâst (КО,147), Н ōuDɒšt, клд. ɛuDɒšt 'впереди, спереди', ɛvdɛšt (ОСР, 25) 'вперед', иоканьг. auDšt 'впереди, спереди', колт. П pālдɒšt, С

paaldâst (KO, 118), H pǟᴧDɒšt , клд. pᴧᴧdɒšt, иоканьг. pǟᴧDšt 'рядом, подле, со стороны, сбоку', колт. П vŭǫ̌sš^A-mɒzzɒšt , H vŭǝss(^A)mɒ̌zzɒšt 'первым, во первых', колт. П oδδeşt , С oδδeşt (KKLS, 177), H oDDeşt , клд. oDţeşt, иоканьг. o̦ttist 'снова', колт. С kŭǒχtaşt , H kŭǒχ-tɒšt , клд. kŭǝχtašt , иоканьг. kĭktašt 'вдвоем', С tuärrast (KO, 161) , H tŭärr^aşeşt , клд. tǫarrašt , иоканьг. tôarra̦`st 'наискось, поперек', колт. П tsĭě̦ᵓk-k(^A)şėşt 'в защите от солнца и ветра', H tšĭěɔkk(^A)şeşt, клд. tšĭGkşeşt '(быть) спрятанным', колт. С vui´ǰǧ̌est (KO, 165) , H vŭǝĭ^ǝķeşt, клд. vùĭ^ǝķeşt 'прямо'. Инессив-элативные наречия, образованные из местоимений, аналогичны соответственным иллативным наречиям: колт. П kǫšt , С kǫ̀št, H kǫšt , клд. košt , иоканьг. koşt 'где, откуда', колт. П mâşt , H mâşt 'где, откуда', П tâşt , H tâşt , клд. tāşt , иоканьг. tâşţ(^ε) 'здесь, отсюда' (ср. колт. П tāž и т. д.), колт. П teşt , С tâşt , H tâşt , клд. teşt, иоканьг. tâşt(ε) 'там, оттуда' (ср. колт. П tεz(^A) и т. д.). Имеются некоторые наречия, возникшие от инессив-элатива мн. ч.: колт. П kεskin 'дополовину, наполовину', H kuǝđine 'из дому, дома', pūᵓkin 'всего, самый'. Инессив-элативные наречия очень распространены также в других саамских диалектах, напр., саамН dāst (LL, 180) 'здесь, отсюда', gǫst (LL, 180) 'где, откуда', muttomiin (LL, 181) , И motᶜǒmin (IK, 12) 'иногда', hoaþᶜust (IK, 32) 'быстро'.

6. Эссивные наречия

Эссив - один из древнейших падежей, он существовал уже в уральском праязыке. [3] Окончание первоначально выражало место. Это значение сохранилось до сих пор в наречиях. Со значением места тесно связано значение времени эссива. Колт. П āĭnᵉ , С āĭnᵉ , H āĭn(e) , клд. āĭn , иоканьг. āĭn 'наверху; надетым; сверху; раздетым', колт. П kuᵓķķen , С kuᵓķķen (KKLS, 169), H kuɔķķen, клд. kuɔken 'далеко, издалека', колт. П luņņᵉ , С lu´nn (KO, 141),

[3] L. H a k u l i n e n, Suomen kielen rakenne ja kehitys, Keuruu, 1961, s. 93.

H ʌunnᵉ , клд. ʌunn(ᵉ) , иоканьг. ʌunn(ᵋ) 'у, около, от', колт. П oʌǥan , С oʌǥan , Н oʌʼkan , клд. oʌʼkan , иоканьг. oʌʼkan 'вне, извне', клд. sisn , иоканьг. sisn 'внутри, из', колт. С tueʼkken (КО, 160), клд. tüGken , иоканьг. tiGken 'сзади, позади', колт. П vŭälīn(ᵉ) , Н vüəlīn(ᵉ) , клд. vūlīn(ᵉ), иоканьг. vīln(ᵋ) 'внизу, снизу', колт. П jīnnɒn pejvèn 'дни и ночи, днем и ночью', vŭössɒn , С vuössän (КО, 166) , Н vŭössɒn 'в начале', иоканьг. nannɛn 'поздно'. Кроме того, эссивные наречия выражают способ и транслативность. Эти наречия образовались значительно позже, чем наречия места и времени, особенно из сравнительной и превосходной степеней прилагательного можно производить при помощи окончания эссива новые наречия способа. Колт. П kĭĕrǥåʼBen , С kĭrrᵃsoBen , Н kĭĕrʼkaBen 'быстрее', П pŭəreben , С puəreBen (KKLS, 170) , 'лучше', pueʼrmbsån (КО, 151) 'лучше всего', П ruoᵓppɒn 'быстро', С tuššen 'зря', клд. ajtan 'вдруг', колт. П kuuDɒn , С kuuDɒn , Н kuuʼtɒn 'пополам', П moᵓtten , С moᵓtten , клд. moᵓttèn 'в куски, вдребезги', иоканьг. ʌjəiDtigan '(стать) раненым'. Эссивные наречия имеются также в других саамских диалектах, напр., саамН olʼgon (LL, 181) 'вне, извне', vuollen (LL, 181) 'внизу, снизу'.

7. Абессивные наречия

Имеются только некоторые абессивные наречия, они выражают способ. Колт. П jàvᵍtå` , jentå` , Н jĭĕnᶜtt , клд. jīnχa 'тихо, молчаливо', колт. П noᵓttɒ , С noᵓtta , клд. mavsta 'бесплатно, даром'.

8. Партитивные наречия

В саамском языке партитив не столь общий падеж, как рассмотренные выше падежи. Во многих саамских диалектах партитив сохранился только в наречиях. В восточносаамских диалектах можно говорить о партитиве как о живом падеже, хотя слова в партитиве употребляются только в определенных конструкциях. Нельзя считать наречиями, например, партитивы, принадлежащие к именам числительным. В работах об этих диалектах партитив также рассматривается как самостоятельный па-

деж. [4] Наряду с партитивами, являющимися падежными формами, существуют также партитивные наречия. В наречиях места окончание партитива сохранило свое первоначальное сепаративное значение, к которому прибавилось также значение инессива, явно из-за совпадения элатива и инессива. Иногда партитивное наречие имеет значения всех трех местных падежей. Часть партитивных наречий выражает состояние, положение, способ. Партитивными наречиями места являются колт. П ā̰łda , С ā̰ʌDa , Н ā̰ʌDa , клд. ȧl̦ᵈt̬(e) , иоканьг. al̦ᵈt̬ɛ 'вблизи, поблизости, близко', колт. П mĭĕl̦Dᴱ , С mĭĕl̦Dᴱ , Н mĭĕl̦ᵈt̬ᴱ, клд. mil̦ᵈt̬ᵉ , иоканьг. mil̦ᵈte 'мимо; вслед за, вдогонку; сзади, позади'. В словах колт. П pḁ̏ʲelD , клд. paijaʌt (ОСР, 102), иоканьг. pijel̦ᵈt 'наверху, сверху', колт. Н mȁńńel̦ᵈt , клд. mȁńel̦ᵈt 'вслед за, сзади, позади', колт. Н ȍl̦ɣal̦ᵈt , клд. olgo̦lt 'вне, на дворе, извне, снаружи' окончание партитива присоединилось к имени существительному, образованному при помощи суффикса места -*le [5] Наречия, выражающие состояние и положение, соответствуют норвежско-саамским наречиям на -ot, основой которых являются, по Нилсену, ныне самостоятельно не существующие в языке атрибутивные формы имени прилагательного. [6] В рассматриваемых диалектах, как и в некоторых других саамских говорах, [7] их окончание совпадает с окончаниями партитива. Б. Коллиндер и считает соответствующие наречия диалекта Юккасярви партитивными, в качестве основы он называет дефектные существительные. [8] Русско-саамские наречия можно также считать партитивными. Они в сильной ступени и их значение не очень далеко от значения партитивных наречий места. Эти наречия имеют

---

[4] Г. М. К е р т, Саамский язык. (Кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис, Ленинград 1971; M. K o r h o n e n, J. M o s n i k o f f, P. S a m m a l l a h t i, Koltansaamen opas, Helsinki, 1973.

[5] K. N i e l s e n, Partitiv i Finnmark-lappisk. - Festskrift til Rektor J. Qvigstad. Tromsø-Oslo, 1928, bl. 173-174.

[6] K. N i e l s e n, Lærebok i lappisk I. Grammatikk, Oslo, 1926, bl. 178.

[7] Ср. B. C o l l i n d e r, The Lappish Dialekt of Jukkasjärvi, Uppsala, 1949, p. 216; E. I t k o n e n, Über den Charakter des ostlappischen Stufenwechselsystems. - FUF XXVII, S. 154.

[8] B. C o l l i n d e r, указ. работа, стр. 216.

сходную основу или с глаголами, или с существительными, или с прилагательными. Можно предполагать, что все они образовались от каких-то основ, которые самостоятельно уже не существуют. Колт. П kåvvå'D, Н kavvaᵈt, клд. kåvvaᵟ, иоканьг. kavvɒdᵉ 'лежа, на спине, на спину, навзничь', колт. П kommåD, С kåmmad (KO, 138), Н kommaᵈt, клд. komma(ᵟ), иоканьг. kommaᵈ 'наизнанку, навыворот, вверх дном', колт. П rŭăvtɒD, С ruåpttad (KO, 153), Н rŭă'ptaᵈt, клд. ruəpta, иоканьг. riəptadᵉ 'задом, назад, задом вперед', колт. П tsèăGGaD, Н tsèăGkaᵈt, клд. tsèåŋ'ka, tsèåŋ'kɒᵟ, иоканьг. tsèåŋ'kaᵈ 'стоя, стоймя'. Некоторые из рассматриваемых наречий выражают способ, напр., колт. П kèărGɒD, клд. kèår'ka 'прямо', колт. П pŏăštåD, С pŏăštaD 'неправильно', Н mᵒaλᶜkkɒᵈt 'не прямо', иоканьг. pèåᵗška ᵈ 'круто, резко'. В кильдинском диалекте окончание часто исчез. Как уже выше было сказано, партитивные наречия имеются также в других саамских диалектах, напр., саамН âl'dĕ (LL, 180) 'наверху, сверху', И alDâ (IK, 173) 'вблизи, поблизости, близко', саамН olgold (LL, 180), И olGòlD (IK, 53) 'вне, на дворе, извне, снаружи' и т. д.

9. Транслативные наречия

Транслатив не является продуктивным падежом, он сохранился только в наречиях. Транслативные наречия саамского языка похожи на прибалтийско-финские наречия на -s. Однако в последних -s является окончанием древнего латива, [9] а саамские наречия не могут быть лативами, так как во втором слоге этих наречий имеются соответствия первоначальных *ā или *ŭ. Следовательно, первоначально эти наречия были трехсложные, и в третьем слоге был гласный переднего ряда, перешедший в дальнейшем в ă. [10] Поскольку наречия на -s являются наречиями слабой ступени, то должен был предшествовать долгий со-

---

[9] E. N. S e t ä l ä, Yhteissuomalainen äännehistoria, Helsinki, 1899, s. 167; P. A r i s t e, Sisekohakäänete kujunemisest läänemere keeltes. - ENSV TA Toimetised I, Tallinn, 1954, lk. 41-48.

[10] K. B. W i k l u n d, Zur gechichte des urlappischen ā und ŭ in unbetonter silbe. - FUF I, s. 81-99; II, S. 41-71.

гласный или сочетание согласных гласному третьего слога. Нет доказательств о геминировании окончания латива -s и в последнем случае, и было бы трудно объяснить происхождение прибалтийско-финских внутренне-местных падежей на базе латива. С учетом вышеприведенных обстоятельств единственно возможным является утверждение Виклунда, что -s развилось из окончания транслатива (< *-ksi < *-kse).[11] Транслативные наречия выражают место, время, язык, иногда степень и транслативность. Не все они должны быть древними, некоторые из них, очевидно, образованы по аналогии или по образцу финского или карельского языка. Место выражают колт. П ko³kkå`s , С ko³kas , Н ko³kas , клд. kuGkas , иоканьг. ku³kə`z(ᶫ) 'далеко, вдаль', колт. П ǭlgə`s , С ǭʌɣas , Н ǭʌɣas , клд. oʌGes , иоканьг. oʌGuzᶫ 'наружу, на двор', колт. П ōydes , Н ōyDas , клд. ɛuDes , иоканьг. ɐuDuş 'вперед', колт. П pājas , С pååjas (КО, 148), Н pajas, клд. pajas 'вверх, наверх', иоканьг. pijas 'через, сверх', колт. П vuɛlə`s , С vuɒʌa`s (KKLS, 181) , Н vuaʌas, клд. vɪəʌas , иоканьг. vjeʌas 'вниз, наземь' и др. Время выражают колт. С ââggas (КО, 124) 'навеки, навечно', Н eɣas , клд. eɣas 'на год', иоканьг. alas 'сейчас', колт. П kēäzzas , Н kēäzzas , клд. kēäzas , иоканьг. kēäzas 'на лето' и др. Язык выражают колт. П lāDDas , С lāDDas , Н ʌāDDas 'по-фински', П sāmə`s, С sāāmas (КО, 157), Н sāmas , клд. sāmas 'по саамски', колт. П tārə`s , С tāras , клд. tāras 'по-норвежски', иоканьг. tāras 'по-русски', колт. Н tājas , иоканьг. tājis 'на чужом языке', клд. tarja`s , иоканьг. tarjas 'на иоканьгском диалекте' и некоторые другие. Степень выражают колт. С lēiɣas , Н lēiɣas 'слишком'. Транслативность выражают колт. П jāmas 'насмерть', lāinəs , Н ʌāinas , клд. ʌāinas 'взаймы; в долг', колт. С ʌuoikas 'взаймы; в долг', иоканьг. postas '(становиться) пустым', клд. sorma`s , иоканьг. sorma`s 'насмерть'. Транслативные наречия имеются также в других саамских диалектах, напр., саамН gukkas (LL, 181) , И kuhàs (IK, 66) 'далеко, вдаль', саамН ǫlgus (LL, 181) , И olGòs (IK, 7) 'наружу, на дворь'.

---

[11] K. B. W i k l u n d, A translativus. - Magyar Nyelv XXIII, l. 321.

10. Пролативные наречия

Пролатив также сохранился только в наречиях. Окончанием пролатива является -*kw. Оно встречается в иоканьгском диалекте, а в других русско-саамских диалектах исчезло, кроме в позиции после первого слога. Пролативные наречия выражают место, через которое действие происходит, а также просто место и время. Колт. П e'kka, С ekka (КО, 129), Н e'kka, клд. iGka, иоканьг. jiGka 'ночью', колт. П kēassъ, С kēassa, клд. kēassa, иоканьг. kiesseaga 'летом', колт. П pεivъ, С pεiva, клд. pieiva, иоканьг. piejveaga 'днем', колт. П tšaχtšъ, С tšaχtša, Н tšaχtša, клд. tšieχtša 'осенью'.[12] Из местоимений образованы колт. П kоγγа, Н kоγγа, клд. kone 'через что', колт. П tāiγa, tiγγa, С tāiγa, клд. tāne 'через это, отсюда', колт. П tаγγъ, tεiγъ, tuiγъ, С tuiγo, Н tεγγо, клд. tene 'через это, оттуда', колт. С tо"γγо, клд. tоγо, иоканьг. tuγgo 'туда'. Пролативные наречия имеются также в других саамских диалектах, напр., саамН goggě (LL, 181) 'через что', gæssěg (LL, 181), И kessiŋ (IK, 18) 'летом'.

11. k-лативные наречия

k-латив является древним, ныне непродуктивным падежом. Его окончание -*k исчезло, соответствующие формы в слабой ступени. В русско-саамских диалектах могут быть k-лативными следующие наречия: колт. С kidd (КО, 105), Н kiDt(ᴬ), клд. kiⁿdtᴬ 'закрыт', колт. П oλ(ᵃ), С ǒ"λ, Н ǒλ(ᵃ), клд. ǎλ, ǒλ(ᵃ), иоканьг. āλ 'наверх', колт. П tšεδᵃ, С tšεδᵃ Н tšεDᵃ, клд. tšεD(ᵃ), иоканьг. tšadᵃ 'насквозь'[13], а также колт. П āle 'всегда', εutā 'постоянно; все', клд. pāγe, иоканьг. pāgi 'прочь'.

[12] См. E. Itkonen, Der ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus, Helsinki, 1939 (MSFOu LXXIX), S. 380.

[13] Ср. B. Collinder, указ. работа, стр. 158.

12. Аблативные наречия

Аблатив в саамском и прибалтийско-финских языках этимологически совпадает, но в саамском языке аблатив непродуктивен, встречается только в наречиях. Аблативные наречия выражают время и способ, в кильдинском и иоканьгском диалектах также состояние, положение. Колт. П <u>àigelD</u> , С <u>āāijelD</u> (КО, 169) , Н <u>àjjeld̄t</u> , клд. <u>aiGeldt</u> , иоканьг. <u>ājgelt</u> 'рано; вовремя', колт. С <u>ẽʃelD</u> , Н <u>ẽPPelD</u> 'утром', <u>jõauDɒldt</u> , клд. <u>jüəudɒldt</u> , иоканьг. <u>jĩəudaldt</u> 'медленно', колт. П <u>sǘǝllelD</u> , Н <u>suəleldt</u> 'тайно', С <u>sẽlelD</u>, Н <u>sẽleldt</u> , клд. <u>sĩleldt</u> 'слабо, вяло', <u>išteldt</u> 'сидя'; иоканьг. <u>čuelgaɩlt</u> '(быть) трезвым'. Аблативные наречия можно найти также в норвежско-саамском литературном языке, напр., <u>lᵊikâld</u> (LL, 180) 'легко'.

13. Инструментальные наречия

Признаком инструментальных наречий является <u>-l</u>, соответствующие наречия в слабой ступени. Употребление инструментала в русско-саамских диалектах может быть финским или карельским влиянием, [14] так как адессив с окончанием <u>-lla</u>, <u>-llä</u> имеет также инструментальную функцию. Колт. С <u>(paš) tšǟlmel</u> (KKLS, 183) '(дурным) глазом', Н <u>ťšǟlmel</u> 'глазом', <u>nibel</u> 'ножом', иоканьг. <u>ńiʌʌ-paššaʌ</u> (KKLS, 317) 'луком', <u>palᶳkel</u> 'палкой', <u>vanzel</u> 'лодкой', <u>akšaʌ</u> 'топором'. Некоторые наречия выражают способ: колт. П <u>kuəʒtel</u> 'пополам', <u>lẽikɒl</u> 'легко', С <u>kå`DDzel</u> , Н <u>kå`DDzẽl</u> 'вместе', клд. <u>ɛftɛl' manna</u> иоканьг. <u>avtel visel</u> 'одним взмахом', <u>tållɛ Govɛl</u> 'таким образом'. В других саамских диалектах инструментальные наречия не встречаются. [15]

---

[14] P. R a v i l a, Die stellung des lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen sprachfamilie. - FUF 23, S. 45.

[15] E. I t k o n e n, указ. работа, стр. 240.

II. НАРЕЧИЯ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПРИ ПОМОЩИ СУФФИКСОВ

Многие наречия образованы при помощи словообразовательных суффиксов. Имеются следующие суффиксы наречий:

1. Колт. П -ḷ ~ -ł, С -ḷ ~ -l ~ -л, Н -ḷ ~ -ł, клд. -ḷ ~ -ł, иоканьг. -l ~ -ḷ ~ -л ~ -ḷ^{e}

Это тот же древний суффикс места -*la, -*lä (> -*le в саамском), на базе которого образовались прибалтийско-финские внешнеместные падежи [16] и саамский аблатив. Наречия на -l выражают место и время, они в сильной ступени в отличие от инструментальных наречий, которые также имеют окончание -l. Колт. П pâḷjeḷ, С pâjjel (КО, 148), Н pâḷjeḷ, клд. pâḷjeḷ, иоканьг. piḷjeḷ 'через', клд. также 'потом', колт. Н vuəḷḷeḷ, клд. vūḷḷeḷ 'внизу, ниже, снизу', колт. П jïẽχţeḷ 'недавно', клд. j^{i}eχţeḷ 'в тот раз, тогда', колт. П oŭDɒł, С oŭDaʌ, Н oŭ^{d}tɒł, клд. εū^{d}tɒł, иоканьг. au^{d}tiḷ^{e} 'прежде, раньше, ранее'. Из местоимений образованы колт. П kȯaḷ, клд. kuəḷ 'где', колт. П tâḷe, С tâl (KKLS, 180), Н tâḷe, клд. tâḷ(e), иоканьг. tâḷ 'здесь', колт. П tâḷ(e) 'теперь', С te´l (КО, 159), клд. tēḷe 'тогда', колт. С tūḷ, Н tūḷ, иоканьг. tiḷ 'давно, в старину' и некоторые другие. Наречия на -l имеются также в других саамских диалектах, напр., саамН ǫw'dâl (LL, 179), И owDil (IK, 11) 'прежде, раньше'.

2. Колт. П -lå ~ -lə̨, С -la ~ -ła ~ -ʌa, Н -ła ~ -ʌa ~ -lɒ, клд. -ła ~ -ʌa ~ -lå, иоканьг. -ła ~ -ʌa

Это сложный суффикс, который состоит из суффикса места -*le -*la, -*lä и окончания иллатива ед. ч. Ему свойственно значение сравнительной степени, которое связано с выражением места или времени. Колт. П ȧḷD(^{E})lå`, Н ȧḷ^{d}ţʌå, клд. ȧḷ^{d}ţʌa, иоканьг. aḷ^{d}ţ(E)ʌa 'ближе', колт. П m̃ȧŋŋ^{e}lə̨, Н m̃ȧŋŋ^{e}lɒ 'больше назад, позже', П ǫłG^{A}lə̨, С ouggla, olggla (КО, 147), Н ǫʌ^{ə}k^{A}ła, клд. oʌ^{ə}kła, иоканьг. oʌ^{ə}kăła 'больше наружу, дальше наружу', колт. П

16 L. H a k u l i n e n, указ. работа, стр. 96.

reDDᴬlȃ , С rɛDDᴬla , Н rɛDtᴬlɒ , клд. rin̄ᵈtʌa 'ближе к берегу, больше к берегу', колт. П tuBBlȃ , Н tuBpᵉ -ʌa , клд. tum̄ᵈpʌa , иоканьг. tum̄ᵈpᵋʌa 'больше в ту сторону, дальше в ту сторону' и другие. Такие же наречия имеются в других саамских диалектах, напр., саамН ǫl'gŏlii (LL, 180) , И oIGolȃ (IK, 14) 'больше наружу, дальше наружу'.

3. Колт. П -ļeșt , С -ļeșt ~ -lest , Н -ļeșt ~ -leșt ~ -ļeșt , клд. -ļeșt ~ -ļeșt , иоканьг. -ļeșt

Это сложный суффикс, который состоит из суффикса места *-le < *-la, *-lȃ и окончания инессив-элатива ед. ч. Он также имеет значение сравнительной степени, которое связано с выражением места или времени. Колт. П ȃļD(ᴱ)ļeșt , С â'lddlest (KO, 124) , Н ȃIᵈŧ(ᴱ)ļeșt , клд. ȃļᵈŧļeșt , иоканьг. ȃļᵈŧ(E)ļeșt 'ближе, поближе', колт. П mȃnnᵉ-ļeșt , С mânnjlest (KO, 143) , Н mȃńńᵉļeșt , клд. mȃńń-ļeșt , иоканьг. mȃńǵᵋļeșt 'больше позади, больше сзади, позже', колт. П ǫIGᴬļeșt , С ougglest, olgglest (KO , 147) , Н ǫʌᵍkᴬļeșt , клд. oʌᵍkļeșt иоканьг. oʌᵍkă-ļeșt 'больше вне, дальше на дворе, больше извне, больше снаружи', колт. П oūDļeșt , С oūDᴬlèșt (KKLS, 176) 'раньше, ранее', Н oūᵈŧļeșt , клд. ɛūᵈtļeșt , иоканьг. ȃūᵈtļeșt 'спереди, впереди', колт. П reDDᴬļeșt ,С rɛDDᴬ-ļeșt , Н rɛDtᴬļeșt , клд. rin̄ᵈtļeșt 'ближе к берегу, больше в сторону, больше со стороны берега', колт. П tuBBļeșt , Н tuBpᴱleșt , клд. tum̄ᵈpleșt , иоканьг. tum̄ᵈpᵋļeșt 'больше в той стороне, больше с той стороны'. Ср. также саамН ǫl'gŏlist (LL, 180) , И ouDălist ((IK, 70).

4. Колт. П -ēļ(ᵉ)~ -ēļļᵉ , С -ēļ ~ -ēl , Н -ēļ , клд. -nēļᵉ~-nαļe , иоканьг. -nɛļ(ᵉ)~ -nēļ(ᴱ)

Суффикс состоит из суффикса -*nt(e) , который имеется в I. герундии, и окончания инструментала.[17] Наречия образо-

---

[17] E. Itkonen, указ. работа, стр. 239—241; M. Korhonen, Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung II, Helsinki, 1974 (MSFOu 155), S. 155-157.

ваны от глаголов; они выражают способ. Колт. П kȁrjᵃstēllᵉ, С kȁrjᵃstēl, иоканьг. kȁrgestnīl(lᵉ) 'шагая, шагом', С 'галопом', клд. karnmle, иоканьг. karnīl(lᵉ) 'бегом', колт. П pȁlvēl, С pȁlvēl, Н pȁlvēl 'жертвуя', Н -su`yyēl, клд. suynēlᵉ, иоканьг. sugnīlᵉ 'гребя', колт. П vшəjēl, Н vшəjēl, клд. vōj(ᵉ)nᵊle, иоканьг. vījᵉnīl(lᵉ) 'катаясь' и др.

5. Колт. П -χt ~ -t ~ -ᵓt ~ -t(tᴱ), С -ᵓt ~ -χt, Н -χt(ᴱ) ~ -ᵓtt ~ -ᵓt, клд. -ᵓtte ~ -χt ~ -χt ~ -Dt(ᴱ), иоканьг. -ht ~ -tt ~ -Dt

Этот суффикс соответствует норвежско-саамскому -t, который является самым распространенным наречным суффиксом в этом диалекте. Первоначально суффикс имел форму -*kte, которая в диалекте Оккасярви после первого слога сохранилась до сих пор.[18] Суффикс закрывал слог, рассматриваемые наречия в слабой ступени, в отличие от партитивных наречий, которые в сильной ступени. Наречия на -t выражают способ, напр., колт. П kɛrrᵊəet 'сильно', С kĕăᵓppsi`žžeᵓt 'легко', Н kĭĕrᵓkaBoχtᴱ 'быстрее', П mĕălᵧᵊžeᵓt, С mĕălᵧᵃ-žeᵓt 'медленно', П ńəшreᵓt, С nieшreᵓt (KKLS, 176) 'плохо', П pшзrĕboχt(ᴱ), С pŭərᴱBot, клд. pȁrmȁᵓttte 'лучше'. Из местоимений образованы клд. kȍχt, иоканьг. koht 'как', колт. П moχt, С mȁχt, Н mȁχt, клд. mȁχt, иоканьг. mahte 'как', колт. П nȁit, клд. nəDtᴱ, иоканьг. nȁ,tt 'так', колт. П nuttᴱ, С nu´t (KO, 117), Н nùᵓtt, иоканьг. niDt 'так'. Кроме русско-саамского и норвежско-саамского имеются наречия этого типа также в других саамских диалектах, напр., И nieшriht (IK, 101) 'плохо' и др.

6. Колт. П -net ~ -ńet ~ -net ~ -ńet

Суффикс встречается только в диалекте Паатсйоки. Это сложный суффикс, который состоит из окончания эссива и вышеупомянутого суффикса -t. Соответствующие наречия выражают

[18] B. C o l l i n d e r, указ. работа, стр. 219.

способ, напр., kɛ̆r̄ᵊşiñet 'сильно', jọ̆ʾttḷėñet 'быстро', mɐʾt̄tšiñet 'красиво', tŭǭstlėnet 'смело', vaD̄D̄ẓiñet 'пешком'.

7. П -s̄ ~ -ş̄ ~ -ş̀, С -s̄t ~ -s̄t, Н -s̄t ~ -ş̄t, клд. -s̄, -ş̄t, иоканьг. -s̄t ~ -ş̄t

При помощи этого суффикса из количественных и порядковых числительных и некоторых местоимений образованы наречия, отвечающие на вопросы сколько раз? и который раз? Наряду с этим, соответствующие кильдинские наречия могут иметь также значение во-первых, во-вторых и т. д. [19] Колт. П ẹχ̄tẹş̄, С ẹχ̄teşt, Н ẹχ̄tėšt, клд. ẹ̀χ̄teşt, ɛχtɛšt (ОСР, 131), иоканьг. ȧk̄tişt 'один раз', колт. П kọl̄meş̄, С kọlmeşt, клд. kọlmeşt 'три раза', колт. П kọal-mᵃeş̄, Н kuaʌmaeşt, клд. kọaʌmpeşt, kuaʌmnęš (ОСР, 74) 'третий раз', колт. П nɯB̄Beš̄, клд. nịmpɛš̄ (ОСР, 64) 'второй раз', колт. П jånå̀ˇš 'большей частью', mọʾt̄t(ᴬ)meş̄, С måttmešt (КО, 116), клд. mọᵈt̄mešt, иоканьг. muD̄tamąšt 'некоторый раз, несколько раз, раз, однажды'. -š присоединялся на стяженный гласный той же типы, который имеется в наречиях диалекта Инари oht̄ī 'один раз', kuoht̄ī 'два раза' и т. д. [20], которые, так как также аналогичные наречия некоторых других саамских диалектов, могут быть формами иллатива. [21] Видимо, в русско-саамских диалектах иллативные формы не оказались достаточно выразительными для передачи значения этих наречий и к ним прибавился еще суффикс -š. -š является, по всей вероятности, идентичным суффиксу прилагательных -š, ср. также норвежско-саамские наречия типа nubbadåššii 'во-вторых' и соответствующие наречия (nuBpąDęššiį и т.д.) в приморских диалектах саамского языка [22], которые также образованы при

[19] Г. М. Керт, указ. работа, стр. 172.

[20] E. Itkonen, указ. работа, стр. 339.

[21] P. Ravila, Das Quantitätssystem des seelappischen Dialektes von Maattivuono, Helsinki, 1932 (MSFOu LXII), S. 135.

[22] K. Nielsen, указ. работа, стр. 113; E. Lagercrantz, Sprachlehre des Nordlappischen nach den seelappischen Mundarten, Oslo 1929, S. 175.

помощи суффикса прилагательных -š. Во всех диалектах, кроме диалекта Паатсйоки, к -š присоединялся еще -t, видимо, под влиянием окончания ин.-элатива -st.

8. Колт. П -ênne, С -anne ~ -ånne ~ -ênne ~ -ɐne, Н -ɒnne ~ -énne ~ -enne, клд. - ʔnne ~ - ʔnne ~ -enne, иоканьг. -inne ~ -enne

Суффикс образует в основном наречия способа. В финском языке имеются суффиксы наречий -nne' и -nni'.[23] При помощи -nni' образованы также наречия способа, напр., paremmanni' 'лучше'. Возможно, есть какая-то связь между саамским и финскими суффиксами. Колт. С jŏăɔttʌanne, клд. jɒDtʌʔnne 'быстро', колт. С lossane (LMF, 85), Н ʌossɒnne, клд. ʌŏsstʔnne 'тяжело', колт. С raʔppå-nne, Н raɔppɒnne 'много, обильно', клд. våGktênne 'быстро', иоканьг. vaktinne 'сразу', колт. П vå`DDʒê-nne, С vå`DDʒénne, Н våDDʒenne 'пешком, в темпе ходьбы', С vŭŏɔkk(ᴬ)sånne, клд. vŭGksenne 'дешево'.

9. Колт. П -lenne, С -ʌånne, Н -ʌɒnne, клд. -ʌʔnne ~ -ʌʔnne ~ -lênne ~ -ʌinne

Суффикс состоит из -l- ~ -ʌ и вышеупомянутого суффикса -Vnne. В кильдинских наречиях -l- ~ -ʌ- является идентичным суффиксу места -*le. В других диалектах -l- ~ -ʌ- происходит из наречий, в которых -l- ~ -ʌ- было в основе. В дальнейшем он мог восприниматься как часть суффикса и употребляется также в словах, которые не имеют -l- ~ -ʌ- в основе и возник новый суффикс наречий. Он образует наречия способа, напр., колт. П låvv(ᵉ)lenne 'плотно', С råtkʌånne 'особо, отдельно', Н rŏăɔtt(ᴱ)ʌɒnne 'некрасиво'. Кильдинские наречия выражают место и взаимность: aʌᴸtʌʔnne 'поблизости друг от друга', keăDtšʌʔnne 'подряд', måññʌʔnne 'друг за другом', pŭɔttʌʔnne 'друг против друга', råjjlênne 'друг возле друга' и др.

---

[23] L. H a`k u l i n e n, указ. работа, стр. 212.

10. Колт. Н -lÐƀññe

Окончание аблатива -lÐ может, наряду с другими значениями, выражать также способ; к нему присоединился второй суффикс (-ƀññe), выражающий способ. ʌǒǎi̯jelÐƀññe 'сильно, крепко'.

11. Клд. -jǐňňe

-jǐňňe состоит из суффиксов -ǐňne и -j- , которое происходит из таких наречий, в которых -j- в основе, напр., pǎssjǐňňe 'сердито, гневно'. В дальнейшем -j- мог восприниматься как часть суффикса. Наречия, образованные при помощи -jǐňňe выражают способ, напр., jǐnnjǐňňe 'громко', ńemmjǐňňe 'тихо'.

12. Колт. П -ɫěγγi̯ ~ -ɫěγγi̯ ~ -lɛ̆γγi̯

Этот суффикс, по свой форме генитив мн. ч. теперь не существующей основы, соответствует норвежско-саамскому суффиксу -lâǥâi . Наречия, образованные с его помощью, выражают взаимность: ḱeᴶttšɨɫěγγi̯ 'подряд, друг за другом', pai̯jᵝlěγγi̯ 'друг над другом, друг на друге', râi̯j'ɫěγγi̯ 'друг возле друга'.

13. Колт. П -ɫěžži̯ , С -ʌěžži̯ -ʌěžži̯ -ʌěžži̯

Этот суффикс состоит из суффикса -*le и генитива мн. ч. суффикса прилагательных -ǒš . Соответствующие наречия выражают взаимность. Колт. П aiÐɫěžži̯ 'поблизости друг от друга ', ḱeᴶttšɨɫěžži̯ 'подряд, друг за другом', pai̯jᵝ-ɫěžži̯ , С pai̯jᵛʌěžži̯ 'друг над другом, друг на друге', П paiÐɫěžži̯ 'рядом, друг возле друга', С pǔǒšt-ʌěžži̯ 'друг против друга'.

14. Колт. П -ɫězzi̯

Этот суффикс состоит из -*le и генитива мн. ч. суффикса прилагательных -ps. Суффикс выражает взаимность: pǔǒᵓt-ɫězzi̯ 'друг против друга'.

I5. Колт. Н -ла̌ʹttšen ~ -лаšttšen

Этот суффикс состоит из -*le и из эссива суффикса, соответствующего норвежско-саамскому суффиксу прилагательных -š: -ǯǯ, -ǯǯ. Кажется, этот суффикс прилагательных в таком виде в нотозерском диалекте больше не существует. Рассматриваемые наречия выражают взаимность, напр., kɛšttšᴬ-лаšttšen 'подряд, друг за другом', paiǯʋлаšttšen 'друг над другом, друг на друге', paʌᴬлаšttšen 'рядом, друг возле друга', pŭδǝtлаšttšen 'друг против друга', rēšt-лаšttšen 'накрест, поперек'.

I6. Колт. П -tšɣɣi ~ -ttšɣɣi

Этот суффикс по своей форме - генитив мн. ч. теперь не существующей основы и соответствует норвежско-саамскому суффиксу наречий - tâgâi. Имеются наречия kɛskᴬtšɣɣi 'иногда', vŭǯrᵃttšɣɣi 'в порядке, по очереди'.

I7. Колт. С -Be, клд. -mbe

Суффикс идентичен суффиксу сравнительной степени, у которого здесь сохранилось первоначальное значение. Первоначально -*mpe мог присоединяться к основам местоимений, образуя наречия места.[24] Колт. С tảiBe 'здесь', клд. tåmbe 'там, оттуда', tombe 'там, оттуда'. Ср. также саамН dābbě (LL, 181) 'здесь', duobbě (LL, 181) 'там' и др.

III. ПРОЧИЕ НАРЕЧИЯ

I. Наречие колт. П vuanak 'именно; видимо' является формой второго лица ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения.

Имеются наречия, происхождение которых неясно. Наречия колт. П vịtšk, клд. vịtšk, turᶜts 'мельком, мимоходом, вскользь' являются, видимо, ономатопоэтическими слова-

24 L. H a k u l i n e n, указ. работа, стр. I08.

ми. Норвежско-саамским наречиям на -â соответствуют, может быть, колт. П jɛs̄k^A, С jɛs̄k^A, Н jɛs̄k(^A), клд. j(i)esk 'тихо', колт. П tšoųG^A, Н tšoų^škA 'сильно'. Колт. П kəs̄k6, С kəs̄kə, П kų̈šv̄D6 'в середине' имеют во втором слоге стяженный гласный [25], они являются какими-то падежными формами, наверно, формами генитива ед. ч., ср. финское наречие keskeп. Неясными по своему происхождению являются также колт. П ɛ̄ʒ̄t6, С ɛ̄ʒ̄ta, Н ɛ̄ʒ̄t6, клд. ɛʒ̄t6, иоканьг. ak̄tu (KKLS, 312) 'одним', колт. П jäʒ̄t^a, С jaʒ̄ta, Н jaʒ̄tA, клд. ʲieʒ̄ta, иоканьг. jək̄ta 'вчера', колт. П tāųja, С tāųj^a, Н tauj^a, клд. tauj(^p) иоканьг. tāiva 'часто', колт. Н j^eār^škа, клд. ʲier^ška 'давно', колт. П ăpe, С ăpe, Н ăpe, клд. ap 'теперь', колт. П pėj^e 'только', С pəi, Н pəi, клд. pəj^a, иоканьг. pai 'только; все', колт. П te, С tėa, Н te, клд. te 'тогда', клд. tənna, иоканьг. tannai 'тогда', клд. tərm 'сегодня', колт. П tšūt, С tšūt, Н tšūt, клд. tšeu^dta, иоканьг. tšiDta 'очень', колт. П vâšt, клд. vāšt 'опять' и некоторые другие. Они могут быть основами, то есть номинативами, теперь не существующих слов, или формами других падежей, вероятно генитива или иллатива, или образованы при помощи каких-то суффиксов, которые уже ассимилировались. Несомненно, они более древние, чем большинство других наречий.

2. Ряд наречий заимствован из соседних языков. Наречие колт. П no^ɔk̄k^A, С nokk (KO, 107) 'довольно, достаточно' является скандинавским заимствованием. Из русского и финского или карельского языков заимствованы довольно многие наречия, напр., колт. П epet, С ă^ɔpėt, клд. ɒBpe^нt, 'опять', колт. П ləš(^ə), С ʌəš(a), Н ʌəššɒ, клд. ʌəša, иоканьг. ʌiš 'лишь', колт. П sešem, С sėšem, клд. sofšem, иоканьг. sovsem 'совсем', колт. П tolki, Н tolki, клд. tolke, иоканьг. tiəlkė 'только', колт. П vet, С ve'ˊt (KO, 163), клд. vet (ОСР, 138) 'ведь' и другие; колт. С aina 'постоянно', П almake 'однако', клд. ɑi^ɔk 'довольно, вполне', колт. С jăskka, Н jāšk^A 'недавно', П jo, С jųə, Н juə 'уже', П jō 'да; уж; довольно', иоканьг. jū 'да, теперь', колт. С muđen 'иначе', П vəl, С vĕâl, клд. vēal 'еще' и некоторые другие.

[25] E. Itkonen, указ. работа, стр. 356.

Сокращения

ОСР = Г. М. К е р т, Образцы саамской речи. Материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова. Кильдинский и иоканьгский диалекты , Москва-Ленинград 1961; ІК = A. V. K o s k i m i e s, T. I t k o n e n, Inarinlappalaista kansantietoutta, Helsinki 1917 (MSFOu XL); KKLS = T. I. I t k o n e n, Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja, Helsinki 1931 (MSFOu LX); КО = M. K o r h o n e n, J. M o s n i k o f f, P. S a m m a l l a h t i, Koltansaamen opas, Helsinki 1973; LL = K. N i e l s e n, Lærebok i lappisk I. Grammatikk, Oslo 1926; LMF = E. I t k o n e n, T. I t k o n e n, M. K o r h o n e n, P. S a m m a l l a h t i, Lapin murteiden fonologiaa, Helsinki 1971.

И = диалект Инари; иоканьг. = иоканьгский диалект; кдл. = кильдинский диалект; колт. = колтские диалекты; Н = нотозерский диалект; П = диалект Паатсйоки; С = диалект Суоникюля Северттиярви ; саамН = норвежскосаамский литературный язык.

V. K l a u s
(Tartu)

ADVERBS IN RUSSIAN LAPPISH

S u m m a r y

In general, there exist 2 types of adverbs in Russian-Lappish dialects: (1) The adverbs developed from declensional forms, (2) the adverbs formed by means of suffixes.

There can be nominative, genitive, accusative, illative, inessive-elative, essive, abessive and partitive adverbs. In adverbs there may also occur some cases which nowadays are not productive in declination, such as translative, prolative, k-lative, ablative and instrumental cases.

The adverbial suffixes common to all Russian-Lappish dialects are the following: -l, -la ~ -ла, -leșt, -ēl ~ -nēl ~ -nεl, -ȳt ~ -ht ~ -ʾt, -š ~ -št, -Vńńe. In Skoltlappish, in addition to those mentioned, there occur also -leńńe ~ лạ́ńńe ~ -лɒńńe, in the Paatsjoki dialect of Skoltlappish -ńet, -lɒ̄γγl, -lɒ̄zzl, -lɒ̄žžl, -tɒ̄γγl, in the Sevettijärvi dialect of Skoltlappish -l zzl, -Be, in the Nuortijärvi dialect of Skoltlappish -lɒńńe and -лaśťťšėn. In Kildinlappish there are also the following adverbial suffixes: -лĭńńe, -jĭńńe and -mbe.

In the paper, the question of the etymology of these suffixes has been dealt with. There are also some hints at the occurrence of Russian-Lappish adverbial types in the other Lappish dialects.

Beside the two principal types there still exist several adverbs of obscure formation. It has not been possible to distinguish any suffixes in them and neither is there any direct evidence of their relation with any of the declensional forms.

Several of the adverbs have been borrowed: there exist a few adverbs of Scandinavian origin and a comparatively large number originating from Russian and Finnish (or Karelian).

P. P a l m e o s
(Tartu)

DEVERBAALSED NOOMENISUFIKSID KARJALA KEELE DJORŽA MURRAKUS

Alljärgnevas käsitletakse Kalinini oblasti Zubtsovi rajoonis kõneldava karjala keele Djorža murraku deverbaalsete noomenite sufikseid. Murrak on hääbumas, seda kõnelevad üksnes vanemad inimesed, kes kõik on kaksikeelsed, s. o. peale emakeele oskavad nad ka vene keelt.

Ainestiku on autor kogunud suvistel uurimisretkedel ajavahemikus 1964 - 1975. Võrdlusmaterjali esitatakse sama oblasti idaserval paiknevalt Vesjegonski murdealalt, mis pärineb peamiselt K. Manžinilt, oma kodukandi keeleainestiku usinalt kogujalt, harvem allakirjutanu ülestähendustest 1961.- 1963. a.

Probleemi kohta on K. Mäetamm kirjutanud diplomitöö "Noomenite tuletussufiksid karjala keele Djorža murrakus" (1968), milles esitatakse 14 deverbaalset noomenisufiksit ühes teiste läänemeresoome vastetega.

Enne sufiksite vaatlemisele siirdumist peatugem korraks murrakule omastel lõpu- ja sisekadudel. Ilma neid tundmata tekib mõnigi kord raskusi tuletussufiksi häälikulise kuju kindlakstegemisel.

Lõpukaole on allunud kõik sõnalõpulised vokaalid, välja arvatud diftongilised juhud. Nii on need ka ainsuse nominatiivi lõpust kadunud, näit. puškič (< * puškičča) 'puskleja', kündäi (< * kündäjä) 'kündja', eländ (< * eländä) 'elu', halg (< * halgo) 'halg', avat (< * avattu) 'avatud', pöl' (< * pölü) 'tolm'.

Sisekao tõttu on tavaliselt kadunud lühikese järgsilbi vokaal, kui järgnev silp on pikk, näit. palvat 'palavad' (palaw 'palav'), šüätjät 'söötjad' (šüättäi 'söötja'), pakkuižen 'kerjuse' (pakkujań 'kerjus'), juamzet 'joogid' (juamiń 'jook'), lähtmät 'õhvad' (lähtöm 'õhv'), itkŕit 'nutturid' (itkuŕ 'nuttur').

Nii liht- kui liitsufiksid esitatakse tähestikuliselt üheskoos. Tavaliselt lähtutakse sufiksi tänapäevasest kujust, ainult kolmel juhul märgitakse oletatud nominatiivi vorm.

1. -č̀ : -čᵘ- ~ -ča-sufiksi abil on tuletatud tegijanimesid: burač 'toriseja' (vrd. buris' : pr. burjan 'toriseda'), potkič 'tagant üleslööja (hobune)', puŕič : purčuì ~ puŕičat 'hammustaja : hammustajal ~ hammustajad' (vrd. pùr : pr. puren 'hammustada'), puškič 'puskleja'(vrd. puški 'puselda'), torač 'riiukukk', (vrd. torat 'kakelda'), varač 'pelgur' (vrd. varat : pr. varjan 'karta'), viŋgač : pl. nom. viŋgčut 'vingur' (vrd. hīŕ viŋguw 'hiir vingub'). Tuletised esinevad adjektiivsetski tähenduses, näit. puškič härg 'puskleja härg', purič koer 'hammustaja koer', torač iŋehmiŋ 'riiakas inimene'. - Ves buškičča 'puskleja', puričča 'hammustaja', kizačču 'mängija', локоччу 'lobiseja'. - Sufiksile on osutatud mõningaid vasteid kaugemaiski sugulaskeeltes, ent vähem kui sellega identsele denominaalsele sufiksile * -ć (* -č) (Майтинская 1974 : 337).

2. *-ek : -i-sufiks on ebaproduktiivne. On õnnestunud tabada vaid subastantiiv kuabit : pannah kuavet 'takud : pannakse takku' (vrd. Ves kjavita 'kaapida'). - Sufiksile leidub erineva tähendusega vasteid paljudes soome-ugri keeltes (Майтинская 1974 : 340).

3. -i : -ja-, -jä- on produktiivne sufiks, mille abil tuletatakse tegijanimesid: juai : pl. nom. juajat 'jooja', šüäi : gen. šüäjän 'sööja', keittäi : gen. keitjän 'keetja', kündäi 'kündja', nīttäi 'niitja', noštai 'tõstja', šüättäi 'söötja', ruadai : pl. nom. ruadjat 'töötaja, tööline', tappai 'mõrvar', läźī : gen. läźjän 'haige, põdeja', nägī 'nägija', kizui 'mängija', avuttai : pl. nom. avutjat 'aitaja', kohendai 'parandaja', opaštai 'õpetaja', tavottai 'püüdja', valehtlī 'valetaja'. Vananenud sõnana esineb kiahui : kiahjaš kiahuw vèź 'samovar : samovaris keeb vesi'. Siia kuuluvaid tuletisi on veel üän itettäi 'lapse öist nuttu põhjustav haigus või üleloomulik olend' ja kuluvorm müädmäijät 'pruudi poolt pulmalised', s. o. *müödämänijät 'kaasaminejad'. Tegijanime kasutatakse vahel ka adjektiivina preesensi partitsiibi tähenduses: birī vèź : biriju vet et udérž 'voolav vesi : voolavat vett sa kinni ei pea'.

tüt'źet ruadjat pürüttih miwh el'mäh 'töötavad tüdrukukesed palusid minu juurde elama'. - Ves kergjaja 'tantsija', pajattaja 'laulja', rippuja ɲukku 'tabalukk'. - Sufiksile on esitatud samatähenduslikke vasteid kaugemaistki sugulaskeeltest (Hakulinen 1968 : 161).

4. -jaǹ : -iźe-liitsufiksit on õnnestunud fikseerida vaid substantiivis pakkujaǹ : gen. pakkuiźen 'kerjus' (vrd. pakut 'paluda'). - Ves pakkuojaǹe id. Tegijanime sufiksile on liitunud deminutiivsufiks: -ja + *-inen.

5. -k : -kä-sufiks esineb substantiivis kiärak : pl. nom. kiärkät 'kaks kokkukeeratud lõugutatud linapeod' (vrd. Ves kiärimäh 'kokku rullima'). Arvatavasti sama sufiks peitub substantiivis piśt'ül'k : pl. nom. piśt'ül'kät 'karuohakas; okas' (vrd. piśśel' : pr. piśt'l'en 'torkida'). Edasituletis sellest on deminutiiv piśt'ül'käǹ 'ohakaokas', mida võiks kõrvutada samalaadse sõnaga soome murdeis pistilkäinen 'ohdake' (SKES III 579). Sufiksil leidub vasteid ka kaugemais sugulaskeeltes (Hakulinen 1968 : 161).

6. -l'l'iǹ ~ -l'l'äǹ : -l'źe- on liitsufiks, mida on korda läinud tabada üksnes kahes nii adjektiivina kui substantiivina kasutatavas deverbaalis: magul'l'iǹ : magul'źeɲd 'magaja : magajalt' (vrd. muat : pr. magun 'magada'), võǹül'l'iǹ ~ veǹül'l'äǹ : sg. gen. võǹül'źen 'lamaja, lamav'. võǹül'l'ist ei ɲuij 'lamajat ei lööda' (vrd. võǹü 'lamada'). - Denominaalsetes adjektiivides esineb sufiks murrakus küllalt sageli. Arvatavasti ongi eelesitatud tuletised nende analoogial tekkinud. Demoninaalsena leidub sufiksil peale läänemeresoome keelte vasteid ka lapi keeles (Hakulinen 1968 : 138).

7. -m : -ma-, -mä-sufiksi abil on tuletatud substantiivid: kuwdom : gen. kuwdman 'kuu, kuuvalge', ɲuamat 'ohatis' (vrd. ɲuwv : pr. ɲuan 'visata; heinu hanguda; kangast luua'), lähtõm ~ lähtem : gen. lähtmän 'mullikas', šuwŕim : pl. nom. šuwŕmat 'tang', šurm 'surm'. Samuti esineb see esikomponendina liitsõnas ɲugomɲaŋgaǹ 'nikastatud liigese ümber seotud lõng (millele loeti 12 palvet ja seoti 12 sõlme)'. - Sufiks on murrakus produktiivne eriti m-infinitiivi partitiivis märkimaks seda, mille eest midagi antakse, makstakse, saadakse: annoin pil'mü, haɲgumua 'andsin saagimise, lõhkumise eest', pidäw andu varuštmu,

vedmiä, tuamu kod´ih 'peab andma tegemise, vedamise, kojutoomise eest', oššettih lüpšmü 'osteti lüpsmise eest', maksaw ЛawЛmu 'maksab laulmise eest', ottah ombeлmua 'võetakse õmblemisest', rawvutmu tarittih déŋgu 'rautamise eest pekuti raha', annettih ruadmu 'anti töötamise eest', pɛśśib beŕgoimua 'tänu kostitamast'. - Ves lähtemã 'õhv', šurma 'surm', paśśibo Лuvušša pidämiä 'tänu lugu pidamast'. - Sufiks ongi infinitiivi tunnus -m, millel vasteid kõigis soome-ugri keeltes ja samojeediski (Hakulinen 1968 : 163, Майтинская 1974 : 345).

8. -m : -me-sufiksiga on tuletatud vahendit tähistavaid substantiive: avum : gen. avumen : part. avund 'võti' (vrd. avat : pr. avun 'avada'), härkim : gen. härkmen 'pudrumänd', keričmet 'lambarauad', šidim : gen. šidimen : part. šidind 'side', vidim 'ropsimõõk' (vrd. vidu 'ropsida'). - Ves härkin 'pudrumänd', keriččimet 'käärid'. - Sufiksit on peetud identseks m-infinitiivi tunnusega (Hakulinen 1968 : 160, Майтинская 1974 : 345).

9. -mań on liitsufiks, mis esineb ainult substantiivis tuamań 'külakost'. m-indinitiivi tunnusele on liitunud deminutiivsufiks *-inen.

10. -mińe : -mze-~ -miźe- on väga produktiivne liitsufiks, mille abil igast verbist võib tuletada substantiive, mis väljendavad teonimesid või tegevuse objekti: ambmińe 'tulistamine', ečmińe 'otsimine' (vrd. ečči 'otsida'), harjumińe 'linasugemine', hawkmińe 'haukumine', heŋgitmińe 'hingamine', itkmińe : gen. itkimzen 'nutmine', kezrimińe : elat. kezrimzešt 'ketramine', kuatteлmińe 'proovimine', kudmińe 'kudumine', ЛawЛmińe 'laulmine', läźmińe 'põdemine, haigus', magumińe : gen. magumzen 'magamine', müämińe 'müümine', ombeлmińe 'õmblemine', paлmińe 'põlemine', pežmińe 'pesemine', piärmińe 'palistamine', rakendmińe 'krookimine', tapmińe 'tapmine', šuamińe 'sünnitus', vidmińe 'linaropsimine', juabmińe 'iiveldus', juamińe : pl. nom. juamzet 'jook', šüämińe 'toit', pišt´mińe 'piste', rügmińe 'kõha', šüwhmińe 'sügelised'. - Ves lümmüttämińe 'painutamine', süömińe 'söök'. - Sufiks arvatakse algselt koosnevat elementidest *-me- + *-inen (Hakulinen 1968 : 172), milles m on infinitiivi tunnus (Майтинская 1974 : 345).

11. -n : -na- on õnnestunud tabada vaid sõnas pagin :

pl. nom. pagnat 'jutt' (vrd. pagźen 'räägin'). - Ves pagina 'vestlus'. - Sufiksit peetakse soomeugriliseks (Hakulinen 1968 : 163, Майтинская 1974 : 346).

12. -nd : -nna-, -nnä-sufiksi abil on tuletatud teonimesid: el´änd : gen. el´ännän 'elu', иллan issunnat 'õhtune koosviibimine', lüpšänd 'lüpsmine', kuaлend 'suremine', uлvond 'ulgumine'. - Ves astoinda 'äestamine', ečindä 'otsimine', haikotanda 'haigutamine', kītändä 'kiitmine', kiännändä 'pööramine'. - Vasteid on sufiksile esitatud ka kaugemaist sugulaskeeltest (Hakulinen 1968 : 164).

13. -nd : -nno- on ebaproduktiivne liitsufiks, esineb ainult substantiivis avand : gen avannon 'jääauk'. - Ves avando id.

14. -nut, -nüt : -nu-, -nü- ~ -nuźe-, -nüźe- on liitsufiks, mis esineb adjektiivides: haллennut kart : iness. haллennuš ~ haллennuźeš kartaš 'lõhkiläinud küna' (vrd. haллet 'lõhkeda'), peššäh kuaлnut inehmišt 'pesevad surnud inimest', kuivahtnut koiw : pl. nom. kuivahtnuźet koivut 'kuivanud kask', kül´mähtnüt tüt´ 'külmunud tütar', šiändnüt ak : pl. nom. šiändnüźet akat 'vihastunud eit', žuarinnut kaл 'küpsenud kala', ruaštnut veič 'roostetanud nuga'. Harva esineb mõni tuletis ka substantiivina: šuadiн uponnun 'said uppunu kätte', äij on tuлnuźi moskušt 'palju on Moskvast tulnuid'. - Ves humaлdunnut tüt´t´ö 'joobnud tüdruk'. - Sufiks on aktiivi mineviku partitsiibi tunnus. Selle vasteid leidub kõigis läänemeresoome keeltes (Hakulinen 1968 : 176).

15. -o, -ö : -o-, -ö- on olnud algselt liitsufiks, esineb ainult vähestes substantiivides, mis väljendavad a) tegevuse tulemust või objekti: jawhot 'jahud', kaev : gen. kaevon 'kaev, allikas', haлg : pl. nom. haлgot 'halg', ńävöt 'põsed', šīt bör : pl. nom. šīt böröt 'sitasitikas'; b) teonimesid: iлdkesroh 'istjatsile', ruad : gen. ruavon 'töö'; c) muud: eлot 'varandus'. - Ves kažvo 'kasv', külvö 'külv', paлo 'tulekahju'. - Sufiksil leidub vasteid teisteski läänemeresoome keeltes.

16. -oš : -okše-liitsufiksit on korda läinud tabada substantiivides katoš : gen. katokšen 'katus' ja rikoš 'nõidus, rikkumine' (vrd. rikku : pr. rikon 'nõiduda, rikkuda') ning adjektiivis kajoš 'selge (taevas)'. - Ves kītoš 'kii-

tus', kajoš 'selge'. - Sufiks koosneb algselt elementidest -o + -s. Sellele leidub vasteid peale läänemeresoome keelte veel lapis ja mordvas (Hakulinen 1968 : 178 - 179).

17. -ŕ : -ŕi- on kirja pandud vaid sõnas itkuŕ : pl. nom. itkrit 'nuttur', mida kasutatakse nii substantiivselt kui adjektiivselt. - Ves juomaŕi 'joomar'. - Deverbaalset r-sufiksit esineb enamikus läänemeresoome keeltes. Eriti sagedane on see soome keeles, kus peetakse võimalikuks, et ri-deverbaalide teket on suurelt osalt mõjustanud germaani laensõnade mall (Hakulinen 1968 : 179, Itkonen 1966 : 134).

18. -ť : -tu-, -tü- ~ -d on liitsufiks, mille abil tuletatakse üksnes adjektiive: avať ow 'avatud uks', kateť katoš 'kaetud katus', kiŕteť kirj 'kirjutatud kiri', paiśetuľ лuwkuľ 'kübsetatud sibulaga', poдtetuľ voiľ 'kõrvetatud võiga', žuariť lìh 'praetud liha', svihniť jaлg 'nikastatud jalg', vaлheлd aźi 'valetatud asi'. - Ves valʹ-lʹituoŋke tütõŋke 'valitud tüdrukuga'. - Sufiks on passiivi mineviku partitsiibi tunnus, vasteid leidub kõigis läänemeresoome keeltes (Hakulinen 1968 : 180).

19. *-u, *-ü : -u-, -ü- on ebaproduktiivne, esineb ainult mõnes substantiivis: ijüt (sg. nom. ìd) 'linnased', jürün 'pikse, müristamise' (vrd. uk̄ jürjäw 'müristab'), liak̀ : gen. liakun 'kiik' (vrd. liakkuw 'kiigub'), pöl' : gen. pölʹün 'tolm'. - Ves лoppu 'lõpp', haiźu 'hais'. - Sufiksi levik piirdub üksnes läänemeresoome keelte ja lapi keelega. Mõningate uurijate arvates on siiski võimalik, et see on soomeugriline (Майтинская 1974 : 357).

20. -uš, -üš : -ukše-, -ükše- on liitsufiks. Selle abil on tuletatud substantiive, mis tähistavad a) teonimesid: alтuš : gen. alтukšen 'alustamine', лoptuš 'lõpetus', läm̀tüš 'kütmine; kütus, mis korraga ahju pannakse', paiśtuš 'paistetus', šuwdлuš : gen. šuwdлukšen 'kaetamine' (vrd. šuwveľ : pr. šuwdлen 'kaetada'); b) tegevuse tulemust või objekti: ahuš 'laug, kaks part rehes', haerhuš 'viga, eksitus', muituš : gen. muitukšen 'leivajuuretis', vaetuš 'räästast tilkunud vesi' (vrd. vajattu 'tilkuda'). Samasse kuulub ka röhennüš : gen. röhennükšen 'ahjusuu nurka tõmmatud tuliste süte hunnik', mille tüvisõna murdes ei esine, küll aga põhja-karjalas: rehenteä (Uhtuo) 'polttaa rehennystä', rehentüö (Kiestinki) 'lievästi paistua, ruskettua

hiilustalla' (SKES III : 755). - Ves kĭrähüś 'kiirustamine', šatatuš 'vigastus'. - Sufiks koosneb algselt elementidest -u, -ü + -s (Hakulinen 1968 : 184), vasteid esineb teisteski läänemeresoome keeltes.

21. -w : -va-, -vä- on ebaproduktiivne sufiks, millega on moodustatud vaid kolm adjektiivi: el'äw 'elav, elus': kaлat oлdih el'vät 'kalad olid elusad', paлaw : gen. paлvan 'palav', jowdaw 'vaba, jõude; pole viga'. - Ves jowdava id., paлava 'palav'. - Teatavasti on see olnud oleviku partitsiibi tunnus. Preesensi partitsiip on murrakus hääbunud. Arvatakse, et sufiksil leidub vasteid enamikus soome-ugri keeltes (Hakulinen 1968 : 164 - 165, Майтинская 1974: 350).

22. -üäk : -üäkä- (-uäk : -uäka-) esineb deverbaalsena ainult substantiivis šiändl'üäk : gen. šiändl'üäkän 'vihastaja, vihane inimene' (vrd. šiändl'iččöw 'vihastub'). Leidub veel teinegi tuletis лoptuškat 'peenikesed kepid kanga lõpetamisel, mille külge lõime otsad seotud', kuid selles on k nähtavasti analoogiline, sest on olemas ka лoptuš 'lõpetus, lõpetuse kepp'. - Ves kiavičuška 'kaapekakk', keituška 'paastuõlis küpsetatud pannkook'. - Sufiks on laenatud vene keelest, kus -ушк-а (-юшк-а), -ушк-о (-юшк-о) esineb sageli eriti igapäevases kõnekeeles (Грамматика : 269 - 270). Tähenduselt on see ühelt poolt deminutiivne, teiselt pejoratiivne. Selle laenamise eelduseks on ilmselt olnud sama sufiksiga vene laensõnad, mida murrakus leidub massiliselt, nagu buabušk 'ämmamoor' (< vn бабушка), kukušk 'kägu' (< vn кукушка), kartošk 'kartul' (< vn картошка), vekvušk 'vanatüdruk' (< vn вековушка) jt. Denominaalsena on sufiks murrakus produktiivsem, näit. käl'üškät 'vendade naised' (vrd. käl'ükšet id.), nadušk 'mehetõde' (< nàd id.), turbušk 'koon' (< turb id.). Vene keelest eri aegadel laenatud sufiks esineb ka teistes läänemeresoome keeltes. Eesti keeleski leidub rohkesti nii denominaalseid kui deverbaalseid sk-tuletisi, eriti lõuna-eesti murdeis. Tähenduselt on nad pejoratiivsed, nagu kolask, larask 'lobasuu', logask, virisk 'viriseja' jt. (Kont 1957).

Eelesitatust selgub, et Djorža murrak pole deverbaalsete noomenisufiksite poolest rikas - neid on kõigest 22. Produktiivseiks osutuvad nende hulgas aga ainult kaks või kolm, nimelt teonimesid või tegevuse objekti tähistav -miń : -mze-, tegijanimesid moodustav -i : -ja-, -jä- ning ka m-infinitiivi partitiiv.

Valdavas osas on sufiksid ebaproduktiivsed: neid on tabatud vaid üksikutes sõnades. Niisuguseid on kümme. Neile lisandub kaks sufiksit, mis esinevad kolmes-neljas sõnas. Ülejäänud seitset, mille abil on moodustunud 5 - 10 tuletist, võiksime nimetada väheproduktiivseteks, kuid tegelikult on needki õieti surnud või kivinenud sufiksid: uusi sõnu nende abil enam ei tuletata.

Lõpuks peaks mainima veel üht seika. Selles hääbuvas murrakus toimub deverbaalnoomenite tuletamine niisamuti kui teisteski läänemeresoome keeltes - põhiliselt on säilinud vanad tuletusliited. Käsitletud sufikseist on 21 genuiinsed ja ainult üks laensufiks, seegi ebaproduktiivne.

L ü h e n d i d j a k i r j a n d u s

H a k u l i n e n, L. 1968, Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos, Helsinki.

I t k o n e n, E. 1966, Kieli ja sen tutkimus, Helsinki.

K o n t, I. 1957, Eesti nominaalsufiksi -sk päritolust ja semantikast. - ESA III, 104 - 115.

SKES III - E. I t k o n e n, A. J. J o k i, Suomen kielen etymologinen sanakirja III, Helsinki, 1962.

Ves - Vesjegonski murdeala.

Грамматика русского языка I. Фонетика и морфология. Москва, 1953.

М а й т и н с к а я К.Е. 1974, Сравнительная морфология финно-угорских языков. - Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва, 214-382.

П. П а л ь м е о с
(Тарту)

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕННЫЕ СУФФИКСЫ В ДЕРЖАНСКОМ ГОВОРЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Р е з ю м е

В держанском говоре карельского языка имеется 22 отглагольных именных суффикса. Из них наиболее употребительными выступают только 2 или 3. К ним относятся -mí : -mze-, обозначающий название действия и объект действия; -i : -ja-, -jä-, обозначающий название деятеля, а также партитив и-основого инфинитива. В большинстве случаев суффиксы малопродуктивны - они выступают лишь в одном или нескольких словах. Новые слова с их помощью не образуются.

По происхождению эти суффиксы являются исконными, только один из них заимствован из русского языка и притом не относится к числу продуктивных.

P. P a l m e o s
(Tartu)

DEVERBALE NOMINALSUFFIXE IN DER DJORŽA-MUNDART DES KARELISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die karelische Djoržа-Mundart verfügt über 22 deverbale Nominalsuffixe. Produktiv sind von ihnen aber nur 2 bis 3, und zwar folgende: -mi̯ń : -mze- zur Bildung von Nomina actionea oder zur Bezeichnung des Handlungsobjekts, -i: -ja-, -jä- zur Bildung von Nomina agentes, und auch der Partitiv des n-Infinitivs. Die überwiegende Mehrheit der Suffixe sind unproduktiv - sie begegnen nur in einem Wort oder in wenigen Wörtern. Mit ihrer Hilfe werden keine Neubildungen mehr vorgenommen.

Dem Ursprung nach sind diese Suffixe genuin, nur eines ist dem Russischen entlehnt, doch ist es unproduktiv.

P. A r i s t e
(Tartu)

KOMI-PERMISCHES AUS GAINCOVO

Die komi-permischen mundartlichen Texte, die hier veröffentlicht werden, hat der Unterzeichnete im Jahre 1941 in Tartu von Nikolai Isajev, 20 Jahre alt, aufgezeichnet. Nikolai Isajev stammte aus dem Kočevoer Bezirk des Komi-Permischen Nationalgebiets, wo er im Dorfe Gaincovo gelebt hatte. In Tartu lag er als Verwundeter in einem Krankenhaus. Im zweiten Weltkriege wurde er vermißt, wie seine Angehörigen es mitgeteilt haben. Nikolai Isajev war ein sympathischer junger Mann, der gern seine Muttersprache sprach und Verschiedenes erzählen konnte. Der Unterzeichnete konnte sich mit ihm nur innerhalb einer kurzen Zeit unterhalten. Alle Texte, die hier veröffentlicht werden, wurden nach Gehör gemacht. Die Sprache der Texte ist auf keine Weise normalisiert worden. Die Transkription der Originalaufzeichnungen wird hier genau wiedergegeben. Nur anstatt ts, tš, e̯ und i̯ werden c, č, ə̄ und y gebraucht (die letzten zwei Buchstaben aus drucktechnischen Gründen).

Der Unterzeichnete ist Doz. Antonina Gantman (Perm) sehr dankbar. Sie hat die Texte durchgelesen und einige wertvolle Korrekturen gemacht.

1. zolotə·i ćeri·.

kərkə vəlməś stari·k da staru·ka. ɲylən vələm tokə potəm ər. nija oləməś ədʹdʹən umələʹá. staru·ka ədʹdʹən vidə stari·kəs:ńem tenat umələʹ mortlən abu! - stari·k keris ćeri·-kyja·n saćo·k. i munis va·dorə kyiny ćeri·. vetlə·tis, vetlə·tis, ətik ćeri· ez kyi. pukśis va·ɔdoras da pondis gorzyny: gortə muna, bəra· staru·ka pondas vidny. --ćéććis i vaɛas ćapkis saćo·k. sylə śuris zolotə·i ćeri·,

zolotõ·i ćeri· pondis kelmi·śny stari·klõ: stari·k, stari·k, led´ź menõ! me tenyt una bur kera. - stari·k sylõ viśta·lis: mi gortyn olem toko staru·kakõt. olam õd´d´õn umõl´å. - stari·k šuõ ćeri·lõ: olam izbu·škaćyn.medby loćis bur kerku·! - ćeri· šuõ stari·klõ: mun, kai gortat! tenat loćas vil´ kerku·. - stari·k loktõ gort dynõ. byl´: loćõm vil´ kerku·. staru·ka loćis rad. i loćisõ bur paśkõ·maõś. bõra staru·ka vidõ stari·kõs, medby loćis mijan uḑžali·śnylka. a staru·ka šuõ: me medby ńem eg ker! mun stari·k va·ᵕdoras, kor zolotõ·i ćeri·liś, i med śetõ mija·nlõ uḑžali·ś. - stari·k munis va·ᵕdorõ i korõ zolotõ·i ćeri·liś uḑžali·ś. i medby staru·ka loćis baruńńå. ćeri· šuõ: mun, star·k gortat! loćas staru·ka baruńńå. - nija pondisõ olny õd´d´õn bura. bõra bab pondis šuny d´edlõ: mija·nlõ eśśõ kolõ zoŋka·. medby nija, nylka·ys da zoŋka·ys uḑža·lisõ. a mi tekõt, stari·k, pondimby toko nylõ viśta·llyny, kyd´ź kolõ kerny. - staru·ka mõdõ·tõ stari·kõs va·ᵕdorõ korny zolotõ·i ćeri·liś zoŋka·õs, i medby olisõ iśõ· burži·ka. stari·k munis va·ᵕdorõ. loktis stari·k va·ᵕdoras i pondis korny zolotõ·i ćeri·liś zoŋka·õs, i buržik ola·n . ćeri· loktis stari·k dynõ, vid´źe·tis stari·kys vylõ, bergõ·ććis bõžnas stari·klańõ. vaćkis bõžnas va kuźå, da pyris bõr pemyt vaćas. stari·k gorzytõn loktõ gortas. loktis gortas. nylõn bõr loćõm umõl´ izbu·ška, i potõm õr. kol´ććisõ d´ed da bab gorzytõn.

1. Der goldene Fisch.

Es waren einmal ein Alter und eine Alte. Sie hatten nur einen zersprungenen Trog. Sie lebten arm. Die Alte schilt sehr den Alten: "Nichts hast du, armer Mensch! - Der Alte machte einen Fischfanghamen. Und er ging ans Ufer Fische fangen. Er wanderte, wanderte, (und) fing keinen Fisch. Er setzte sich an das Ufer und fing an zu weinen: "(Wenn) ich nach Hause gehe, wird die Alte (mich) wieder schelten." - Er stand auf und warf den Hamen ins Wasser. Es fiel ihm ein goldener Fisch zu. Der goldene Fisch begann den Alten zu bitten: "Alter, Alter, laß mich (los)! Ich mache dir viel Gutes." - Der Alte sagte ihm: "Ich lebe /= wir leben/ zu Hause nur mit der Alten. Wir leben sehr arm." -

Der Alte sagt dem Fisch: "Wir leben in einer schlechten Hütte. Es entstehe ein gutes Haus!" - Der Fisch sagt dem Alten: "Geh, geh hinauf nach Hause! Du wirst ein neues Haus haben." - Der Alte kommt nach Hause. Es ist wahr: es ist ein neues Haus entstanden. Die Alte wurde froh. Und es entstanden gute Kleider. Wieder schimpft die Alte den Alten: "Es werde uns ein Dienstmädchen." - Aber die Alte sagt: "Damit ich nichts machen müßte! Geh, Alter, ans Ufer, bitte den goldenen Fisch [und] um einen Arbeiter [= daß er einen Arbeiter uns gebe]!" - Der Alte ging ans Ufer und bittet den goldenen Fisch um einen Arbeiter, [und] damit die Alte eine herrschaftliche Frau werde. Der Fisch sagt: "Geh, Alter, nach Hause! Die Alte wird eine herrschaftliche Frau werden!" - Sie fingen an, sehr gut zu leben. Wieder begann die Großmutter dem Großvater zu sagen: "Wir haben noch einen Burschen nötig, damit sie, das Mädchen und der Bursche, arbeiteten. Damit aber ich [= wir] mit dir, Alter, ihnen sagen würde, wie es gemacht werden muß." - Die Alte schickt den Alten ans Ufer, um den goldenen Fisch um einen Burschen zu bitten, damit sie noch besser leben würden. Der Alte ging ans Ufer. Der Alte kam ans Ufer und er fing an, den goldenen Fisch um einen Burschen und um ein besseres Leben zu bitten. Der Fisch kam zum Alten. Er schaute den Alten an, kehrte seinen Schwanz dem Alten zu, schlug mit dem Schwanz dem Wasser entlang, und ging ins dunkle Wasser zurück. Der Alte kommt weinend nach Hause. Er kam nach Hause. Sie hatten wieder die schlechte Hütte und den zêrsprungenen Trog. Der Großvater und die Großmutter blieben weinend zurück.

2. bednõi mort jyliś skaski·.

kõrkõ olõm umõl´ȧ muži·k. sylõn võlõm zon. a nylõn ńem abu võlõm. olõmaś śõd kerku·ꜥyn. ajys šuõ sonyslõ: meᴗpõ tenõ vuza·la śo šat´ vylõ. - loktas kreśe·ńńȧ. ajys keras zonyslõ bonõvõi śermõ·t, i pondas nuõ·tny, kyd´ź polnõ tui kuźȧ, vuza·lny zonsõ karõ, kytõ·n õkśõm una jõz. sylõ panta·śíś õd´d´õn bura oliś mort. pondis juꜥa·lny mortliś: kyt´t´śõ nuꜥõta·n zontõ? - sija šuõ: vuza·lny. - a bośti·ś juꜥa·las: myi kerny sija kužas? vot menam abu pon. - vuza-

li·ś šuõ; õd´d´õn bur sija pon vylõ. - a bośti·ś ju̯a·lõ: una·ja koran sy̯ponda śõm? - vuzali·ś šuõ: śo šat´. - boś-ti·ś śetas śo šat´. i nu̯õ·tas gortas. doma·las ćommõz dy-nõ. puktas iḑ̇a·s, medby võli kuilyny ńebyt. a sylõn võlisõ ńol´pon. kõdõ· bośtis talun, sija lo̯is vitõ·t.lo̯isõ vit pon. sija ojõ loktasõ guśali.śśez. ponnezis pondasõ õd´d´on utny. a mortõvõi ponys geZsõ orõ·tas da ad´dẑäs ćomjiś ńáń. śetas ponnezlõ. seśśá nija dugdisõ utny. sy̯põra guśali·ś-śez bydõ·s bura oli·ś mortliś petkõ·tlasõ paśkõm, i piź̯da ešõ· śõm. a guśali·śśez võlõmaś nija, kõda vaza·lisõ mor-tõvõi ponsõ. i munisõ. asylnas ćeććis mort. syliś bydõ·s guśa·lõmaś. i abu vil´ ponys.

2. Das Märchen von einem armen Menschen.

Es lebte einmal ein armer Mann. Er hatte einen Sohn. Aber sie hatten nichts. Sie lebten in einer Rauchhütte /= schwarzem Hause/. Der Vater sagt seinem Sohne: "Ich verkaufe dich wohl für hundert Rubel." - Es wird /= kommt/ Sonntag. Der Vater macht seinem Sohne einen Bastzaum, und er fängt an, seinen Sohn wie einen Hund dem Wege entlang in die Stadt zum Verkauf zu führen, wo viele Leute sich versammelt hatten. Es begegnet ihm ein sehr wohlhabender /= gut lebender/ Mensch. Er fing an, den Mann zu fragen: "Wohin führst du deinen Sohn?" - Er sagt: "Zum Verkauf." - Aber der Käufer fragt: "Was kann /= versteht/ er machen? Nun! Ich habe keinen Hund." - Der Verkäufer sagt: "Als Hund ist er sehr gut." - Aber der Käufer fragt: "Wieviel Geld verlangst du für ihn?" - Der Verkäufer sagt: "Hundert Rubel." - Der Käufer gibt hundert Rubel. Und er führt (ihn) nach Hause. Er bindet ihn an die Klete. Er legt Stroh (nieder), damit es weich zu liegen sei. Aber er hatte vier Hunde. /Derjenige/ den er heute kaufte, wurde der fünfte. Es gab fünf Hunde. In dieser Nacht kommen Diebe. Die Hunde fangen an, sehr (stark) zu bellen. Aber der Menschenhund zerschneidet die Schnur und findet in der Klete Brot. Er gibt (es) den Hunden. Dann hörten die Hunde auf zu bellen. Zu der Zeit tragen die Diebe dem reichen Mann alles hinaus, Kleider und Mehl, und noch Geld. Aber die Diebe waren diejenigen, die den Menschenhund verkauften. Und sie gingen

(weg). Am Morgen stand der Mann auf. Es ist ihm alles gestohlen. Und der neue Hund ist nicht da.

3. i v a · n jyliś

kŏrkŏ vŏlŏmaź‿d´ed da bab‿nylŏn vŏlŏmaś kujim zon i ńol´ŏt ylŏ·stŏm i v a · n. nija kŏd´źŏmaś vŏr šŏrŏ šogdi. nyliś šogdisŏ kinkŏ pondŏm tal´ny byd oi. ajnys i šuŏ zonnezlŏ: kolŏ ojjeznas vid´źŏ·tlyny, kin śojŏ šogdisŏ. - ŏtikŏt ojas mŏdŏ·tasŏ med pŏriś zonsŏ. sija munas rytna·s gorti·ś. mŏdi·k kerku·‿yn uźas. ybys vylŏ oz i vetly. asylnas pyra·llas vaŏ. gortas loktas i viśtalŏ ajyslŏ: oibyt zeris. bydŏ·s kynmi. a oinas ybys vylŏ ńeki·n ez volly. - ajys šuŏ: bur zon, kŏk-i zeris, a olis oibyt. ašyn mŏdŏ·ta mŏd vontŏ. - loktas ryt. mŏdŏ·tasŏ mŏd vonsŏ. sija keras sid´ź-žŏ. oz vetly ybys vylŏ. uźâs mŏdi·k kerku‿yn. asyvnas kiśka·śas vaŏn. loktas gortas i viśta·lŏ ajyslŏ: "neki·n ez volly yb vylas. a oibyt zeris. sijŏn i me vami. - kujimŏt ojas mŏdŏ·tas kujimŏt zonsŏ. sija oz i vetly ybys vylŏ. uźâs mŏdi·k kurku·‿yn. asyvnas loktas gortas. viśta·lŏ ajyslŏ: ńekine·s eg ad´d´źyl. a zeris oibyt. sijŏn i vami. - loktis kad ylŏ·stŏm i v a · n l ŏ munny vid´źŏ·tny, yb vyliś šogdi kin sijŏ oinas śojŏ. ajys šuŏ ylŏ·stŏm i v a · n l ŏ: munan on oi kežas vid´źŏ·tny yBsŏ, kin śojŏ šogdi·sŏ?. - i v a ·n šuŏ ajyslŏ: muna. - loktis ryt. i v a · n munŏ yb vylŏ, i puka·lŏ yb doras. viććiśŏ kinŏ·skŏ. lo‿is oi šŏr. i v a · n vid´źŏ·tŏ: yb šŏras šogdi·‿ys vylyn vetlŏ·tŏ ćoćkom vŏl. i v a · n žagŏ·ńik loktis vŏlys dynŏ, i sijŏ kutis. a vŏlys ŏd´d´ŏn bur, yd̆ž̆yt. vŏlys šuŏ i v a · n l ŏ: led´ź menŏ bŏr! me tenyt una sy‿bŏryn oca·-la. kŏr pondas kolny menŏ tenyt, te lok eta ybys vylŏ i gorŏ·t: bur vŏl, lok taććŏ. - a karyn olŏma car (sar). sylŏn vŏlŏm ŏd´d´ŏn basŏk nyl. sija nylsŏ pondŏm śetny aika·‿sa·-jŏ. i i ćaso·vńa perna vylŏ ŏšŏ·tŏm zolotŏ·i ćuńkyk̆. šuŏ car: kin vermas sud´źŏ·tny etŏ ćuńkyk̆sŏ, sy‿sajŏ śeta nylka·‿ŏs. bydla·ŏ ŏšŏ·tas gizŏ·ttez, medby jŏzys tŏdisŏ, kyd´ź sija mŏdŏ śetny nylsŏ aika·‿sa·jŏ. car ordŏ ŏkśisŏ jŏzys una i una. ylŏ·stŏm i v a · n l ŏ n munŏnyny vonnezys vid´źŏ·tny, kin sud´źŏ·tas ćuńkyk̆sŏ. a i v a· n ŏ̃ s ozŏ nuŏtŏ. sija gorzŏ, munŏ‿by, kol´isŏ,ezŏ nuŏtŏ. i v a· n

munis ybys vylö, kytön nylön völi ked'žöm šogdi·ϲys. i pondis kornyćočköm bur völsö. völys loktis. i v a · n sijö kutis. völys šuö: ötik pel'ám pyr,mödi·kiś pet. – i v a · n sid'ž keras, kyd'ž višta·lis völys. sija loϲis öd'd'ön bur paśkö·ma, i ćočköm. pukśis sy vylö, carys nylliś sud'-žö·tny ćuńkyč. i v a · n loktö car ordö. jözys una una ökśömaś. pondisö vid'žö·tny i v a · n vylö, kin‿pö seč-čöm bur völnas loktö. öd'd'ön göni·tö ćasovńá·ϲys dynöt. loktis ćasovńa·ϲys veštö. kyd'ž völys ćeććöwtis, ńevna ez sud'žöt ćuńkyčsö. loϲis ryt. jözys bydö·s munis gorttezö. i i v a · n munis vöras. i led'žis völsö. loktis gortas. kajis gor vylas. i kuilö. kylzö, vonnazys myi baji·töny. – kinkö‿pö völi seččöm bur völön. ńevna ez sud'žöt ćuńkyčsö, – a vonnezys ylö·stöm i v a · n l ö n ozö tödö, yštö sija völi seććin. i vonnezys šuöny: ašyn böra munamö. – i v a · n tožö munas. kujimöt pyrśaϲas sud'žö·tas ćuń-kyčsö. gortas loktas, kajas gor vylö i kuilö. i kylzö von-nezysliś śorńitömsö. šuöny: talun kinkö sud'žö·tis zolo-tö·i ćuńkyčsö. – i v a · n kyskas ćuńkyčsö zepśiś. jugy·t loas kerku·ϲas. vonnezys pondasö vidny i v a · n ö s: myi te seććin böbalan istö·geznas? – sija bör śujy·štas. köda völi jöz ćaso·vńa dynas, sar nylö šuö: ašyn loktö dös me ordö! – loktis jözys sa·r ordö. sar šuö: nylö pondas tijanös jukta·lny, kin dynyn ćuńkyč, sy‿sajö i śeta nylös. kör sylö śetas juny, sek kyskö ćuńkyčsö. i v a· n pukśas lokań sajö. dyr oz śetö juny. kyd'ž śetas, sija kyskas ćuń-kyčsö. a nylká·ys pondas šuny. kyd'ž eččö·m umöl'ik mortys vermis sud'žö·tny ćuńkyčsö? i bydö·s jözys pondas vid'-že·tny ylö'stöm i v a · n vylö. i v a · n l ö n von-nezys tödasö sijö. sy‿böryn loktas i v a · n dynö sar i nuö·tas mödi·k zyrjas. vežas syliś umö·l'ik paśkömsö. śetas bydö·s burö i śetas nylsö sy‿sa·jö. i v a · n‿sajö.

3. Ein Märchen von Iwan.

Es waren einmal ein Alter und eine Alte. Sie hatten drei Söhne und der vierte (war) der dumme Iwan. Sie säten Weizen inmitten des Waldes. Jemand begann ihnen den Weizen jede Nacht zu zertreten. Der /= Ihr/ Vater sagt dann den Söhnen: "Man muß nachts nachsehen, wer den Weizen frißt." – In der ersten Nacht wird der älteste Sohn hingeschickt.

Er geht am Abend aus dem Hause, (und) schläft in einem anderen Hause. Auf das Feld geht er überhaupt nicht. Am Morgen geht er ins Wasser. Er kommt nach Hause und erzählt seinem Vater: "Die ganze Nacht regnete es. Ich war ganz erfroren. Aber nachts kam niemand auf das Feld." - Der Vater sagt: "Guter Sohn, obwohl es regnete, war er jedoch die ganze Nacht (dort). Morgen schicke ich deinen anderen Bruder." - Es wird /= kommt/ Abend. Es wird der andere Bruder hingeschickt. Er macht (es) ebenso. Er geht nicht auf das Feld. Er schläft im anderen Hause. Am Morgen übergießt er sich mit Wasser. Er kommt nach Hause und erzählt seinem Vater: "Es war niemand auf dem Felde. Aber es regnete die ganze Nacht. So bin auch ich naß geworden." - In der dritten Nacht schickt er seinen dritten Sohn.Auch er geht nicht auf das Feld. Er schläft im anderen Hause. Am Morgen kommt er nach Hause. Er erzählt seinem Vater: "Ich habe niemand gesehen. Aber es regnete die ganze Nacht. So bin ich naß geworden." - Es kam dem dummen Iwan die Zeit zu gehen, um nachzusehen, wer auf dem Felde den Weizen jede Nacht frißt. Der Vater sagt dem dummen Iwan: "Gehst du oder gehst du nicht in dieser Nacht auf das Feld, um nachzusehen, wer den Weizen frißt?" - Iwan sagt seinem Vater: "Ich gehe." - Es wurde /= kam/ Abend. Iwan geht auf das Feld und sitzt am Feldrande. Er warter, ob jemand kommen wird. Es wurde Mitternacht. Iwan schaut: in der Mitte des Feldes geht im Weizen ein weißes Pferd. Iwan kam still zum Pferde,und er fing es ein. Aber das Pferd (war) sehr gut, groß. Das Pferd sagt Iwan: "Laß mich wieder los! Ich leiste dir dafür viel Hilfe. Wenn du mich nötig haben wirst, (so) komm auf dieses Feld und rufe: "Gutes Pferd, komm hierher!" - Aber in der Stadt lebte der Zar. Er hatte eine sehr schöne Tochter. Er fing an, seine Tochter zu verheiraten. Und auf das Kreuz der Kapelle hatte er einen goldenen Ring gehängt. Der Zar sagt: "Wer diesen Ring erreichen kann, dem werde ich meine Tochter geben. Überall hängt er Mitteilungen auf, damit das Volk wisse, wie er seine Tochter verheiraten will. Beim Zaren versammelte sich viel und viel Volk. Vom dummen Iwan gehen die Brüder, um zu sehen, wer den Ring erreichen wird. Aber Iwan nehmen sie nicht mit. Er weint, er möchte gehen, sie ließen ihn zurück, (und) nahmen (ihn) nicht mit. Iwan

ging auf das Feld, wo ihr /= ihnen/ Weizen gesät war. Und er fing an, das weiße Pferd herbeizurufen. Das Pferd kam. Iwan fing es ein. Das Pferd sagt: "Geh in eines meiner Ohren hinein, aus dem anderen komm heraus." - Iwan macht (es) so, wie das Pferd sagte. Er wurde sehr gut angekleidet und hellblond /= weiß/. Er stieg /= setzte sich/ auf dieses Pferd, um von der Zarentochter den Ring zu erreichen. Iwan kommt zum Zaren. Es hatte sich viel, viel Volk versammelt. Sie fingen an, auf Iwan zu schauen, wer kommt denn mit einem so guten Pferde. Er galoppierte sehr (schnell) zur Kapelle. Er kam zur Kapelle. Als Das Pferd aufsprang, (so) hätte er den Ring fast erreicht. Es wurde Abend. Die Leute gingen alle nach Hause. Und Iwan ging in den Wald. Und er ließ das Pferd los. Er kam nach Hause. Er stieg auf den Ofen. Und er liegt (da). Er horcht, was die Brüder sprechen. - "Wer war doch mit einem solchen guten Pferde? Er hätte den Ring fast erreicht." - Aber die Brüder vom dummen Iwan wissen nicht, daß er dort war. Und die Brüder sagen: "Morgen gehen wir wieder." - Iwan geht auch. Das dritte Mal erreicht er den Ring. Er kommt nach Hause, steigt auf den Ofen und liegt. Und er hörte dem Gespräche der Brüder zu. Sie sagen: "Heute hat jemand den goldenen Ring erreicht." - Iwan zieht den Ring aus der Tasche. Im Zimmer wird es hell. Die Brüder fangen an, Iwan zu schelten: "Was spielst du dort mit Zündhölzern?" - Er steckt (ihn) wieder zurück. Denen, die vom Volke an der Kapelle waren, sagt der Zar: "Kommt morgen alle zu mir!" - Die Leute kamen zum Zaren. Der Zar sagt: "Meine Tochter wird ihnen zu trinken geben. Wer den Ring hat, mit dem verheirate ich wohl meine Tochter. Wenn sie ihm zu trinken gibt, so zieht sie ihm den Ring ab. Iwan setzt sich hinter einen Zuber. Lange gibt sie (ihm) nicht zu trinken. Wie sie (es) gibt, so zieht er den Ring heraus. Aber das Mädchen fängt an, zu sagen: "Wie konnte solch ein armseliger Mensch den Ring erreichen?" - Und alle Leute fangen an, auf den dummen Iwan zu schauen. Die Brüder von Iwan erkennen ihn. Darauf kommt der Zar zu Iwan und führt (ihn) in ein anderes Zimmer. Er tauscht seine schlechten Kleider um. Er gibt (ihm) viel Hab und Gut /= allerlei Gutes/ und verheiratet seine Tochter mit ihm, mit Iwan.

4. vörali·śśiz jyliś.

kŏrkŏ vŏlŏmaś kyk von. a kuimŏt bŏbŏ·v ŏ l'ŏ· š k a. kyk vonys lŏśŏććŏny munny vŏralny. tećasŏ peśk'errezŏ ńáń. bŏbŏ·v ŏ l'ŏ· š k a ¸ŏs oz nuŏ·tŏ. sy◡bŏryn peta·llasŏ ŏtŏ·rŏ. sy pŏra bŏbŏ·v ŏ l'ŏ· š k a ŏtik peśk'eriś ńáńsŏ kyska·las, da pyras i puka·lŏ. kŏr vonnezys pyrasŏ, da bośtasŏ peśk'erreZsŏ, da pondasŏ munny vŏrŏ. pyrisŏ nija kerku·¸ŏ, bośtisŏ ńaññeZsŏ, i piša·l'l'ez. i pondisŏ terma·śŏmŏn kotĕ·rtny. ŏ l'ŏ· š k a gorŏ·tŏ: vonnez, vonnez, edŏ kol'ŏ! - nija pondasŏ ćoža·ẓyk kotŏ·rtny. baji·tŏny kyk von: kylŏ◡pŏ, vŏććŏ bŏbŏ·v ŏ l'ŏ· š k a n ym. lok ćoža·ẓijk! munam! - kotŏrta·sŏ ŏd'd'ŏn ńi ylŏ. pukśasŏ šoććiśny. bŏbŏv zonka gorŏ·tlŏ: vonnez, vonnez, edŏ kol'ŏ! - nija šuŏny: śo-pŏ vŏććŏ. lok buržyka! kotŏrta·m! - kotŏ·rtasŏ ŏd'd'ŏn ńi ylynŏ. loas ryt. loktas vŏras ŏtik kerku·. nija seććŏ pyrasŏ. a setŏn olŏm oboro·-ńika. nija syliś jua·lasŏ: tujas oz ṭe ordyn uźny ŏtik oi? - oboro·ńika viśta·las: myl'á oz tui! - vŏrali·śśez ćŏlććasŏ. sy◡bŏryn ŏt vonys šuŏ: kolŏ, vonŏi, śoiny. - pukśasŏ pyza·n sajŏ. i kyskasŏ ŏtik peśk'eriś ńań. i pondasŏ śoiny. śojasŏ i vodasŏ uźny. asylnas ćeććasŏ. mŏd vonys šuŏ: talun tenat peśk'eriś śojam, medby vŏli kokńitdẓyk. - kyd'ź ośtasŏ peśk'ersŏ, setŏn puka·lŏ bŏbŏ·v ŏ l'ŏ· š k a ¸ys. vonnezys sijŏ pondasŏ vidny: mi teiś pyššim, pyššim, a tenŏ ŏtlayn nŏbŏ·tim ńańys tujŏ. pŏri·ẓẓyk vonys šuŏ: myi ŏni pondam śoiny? ńaññym jeĉĉa. a mi kujimŏn. - bŏbŏv ŏ l'ŏ· š k a šuŏ: ed tŏždŏ, vonnez, pondam bura śoiny. - oboro·ńika gudy·rtŏm kaša·, da pondŏm nulny mute·isŏ. ŏ l'ŏ· š k a šuŏ: vonnez, me muna mute·jas vaćka, med sylŏ pyrŏ ŏmas. - sijŏ vonnez pondasŏ ŏd'd'ŏn vidny. ŏ l'ŏ· š k a· l ŏ n oz k'erpiĉĉy. munas da vaćkas mutŏ·jas. sija ŏmas pŏras. oboro·ńika džaga·las. vonys šuŏ bŏbŏ·llŏ: kyććŏ ŏni sijŏ vośtan? - bŏbŏ·v ŏ l'ŏ· š k a šuŏ: kyskyny ponda śŏram. - pondisŏ munny oźlań (~ od'źlań). i luntyr munŏny. a ŏ l'ŏ· š ka kulŏ·m ińka·¸ŏs kyskŏ śŏras. loktas ryt. a rytys ŏd'd'ŏn ńi pemyt. sy◡bŏryn kunkŏ kylŏ gŏńi·tŏ. kylŏny śil'ka·nnez. nija śorńitŏny: vidnŏ, mijan śŏrŏ vŏććŏny. myl'á ińka·sŏ vijis, ylŏ·stŏm ŏ l'ŏ· š k a n y m? - nija pondasŏ kotŏ·rtny. a bŏra-

mys śo kylõ gõni·tõ. nija loktasõ ydžyt kõz dynõ. šuõny: kajam kõzzys vylõ! - kajasõ. kulõ·m iṅka·ʦõs õ l'õ· š k a kyskõ śõras. i puka·lõny kõz vylas. sija kõz ultõ loktasõ k'el'ega·ʦõn. dod'd'ałõmaś kyk võl. a nija võlõmaś muži·k da iṅka. nija, muži·kyz da iṅka·ys šaštõmaś i loktõmaś eta kõz ultõ. śoiny juny vina·. i vajõmaś byd torsõ. nija pukśasõ pyza·n sajõ i śojõny. õ l'õ· š - k a šuõ: menam kud'ź petõ. me kud'źa·la ny vylõ. - vonnez sijõ vidõny. õ l'õ· š k a oz k'erpi·t. kud'źa·las ny vylõ. iṅka da muži·k šuõny: jen sottõ mija·nlõ. bõbõ·v õ l'õ. š k a šuõ: vonnez, menam sit petõ. - vonnezys sijõ pondasõ õd'd'õn vidny. sija oz k'erpi·t. sita·-las ny vylõ. iṅka da muži·k šuõny: jen sottõ. - puka·lõny śo, śojõny da juõny. bõbõ·v õ l'õ· š k a šuõ vonnezlõ: me kulõ· m iṅka·sõ ćapka. - õd'd'õn ṅi vonnezys õ l'õ. š k a·ʦ õ s vidõny. kyd'ź põ pondam olny tekõt oźlaṅ, ylõstõmkõt. - õ l'õ· š k a ćapkas kulõ·m iṅka·-sõ pyza·n vylas, kõda sajyn puka·lisõ muži·k da iṅka, śojisõ da jujisõ vina·. kyd'ź uśas pyza·n vylas kulõ·m iṅka·ʦys, nija polźasõ, da pyššasõ. a myi nylõn võli vajõmys, sijõ bydõ·s kol'isõ. i kyk võl dod'd'a·lõmõś. kuʦim von leććisõ kõz vyliś, da pukśisõ pyza·n sajõ. i pondisõ śoiny i juny vina·. õ l'õ· š k a šuõ vonnezlõ: ćas me pukśa k'el'ega·ʦõ da ponda gõṅi·tny gortlaṅõ. ti kol'ććõ võralny. sid'ź i kerasõ. õ l'õ· š k a pukśas k'el'ega·ʦõ da gõni·tõ võrõt. loktas gortas. võllõz juskas. i pyras kerku·ʦõ. da ajyslõ: me, aja, vajõ·ti õd'-d'õn bur võllez kykõ. ajys šuõ: lok, vid'źõta·m, burõś l'i. - petasõ vid'źõ·tny. byl'! burõś! śetasõ nylõ turu·n. i pyrasõ bõr kerku·ʦõ, - no õni zon, kai gor vylõ, i šontiś. i me tožõ kaja. - i ajys pondas jua·lny: kyś te võllesõ ad'd'zin? - õ l'õ· š k a viśta·las: vot kyd'ź võli d'ela. - ajys šuas: molod'e·ć. - a vonnezõ munisõ od'źlaṅ vijny ur da kõć. vit lun bõryn kyk von loktasõ gortõ. vijõmaś śo mymda ur da kyk śo kõć. etnõ ur kućikkezsõ da kõc kućikkezsõ nõbõ·tasõ karõ, kyććõ õktõny śakõi kućiksõ. etna kućikkez ponda śetasõ kyk goz sapo·giez, da una šõm, drob i porox.

4. Von den Jägern.

Es waren einmal zwei Brüder. Aber der dritte war der dumme Öl´öška. Zwei Brüder bereiten sich vor,um in den Wald jagen zu gehen. Sie legen Brot in ihre Bastkober. Aber den dummen Öl´öška nehmen sie nicht mit. Dann gehen sie hinaus. Zu der Zeit zieht der dumme Öl´öška das Brot aus einem Kober heraus, und er geht hinein und sitzt (da).Wenn die Brüder hereinkommen, so /= und/ nehmen sie ihre Bastkober, und fangen an, in den Wald zu gehen. Sie kamen in das Haus herein. Sie nahmen ihr Brot, und die Flinten, und sie fingen an, eilend wegzulaufen. Öl´öška ruft: "Brüder, Brüder, verlaßt (mich) nicht!" - Sie fangen an, schneller zu laufen. Es sprechen die zwei Brüder: "Es ist zu hören, (daß) unser dummer Öl´öška uns nachsetzt. Komm schneller! Wollen wir gehen!" - Sie laufen schon sehr weit. Sie setzen sich, um sich auszuruhen. Der dumme Bursche ruft: "Brüder, Brüder, verlaßt (mich) nicht!" - Sie sagen: "Er setzt uns immer nach. Komm schneller /= besser/! Wollen wir laufen!" - Sie laufen schon sehr weit. Es wird Abend. Im Walde kommen sie zu einem Hause. Sie gehen dort hinein. Dort aber lebte eine Wächterin. Sie fragen sie: "Kann man bei dir eine Nacht schlafen oder kann man es nicht?" - Die Wächterin sagt: "Warum kann man nicht?!" - Die Jäger werfen die Last ab. Dann sagt ein Bruder: "Man muß, mein Bruder, essen." - Sie setzen sich hinter den Tisch. Und sie ziehen aus einem Kober Brot heraus. Und sie fangen an, zu essen. Sie essen und legen sich schlafen. Am Morgen stehen sie auf. Der andere Bruder sagt: "Heute essen wir aus deinem Kober, damit er leichter werde /= sei/." - Wie sie den Kober öffnen, (so) sitzt dort der dumme Öl´öška. Die Brüder fangen an, ihn zu schelten: "Wir liefen, liefen von dir weg, aber wir trugen dich anstatt des Brotes mit uns /= zusammen/." - Der ältere Bruder sagt: "Was werden wir jetzt essen. Wir haben wenig Brot /= Unser Brot ist wenig/, aber wir sind zu dritt." - Der dumme Öl´öška sagt: "Seid nicht traurig, Brüder. Wir werden gut essen!" - Die Wächterin hatte Brei angerührt,und sie fing an, den Quirl zu lecken. Öl´öška sagt: "Brüder, ich gehe (und) schlage auf /= in/ ihren Quirl, damit er ihr in den Mund hineingehe." - Die Brüder fangen an, ihn sehr

(stark) zu schelten. Öl'öška kann es nicht aushalten. Er geht und schlägt auf den Quirl. Er geht in ihren Mund hinein. Die Wächterin erstickt. Der Bruder sagt dem Dummen: "Wo /= Wohin/ wirst du sie jetzt verstecken?" - Der dumme Öl'öška sagt: :Ich werde (sie) mit mir tragen." - Sie fingen an, weiter zu gehen. Und sie gingen den ganzen Tag. Öl'öška trägt aber die tote Frau mit sich.Es wird /= kommt/ Abend. Der Abend ist aber schon sehr finster. Es ist zu hören, (daß) jemand hinterher schnell fährt.Sie hören Schellen(klang). Sie sagen /= sprechen/: "Es scheint, (daß) sie /hinter/ uns nachsetzen. Warum hast du die Frau getötet, unser dummer Öl'öška?" - Sie fangen an, zu laufen. Aber es ist zu hören, (daß) man immer hinterher fährt. Sie kommen zu einer großen Fichte. Sie sagen: "Wollen wir auf die Fichte klettern!" - Sie klettern. Öl'öška zieht die tote Frau mit sich. Und sie sitzen auf der Fichte. Unter diese Fichte kommt man mit einem Wagen. Zwei Pferde sind angespannt. Aber sie waren ein Mann und eine Frau. Sie, der Mann und die Frau, haben ein Gelage gehalten und sind unter diese Fichte gekommen, um zu essen und Branntwein zu trinken. Und sie haben allerlei Sachen mitgebracht. Sie setzen sich hinter den Tisch und essen. Öl'öška sagt: "Ich muß harnen /= Es kommt mir Harn/. Ich harne auf sie." - Die Brüder schelten ihn. Öl'öška kann (es) nicht aushalten. Er harnt auf sie. Die Frau und der Mann sagen: "Gott vermehrt uns (das Getränk)." - Der dumme Öl'öška sagt: "Brüder, ich muß scheißen /= es kommt mir Scheiß/." - Die Brüder fangen an, ihn sehr (stark) zu schelten. Er kann (es) nicht aushalten. Er scheißt auf sie. Die Frau und der Mann sagen: "Gott vermehrt uns (die Speisen)." - Sie sitzen immer weiter, essen und trinken. Der dumme Öl'öška sagt seinen Brüdern: "Ich werfe die tote Frau (hinunter)." - Die Brüder schelten Öl'öška schon sehr (stark): "Wie werden wir denn mit dir weiter leben, mit dem Dummen!" - Öl'öška wirft die tote Frau auf den Tisch, hinter welchem der Mann und die Frau saßen, aßen und Branntwein tranken. Wie die tote Frau auf den Tisch fällt, erschrecken sie, und sie entfliehen. Aber was sie mitgebracht hatten, das alles blieb (da). Und die beiden /= zwei/ angespannten Pferde. Drei Brüder stiegen von der Fichte herunter und sie setzten sich hinter den

Tisch. Und sie fingen an, zu essen und Branntwein zu trinken. Ōl'ōška sagt seinen Brüdern: "Sofort setze ich mich auf den Wagen und fange an, schnell nach [= in der Richtung nach] Hause zu fahren. Und bleibt ihr auf der Jagd." - Sie machen es auch so. Ōl'ōška setzt sich in den Wagen und fährt schnell dem Walde entlang. Er kommt nach Hause. Er tränkt die Pferde, und er geht schnell in die Stube hinein. Und (er sagt) seinem Vater: "Ich, Vater, brachte dir zwei sehr gute Pferde." - Der Vater sagt: "Komm, wollen wir nachsehen, ob (sie) gut (sind)." - Sie gehen hinaus, um nachzusehen. Wirklich! Gut! Sie geben ihnen Heu zu fressen. Und sie gehen in die Stube zurück. - "Nun jetzt, Bursche, steige auf den Ofen und wärme dich. Und ich steige auch (auf den Ofen)." - Und der Vater fängt an, zu fragen: "Wo [= Woher] fandest du die Pferde?" - Ōl'ōška erzählt: "Sieh, wie die Sache war." - Der Vater sagt: "Braver Bursche." - Aber meine Brüder gingen weiter Eichhörnchen und Hasen töten." - Nach fünf Tagen kommen die [zwei] beiden Brüder nach Hause. Sie hatten ungefähr hundert Eichhörnchen und zweihundert Hasen getötet. Diese Eichhörnchenfelle und Hasenfelle brachten sie in die Stadt, wo allerlei Felle gesammelt werden. Für diese Felle gibt man zwei Paar Stiefel und viel Geld, Flintenschrot und Schießpulver.

5. kyd'ź loktōm gortō salda·t.

salda·tōs led'źisō armijaiś gortō. oddžyk abu vōlōmaś kōrttujez. kōr salda·tiś led'źasō gortō, sek kolō lokny gortō podōn. munō i munō tui kuźa ōtnas. vid'źō·tō: tui bokas ōša·lō stob vylyn pōl. pōl vylas gizōm ōtik bukva slovoiś, med ōtikōtsō. salda·t vid'źō·tō, vid'źō·tō, ńekyd'ź oz vermy tōdny, myi seććō gizōm. sy‿bōryn bukva꜀ys śōrti pondas šullyny kyvvez. i tōdas, myi seććō gizōm. vot, myi seććō gizōm: e,m,ń,ś,k,m,s,a,u,ś: eśl'ikō munan ńol'śo metra, sek ad'd'źan una śōm. - salda.t munas bōrla·ń ńol'śo meetra. byl'! ad'd'źas una ǵenga. a ǵenga·꜀ys vōlōm sumka꜀yn tyr. salda·t bośtas sijō. lo꜀as ōd'd'ōn (~ ōǵǵōn) rad. i bōra pondas munny oźlań. munō i munō. dyr myjiś loktas gortas. a gortas oz tōdō yštō eććōm vremjo꜀ō loktas mijan salda·t gortas. ajyz‿da mamys lo꜀asō ōd'd'ōn ra-

dŏś. a salda·tlŏn em yšŏ una śŏmys. olas gortas ŏtik tŏliś. i mamys pondas šuny ajyslŏ: kolŏ zonnymŏs gŏtra·lny. - kora·śasŏ nylka·ɕŏs. syᴗbŏryn kerasŏ svad´ba (~ svaǵba). i gŏtra·lisŏ. vot syᴗbŏryn pondisŏ olny od´źlań, i ŏd´d´ŏn bura. i sid´ź od´źlań olŏny.

5. Wie ein Soldat nach Hause gekommen ist.

Ein Soldat wurde aus der Armee nach Hause entlassen. Früher gab es keine Eisenbahnen. Wenn ein Soldat nach Hause entlassen wird, so muß er zu Fuß nach Hause kommen. Er geht und geht allein längs des Weges. Er sieht: am Wegrande hängt an /= auf/ einem Pfosten ein Brett. Auf dem Brette ist ein Buchstabe aus (jedem) Worte geschrieben, der erste. Der Soldat schaut, schaut, auf keine Weise kann er begreifen /= wissen/, was da geschrieben (ist). Dann fängt er an, nach den Buchstaben Worte zu sagen. Und er begreift, was dort /= dahin/ geschrieben (ist). Sieh, mal, was dort geschrieben ist: e,m,ń,ś,k,m,s,a,u,ś: wenn du vierhundert Meter gehen wirst, so bekommst du viel Geld. - Der Soldat geht vierhundert Meter zurück. Wirklich! Er bekommt viel Geld. Aber Geld gab es einen Beutel voll. Der Soldat nimmt das Geld. Er freut sich sehr. Und wieder fängt er an, weiter zu gehen. Er geht und geht. Nach einiger Zeit kommt er nach Hause. Aber zu Hause weiß man nicht, daß unser Soldat zu dieser Zeit nach Hause kommt. Sein Vater und seine Mutter freuen sich sehr. Aber der Soldat hat auch /=noch/ viel Geld. Er lebt einen Monat zu Hause. Und seine Mutter fängt an, dem Vater zu sagen: "Man muß unseren Sohn verheiraten." - Sie werben um ein Mädchen. Dann machen sie Hochzeit. Und sie verheirateten (sie). Nun, dann begannen sie weiter zu leben, und sehr gut (zu leben). Und so leben sie weiter.

6. skaski·.

olŏm vŏlŏm bab. sylŏn vŏlŏm zon. zonšo šuɕŏm durnŏ·i ŏ m ŏ· l´ŏ n. seśśa nylŏn ńekin abu vŏlŏm. mamys sijŏ mŏdŏ·tŏ vala. sija munas va·ᴗdoras. gumy·stas vedra·ɕŏ va. ŏ m ŏ· l´ vid´źŏ·tŏ vedra·ɕas. setŏn tyda·lŏ šuka. šuŏ šuka·ɕys ŏ m ŏ·l´l ŏ: led´ź menŏ bŏr! me tenyt kera una

bur. te boś kiat bed´ da šu: vedra, kai õtnat gortõ. - sija sid´ź šuas. vedra pondas kotõ·rtny tujo·k kuźa. õ m õ· l´ oz vermy võććyny vedra·ꜥys śõryn. a vedra·ꜥiś va tõkõ pl´es-ka·iććõ. seč̣õm ćoža munõ. mamys vid´źõ·tõ: myi seč̣õm loꜥis. vedra õtnas pyris kerku·ꜥõ. a õ m õ· l´ dyr myjiś loktis gortas. ńem oz baꜥit. kajas bõra· gor vylõ. a bet´sõ oz kol´ ńe kyććõ. śo kyska·lõ śõras. mamys šuõ õ m õ· l´-l õ. mun šeDty pes! kolõ pećka lontny. loꜥis kerku·ꜥas õd´d´õn kõd´źyt. - õ m õ· l´ petas õtõ·rõ da šuas: ćerõ·i, ćerõ·i, kera·l pes! - ćer pondas kera'lny pes. a õ m õ· l´ toko vid´źõ·tõ. - pesõi, pesõi, pyr kerku·ꜥõ! - õ m õ· l´ pyras, da bõra· kajas gor vylõ. i kuilõ. a pesys seśá abu kol´ććõm vajõmis. uźasõ oi. mam‿y‿šuõ: no õ m õ· l´, mun võrõ da vai pes! - õ m õ· l´ bośtas ćer da pila· , i bed´. petas dod´ dynõ. pukśas dod´d´ás da bed´o·knas vaćkas, i šuõ: dod´õi, dod´õi, yskõlt võrõ. - dod´ pondas õd´d´õn ćoža munny võrõ. jõz vid´źõ·tõny: kin seččõm mort dod´d´as munõ võltõg?. loktas võrõ. ćeććas dod´d´iś. bed´nas vaćkas da šuõ: ćer da pila·, kera·lõ pes! - nija pondasõ õd´d´õn ćoža pil´i·tny da kera·lny. loꜥas una pes. õ m õ· l´ dugdõ·tas nijõ, da šuas: pes, teććy dod´d´as! - ćurka·ꜥez õd´d´õn ćoža loꜥas tyr dod´. õ m õ· l´ pukśis dod´vylas da šuas: yskõlt gortõ! - dod´-d´ys pondas õd´d´õn ćoža munny. loktas d´erevńá (~ ǵerevná) dynõ. a d´erevńa·ꜥys võlõm õd´d´õn yd̤žyt. a d´erevńa·ꜥas võlõm praźńik. tujys kuźa vetlõ·tõmaś od´d´õn una jõz. õ m õ· l´ etõn dod´ńas tal´as das mortõs. oz i vid´źõt bõras, śo munõ i munõ. loktas gortas. pyras kerku·ꜥõ, da kajas gor‿vylõ šontiśny. vid´źõ·tõ: loktisõ ny ordõ una naća·l´ńikkez, dasvit mort. i pondisõ õ m õ· l´ mamlõ viśta.lny: talun tenat zonyt tal´is una jõzlõ. - jua·lõny: kytõn sija? mi sijõ pukśõ·tam ćizo·vkaꜥõ. - õ m õ· l´ šuꜥis: bed´õi, vartly nijõ! - bed´ pondis naća·l´ńikkezõs õd´d´õn vartlyny. nija bydõ·s pyššasõ õ m õ· l´ kerku·ꜥiś da bai·tõny: myi‿põ sećõ·mys lo‿is bed´? mija·nõs pondis õtnas vartlyny! - sy bõryn loktasõ kykdas mort. bydõ·nnys piša·l´l´ezõn, i šuꜥõny õ m õ· l´l õ: tenõ ćas nuõ.tam sar dynõ. sija tenõ mõdõ vijny, õ m õ· l´l õ šuꜥõny. - og me leććí gor vyliś. muna sovśe·m gorvylõn sar ordõ. - i šuõ: gorõi, gorõi, pet õtõ·rõ! gor pondas žagõ·ńik

petny. i munõ õ m õ· l′ tui kuźa. a gorys lontiśõ. loktas sar ord′õ, pyras kerku·ɕõ sovśe·m gorõn. sar vid′žõ·tõ: kyčõ·m sija mort. gorõn loktis. sar sijõ oz vij. õ m õ·l′ olõ sy ordyn dyrʲńi. a saryslõn võlõm nyl ńeve·sta. kinʲpõ sijõ vermas śerõ·mtny, sy sajõ i śeta. õkśõmaś una jõz. ńekin oz vermy śerõ·mtny. a setõn võlõm garmuńi. õ m õ·l′ suas: noko garmuńi, ors bura i d̈žod̈ž kuźa omõn vetlõt! - garmuńi pondas orsny, i vetlõ·tny d̈žod̈ž kuźa. a õ m õ·l′ syʲšõry·n jõktõ. nylka·ɕys pondas od′d′õn śera·lny. sar šuõ: vot õni te sajõ śeta. - õ m õ· l′ gõtra·śis, i munõ gortas iṅkakõt sovśe·m gorõn.

6. Ein Märchen.

Es war /= lebte war/ einmal eine Alte. Sie hatte einen Sohn. Der Sohn wurde dummer Õmõl′ genannt. Sonst hatten sie niemanden mehr. Die Mutter schickt ihn Wasser holen.Er geht ans Ufer. Er schöpft Wasser in den Eimer. Dort ist ein Hecht zu sehen. Der Hecht sagt Õmõl′: "Laß mich zurück! Ich werde dir viel Gutes machen. Und nimm in deine Hand einen Stock und sage: Eimer, geh allein hinauf nach Hause." - Er sagt so. Der Eimer fängt an, dem Pfad /= Weglein/ entlang zu laufen. Õmõl′ kann dem Eimer nicht nachsetzen. Aber das Wasser plätschert nur aus dem Eimer. So schnell geht er. Die Mutter schaut: was ist (da) geschehen! Der Eimer kam allein in die Stube. Õmõl′ aber kam nach einiger Zeit nach Hause. Er spricht nichts. Er steigt wieder auf den Ofen. Aber den Stock läßt er nirgends zurück. Er trägt (ihn) immer bei sich. Die Mutter sagt Õmõl′: "Geh, schaffe Holz! Man muß den Ofen heizen. In der Stube wurde es sehr kalt." - Õmõl′ geht hinaus und sagt: "Meine Axt, meine Axt, haue Holz!" - Die Axt fängt an, Holz zu hauen. Õmõl′ aber guckt nur zu. - "Mein Holz, mein Holz, geh in die Stube!" - Õmõl′ geht hinein und steigt wieder auf den Ofen. Und er liegt (da). Aber vom geholten Holz ist dann nichts übriggeblieben. Sie schlafen die Nacht über Die Mutter sagt: "Nun, Õmõl′, geh in den Wald und hole Holz!" - Õmõl′ nimmt die Axt und die Säge und den Stock mit. Er geht zum Schlitten. Er setzt sich auf den Schlitten und schlägt (ihn) mit dem Stock und sagt: "Mein Schlitten, mein

Schlitten, fahre schnell in den Wald!" - Der Schlitten fängt an, sehr schnell in den Wald zu fahren /= gehen/. Die Leute schauen: "Wer (ist wohl) solch ein Mensch, (der) mit dem Schlitten ohne Pferd fährt /= geht/!" - Er kommt in den Wald. Er springt aus dem Schlitten. Er schlägt mit dem Stock und sagt: "Axt und Säge, haut Holz!" - Sie fangen an, sehr schnell zu sägen und zu hauen. Es wird viel Holz. Ömöl' stellt sie (die Säge und die Axt) ein und sagt:"Holz, staple dich auf /= in/ dem Schlitten auf!" - Sehr schnell ist der Schlitten voll mit Klötzen. Ömöl' setzt sich auf den Schlitten und sagt: "Fahre nach Hause!" - Der Schlitten fängt an, sehr schnell zu fahren /= gehen/. Er kommt zum Dorf. Das Dorf war aber groß. Im Dorfe gab es aber ein Fest. Auf dem Wege ging hin und her sehr viel Volk. Ömöl' überfuhr /= zertrat/ mit diesem Schlitten zehn Menschen. Er schaut nicht einmal zurück. Er fährt /= geht/ immer und fährt. Er kommt nach Hause. Er geht in die Stube und steigt auf den Ofen, um sich zu wärmen. Er sieht: zu ihnen kamen viele Befehlshaber, fünfzehn Mann. Und sie fingen an, Ömöl''s Mutter zu erzählen: "Heute überfuhr /=zertrat/ dein Sohn viel Volk." - Sie fragen: "Wo (ist) er? Wir setzen ihn ins Gefängnis." - Ömöl' sagte: "Mein Stock, mein Stock, schlage sie!" - Der Stock fing an, die Befehlshaber sehr (stark) zu schlagen. Sie alle laufen aus Ömöl''s Haus hinaus und sagen /= sprechen/: "Was für ein Stock (da) entstanden ist? Er fing an, uns allein zu schlagen!" - Nachher kommen zwanzig Mann. Sie (sind) alle mit Flinten, und sie sagen Ömöl': "Wir bringen dich sofort zum Zaren. Er will dich töten," sagen sie Ömöl'. - "Ich komme vom Ofen nicht herunter. Ich gehe mitsamt dem Ofen zum Zaren!" - Und er sagt" "Mein Ofen, mein Ofen, geh hinaus!" - Der Ofen aber brennt. Er kommt zum Zaren. Er geht hinein mitsamt dem Ofen. Der Zar schaut: was ist das für ein Mensch! Er kam mit dem Ofen. Der Zar tötet ihn nicht. Ömöl' lebt bei ihm schon lange. Der Zar aber hatte eine Tochter, (die) erwachsen /= Braut/ (war). - "Wer kann sie zum Lachen bringen, dem gebe ich auch (sie)." - Es hat sich viel Volk versammelt. Niemand kann sie zum Lachen bringen. Aber da gab es eine Ziehharmonika. Ömöl' sagt: "Nun! Ziehharmonika, spiele gut und geh hin und her den Fußboden entlang!" - Die

Ziehharmonika beginnt zu spielen und den Fußboden entlang herumzugehen. Õmõl' aber tanzt hinter ihr. Das Mädchen fängt an, sehr (laut) zu lachen. Der Zar sagt: "Nun, jetzt gebe ich (sie) dir." - Õmõl' heiratete und er geht mit der Frau und mit dem Ofen nach Hause.

7. muži·k võras.

kõrkõ munõm muži·k võrõ. sija võras õšas. vetlõ·tas, vetlõ·tas, śo õtik mesta·cyn. sy‿bõryn ad'd'źás gõbo·k. sijõ pondas garjyny. petis grõb, šoina·. sijõ ośtas. setiś ćeććõltas mort. seććõ kol'ććõm zoloto una. sija śujas zeptõ i ćelććás. i loõm tui. pondas munny ozlań. loktas gort dynõ matõ. sy dynõ loktasõ kul'pija·nnez (bessez). i syliś nija dõs śõmsõ myrdja·sõ. mort loktis gortas i pondis viśtaśny: me võras õšli, da ad'd'źi gõb. sijõ pondi garjyny. setiś petis šoina.

7. Ein Mann im Walde.

Es ging einmal ein Mann in den Wald. Er verirrt sich im Walde. Er geht (und) geht, immer (ist er) auf derselben Stelle. Darauf sieht er ein Pilzchen. Er fängt an, es auszugraben. Es kam ein Sarg heraus. Er öffnet ihn. Aus ihm springt ein Mensch heraus. Dort blieb sehr viel Geld. Er steckt es in die Tasche und steht auf. Und es entstand ein Weg. Er fängt an, weiter zu gehen. Er kommt nahe zum Hause. Zu ihm kommen Teufel. Und sie rauben ihm das ganze Geld. Der Mann kam nach Hause und begann zu erzählen: "Ich verirrte mich im Walde, und ich sah einen Pilz. Ich begann ihn auszugraben. Aus ihm kam ein Sarg heraus.

Märchen- und Sagenverzeichnis

1. Der Fischer und seine Frau. Aarne-Thompson 555.
2. Der Arme dient als Hund bei einem Reichen. Balys *2421.
3. Die Zarentochter auf dem Kirchenturm. Aarne-Thompson 530. Vgl. Kecskeméti-Paunonen 530, 530A.

4. Drei Brüder auf dem Baume. Aarne-Thompson 1653B + 326B.
5. Einem Soldaten wird verborgenes Geld angewiesen. Simonsuuri P 521.
6. Der faule Bursche. Aarne-Thompson 675. I-III + 559.
7. Teufel (Schatzgeister) nehmen den gefundenen Schatz zurück. Vgl. Simonsuuri P 301; Loorits S 212.

Literatur

Aarne, A., St. Thompson 1961, The Types of the Folktales. A Classification and Bibliography, Helsinki (FF Communications 184).

Balys, J. 1936, Lietuvių pasakojamosis tautosakos motyvų katalogas. Motif Index of Lithuanian Narrative Folk-Lore, Kaunas (Tautosakos Darbai II).

Kecskeméti, I., H. Paunonen 1974, Die Märchentypen in den Publikationen der Finnisch-ugrischen Gesellschaft. - JSFOu 73, 205-265.

Loorits, O. 1926, Livische Märchen- und Sagenvarianten, Helsinki (FF Communications 66).

Simonsuuri, L. 1961, Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen, Helsinki (FF Communications 182).

П. Аристэ
(Тарту)

ОБРАЗЦЫ КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ РЕЧИ ДЕРЕВНИ ГАЙНЦОВО

Резюме

В работе приводится 7 текстов коми-пермяцкого языка, которые в 1941 году были записаны от Николая Исаева, 20 лет, уроженца деревни Гайнцово Кочевского района Коми-Пермяцкого национального округа. Тексты носят фольклористический характер. По типологии сказок Аарне-Томпсона (Aarne-Thompson 1961) и Балиса (Balys 1936) и преданий Симонсуури (Simonsuuri 1961) они относятся к следующим группам:

1. Рыбак и его жена. Aarne-Thompson 555.
2. Бедняк служит у богача в качестве собаки. Balys * 2421.
3. Царевна на церковной башне. Aarne-Thompson 530. Ср. Kecskeméti-Paunonen 530, 530 A.
4. Три брата на дереве. Aarne-Thompson 1653 B + 326 B.
5. Солдат получает спрятанный клад. Simonsuuri P 521.
6. Ленивый парень. Aarne-Thompson 675 I-III + 559.
7. Черти отбирают найденный клад. Simonsuuri P 301.

В. К е л ь м а к о в
Ижевск

ОБРАЗЦЫ УДМУРТСКОЙ РЕЧИ I. ТАТЫШЛИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Приведенные ниже сказки и легенды записаны нами в ноябре 1970 года от поэта Пукрокова Фатыхяна Пукроковича, уроженца деревни Вязовка Татышлинского района Башкирской АССР (родился в 1937 году, образование высшее, владеет родным удмуртским, русским, татарским и башкирским языками). Информатор их слышал от своей матери, ныне покойной Пукроковой Малики Давыдовны (родилась в 1896 году в деревне Верхнее Балтачево этого же района, малограмотная).

Эти образцы речи показали, что перед нами совершенно не изученный диалект, который по своим фонетическим особенностям значительно отличается как от южноудмуртских диалектов[1], так и от сопредельных с ним закамских говоров (Янаульский, Калтасинский и другие районы Башкирской АССР и Куединский район Пермской области), занимающих промежуточное положение между южным и т.н. юго-западным[2] наречиями удмуртского языка.

Детальное знакомство с данными текстами показало, что татышлинский диалект имеет ярко выраженные фонетические особенности, объединяющие его с диалектами юго-западного типа - бавлинским, кукморским и шошминским, - и одновременно отличающиеся от диалектов южного наречия. Например, в области фонемной парадигматики:

I) наличие фонемы ӧ̱ - огубленного гласного верхнего подъема (передне-)среднего ряда;

---

[1] Т.И. Т е п л я ш и н а, в частности, писала: "К южному диалекту относятся также диалекты, распространенные в северной части Башкирской АССР (в т. ч. и в Татышлинском районе - В. К.)" (Т.И. Т е п л я ш и н а, Удмуртский язык. - Языки народов СССР III, Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 1966, стр. 279).

[2] Этот термин впервые, как нам известно, был введен в удмуртскую диалектологию В.И. Лыткиным (В.И. Л ы т к и н, Исторический вокализм пермских языков, Москва, 1964, стр. 19-20).

2) лабиализованный характер о - гласного среднего подъема (передне-)среднего ряда;

3) заднерядное и более открытое произношение общеудмуртского і , т.е. употребление е ;

4) употребление в фонемной функции u нелабиализованного гласного нижнего подъема передне(-средне)го ряда ӓ;

5) утрата фонематического статуса некоторыми аффрикатами и др.

В области фонемной синтагматики:

I) употребление гласного ӥ в абсолютном исходе односложных именных и глагольных основ (вместо u южноудмуртских диалектов), например: vӥ : vu 'вода', gӥ : gu 'яма', nӥ : nu 'неси; вези'. Данная особенность характерна для шошминского, бавлинского и лельвижского говоров кукморского диалекта;

2) изменение анлаутного j- в d'ź- , например: d'źӥe : jue 'пьет', d'źer : jjr 'голова';

3) превращение согласных d, t, g, k и некоторых других взрывных в позиции перед сонорными (за исключением r) звонкими смычными, звонкими аффрикатами и v в гортанный смычный (гамзу), например: ve'le : vetle 'ходит', odi' nel : odig nil 'одна девушка', u'no : ukno 'окно', śere'd'źalo : śerekjalo 'смеются'. Это явление в определенной мере представлено во всех юго-западных диалектах, встречается оно в закамских, среднекжных говорах и языке бесермян;

4) палатализация анлаутных какуминальных аффрикат dž- , č- в позиции перед -Vž(-), -Vš(-) , например: d'źužet : dźužit 'высокий', čož : čež 'утка', čuška- : čuška- 'ошпарить, обжечь' (явление характерно для кукморского диалекта и закамских говоров) и др.

Кроме того, для татышлинского диалекта свойственны и такие фонетические явления, которые не находят аналогий в других удмуртских диалектах (например, наличие фонемы ə и палатальной гармонии гласных[3]), или же отличают его от диалектов юго-западного типа (употребление ua- в дожине корневых слов вместо va- в кукморском, бавлинском, шошминском диалектах);

---

[3] В.К. Кельмаков, Фонема ə в татышлинском диалекте удмуртского языка. - ОФУ X 1974, стр. 101-106; его же, Элементы палатальной гармонии гласных в татышлинском диалекте удмуртского языка. - ОФУ IX 1975, стр. 33-42.

ua- имеется еще и в закамских, северноудмуртских и бесермянских говорах.

Во время рекогносцировочной диалектологической экспедиции к татышлинским удмуртам, организованной Удмуртским научно-исследовательским институтом в марте 1971 года, нами были выявлены и некоторые другие фонетические особенности рассматриваемого диалекта (позиционная закрытость/открытость гласных o и e, твердый и полумягкий позиционные варианты велярного l и др.), которые не удалось уловить в произношении Ф.П. Цукрокова. (В данной публикации они не рассматриваются).

Детальное описание фонетических, морфологических и лексических особенностей данной территориальной разновидности удмуртского языка является делом будущего; цель же настоящей публикации - продолжить ознакомление фольклористов и этнографов с произведениями народной словесности татышлинских удмуртов, начатое зарубежными учеными,[4] и обратить внимание удмуртских языковедов на то, что диалекты "юго-западного" типа распространены не только на крайнем юге и юго-западе удмуртской языковой области, но и, как выясняется, на юго-востоке. Поэтому эти диалекты целесообразнее по территориальному признаку называть не юго-западными, а периферийно-южными, поскольку они занимают южную периферию удмуртской языковой области и расположены за пределами автономной республики удмуртов. Прежний термин "юго-западные" сохраняется за историческим ядром этих говоров - (пра)шошминским и (пра) кукморским диалектами, вместе взятыми.

По техническим причинам для обозначения звонких аффрикат ǯ и ǯ́ употребляются лигатуры соответственно dž и d'ž, неогубленный гласный среднего подъема заднего ряда отмечается знаком ɵ (вместо более целесообразного ə̂).

---

[4] R. L a c h, Gesänge russischer Kriegsgefangener I. Finnisch-ugrische Völker 1. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. - Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte 203. Bd., 5. Abhandlung, Wien und Leipzig, 1926, S. 92-95; B. M u n k á c s i - D. R. F u c h s, Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken, Helsinki, 1952 (MSFOu 102), S. 478-482, 503-505.

1. šajtan voštem

odik saldat ärmiiś berte velem. újin ini vúem so keše ke gurte. odi' mur'len gene, pe, telez žua na. oten ok kóńa ke pijosmur'd'źos kuspaze ečešesa ulo. d'źur'len kúźojes šůe: okkin no, pe, újšor újin mensa, sojoslen mińčojiśteze iz baśtesa vajene uz di·śte. saldat ečeše no újšor šoren ik mińčoje mene. pere, mińčo guriś iz baśtesa pote velem ini, soleś kize tòd'źe diśen nel kutem. mon, pe, sole gene śoto tatiś izeZ, kin mone kešno baśtoZ. "mon baśto", - šůem saldat, nelez aldane ujlasa. nel soke soleś kize leźem. saldat ečešonze ůtem. so ponna mińčo nelenez mar karene u' ni tode. že'ze kú gene medas pote, soke jik śim ažas pukše to'mo neleZ: "kú ton mone baśtod ini?" d'źel'am saldat oźe ulene. "d'źer ke d'źer, pet ke pet" šůem no, kutem no mińčo neles kešno baśtem. ogez gene amala: ɑarmajez no inäjez no jevel, okkin dore no kůnoje u' me·ne.

soleś kajgeremze kešnojez valam no šůem: "menam vet' anaj-ataje ɑań. to·l'ko soos tuš kůźoken". otijas so ɑa·ńze raden vera, keźe soleś anaj luonze baj mur' meskel'l'a, keźe anajes kuštesa kel'te soje baj mur'len korkaźaZ, keźe soje so kuspen šajtańńos vošto. sojos, pe, voźmasa gene ulo, kin nelpize kuštoZ, kin vůnetoZ, soke ik voštene gene ulo. nelpi anaj-ataj śulmen ke,sojoslen o'mar no karemze u' lů·ə. soin šajtańńos ta nelez dešeto velem anaj-atajjosleś d'źaratono nelpijosses no baśtene: vet' so äd'źämi, solen ko·t'kine baśtemez lůe. nel ɑamentiśkem, soin soje šajtańńos ta mińčije vůesa kuštesa kel'til'l'am. "tene' mi dore śůres kot'kú šogemen. - šůil'l'am sojos. - mi dore lektetek, mi pala kariśketek tenad amaled evel: äd'źämijos dore tenat śůresed ůremen, sojos tone äśsijos kuštil'l'am bere, äśsijos i' berlań baśtetek, tenad äd'źämileke potoned evel ni. noš keše šuźijes tone baśtoZ". sebere mar lůiz, kartez äčiz no äjbät tode ini. "täbəre menam anaj no ataj o'd'za ulo. äśmele sojos dore, kot'mar ke no lůiz, ve'lono. vet' oten menam ńimenem

šajtan nel ule. zem, käpči uz lů·ə äśmelen śůresme. šajtańńos olloke·źe no surane, d´źermes bettene veroze äśmeleś. tuš keškaśtem lůəne kule äśmele. tone olloke·źe no aldane daurtoze, soin ton meneśtem keldiśketek, o'mar no en le·śte".

zem no, majiŋ gene keškat´t´äl´l´amte sojos. šoraze pil´em d´źužda val´l´os no lekto kat´. kijou̯ sojosleś keškasa, valze ȯže' gene təkä gureź ule uk ko·žete. ńules no pogra kat´soos vele, ńure no soos ȯže' gene uk pe·ro. nůnalaz menesa u' vu·o, ker šoren ik kȯlono lůe. kȯńa šajtan śuańńos orččo sojos dorti jik! buse šorti taźi ik korka mene kat´, bo'-bor'd´źosez gene jevel, u̯a·ńmes per a'd´źiśke. u̯a·ńmes śůanen kaď ik: můskän šedo, ekto, kerd´źalo, bȯrdo. odik ků'd´źem śuańči korkaś pote no matiś puššet pȯle jik peresa iźesa kel´e. solen sroŋgetemenez bedes důńńe zurkka, der, ollo.

u̯ań ůjes čerem no karetek poto kůZpal´l´os. šukaźaz no merdem gene vuo sojos menon intijaze. lektesa korka pero no, oten zepkajaze tuž ba'd´źen d´źero, ba'd´źen kȯto nelpi kel´l´e. "śijo" no "d´źuo" śana, muket o·kkeše kelez no, pe, uk to·de. keź ar čože ini pe' d´źelas sultelemtiäj. "d´źečeś-bureś, anaj-ataj", - u̯aźem nel, korkaze peresa. anajezlen ä·ttä bȯrdesa śimmez no ug a·'d´źe ni. "kinaj ta taše periz "anaj" šůəsa? - pajme so. - mil´am nelpime täń ta śana evel". "til´a' nelpide täńi mon, - šůem soke nelze, - noš taten žuasa beremte serekpuŋez nelpi šůəsa śudesa, verttasa voźiśkode". lektem no zepkajiś nelpijez baśtesa, ȯs pala zergetem. očče so zemen ik žuasa beremte serekpuŋ lůsa ůśem.

2. šajtaŋ kar

odig äd´źämi že'le puŋit ńuleske půlə menem. ve'lem, ve'lem no odik tu-už zȯk kȯs ńelpů šȯttem. tirze pottesa, kek-kůń pol gene šogene vůem no, doras šajtam potem. "mar kariśkot ton, äd´źämi?" - pe, šůe. - "bon, ud a·'d´źiśkeu̯a ma, pů korasko,"-pe šůem äd´źämi. - "eŋ ko·ra tije, - kůšektiśkem šajtan. - mil´am korkame ta". äd´źämi vele ůčkem no, zemze jik, pe, ńelpůən šajtam puskarez u̯ań. "boŋ keźe ti so bečča gene intije teriśkode?" - ug o·ske äd´-

źämi, nos ik tirez borde kermiśke. ńelpùes tir teskenes šukke no, sojiz gùmb-gùmp ụaźe. "puško velem ta, - malpa äd´źämi. - korat ke, ót ke, talen púez no uz lú. ože ke no, šajtańńoses kùžderesa, eššo koramńäśke na. šajtan šùe: "en be•tte korkames, so ponna mi tone kùno karesa leźom".

d´źaram, ädźämi šajtan śóre soosleŋ karaze pere. pe'laśań účkeke, ńelpú seše ji' zò' no jevel kat´, noš puškez erken. uk ke terme, korkaze uleno-veleno. "noš mare ti "šajtam puskar" šùiśkode, oten mi vož nelpijosmes gene verttasa iźetiśkom," - valekte šajtaŋ kešno. äd´źämijes šajtańńos śudo-udo no velišas korkaze ńebe' gene ụal´ese iźene vetto. ùjšor orččiččož, äd´źämi čerem no uk ka•re, sa' gene ule. solen d´źer ụatsas paś ńelpú d´želti d´źuget im a'd´źiśke. ùjšor ụad´źes d´źorsen so paśeti mar ke śó' nästä pere. äd´źämi ụal´esistez ụaśke no odik serge ụatiśke. iz velem so paś šoren, gozijen ošemen. šajtan so gozijez vande no, iz la•štrak ùše ụal´es vele. iz ùšemen ụań dùńńe jik zurkka kat´. šajtan äd´źämijez viji ini" šùŋsa šu•mpotesa, ulišaz ụaśkesa iźe. äd´źämi berlań as ụal´esaz vede.

šu'na šajtan velišas tube no pajme: äd´źämile o'mar no lùemte. mar šùŋne d´źùdämenez d´źua ini: "d´źa, keźe bon iźid, äjbät-a?" - "d´źeź gene iźi no, - šùe äd´źämi, - to•l´ko til´at tarakańńoste-ụa, ma•r-a ụań. iźoŋ kuspetim kemesam ùšalize". šajtan šuld´źektesa biźesa ụaśke śòmńäjosez dore: "todiśkode-ụa, mar so šùe: tarakańńos, pe, ùšalize kemesam". - "šeše ba'd´źen iz kuštesa no-ụa?" - kušektiśke kešneeZ. - "odik čežektemez gene no jevel kemesaZ. mar karono jini tajin?" - pajme šajtan. - "tunne ùjin ton soje d´źerdatem korten čùška", - šùe sole kešnijeZ.

keketi ùjaz no äd´źämi soke jik ug i•źe, ča'laśkesa ule. ùjšor d´źorsen so paśeti čež-čež gor' nästä pere. äd´źämi as intijaz ụal´ese pukel´o pone no ačiz ụal´es ule pere. šajtan d´źerdam kort kutesa, keźe kule oźe čùška ụales veliś pukel´ojeZ. sebere "äd´źämijez viji ini" šùŋsa, doraz iźene koške.

šu'na sultesa tube no, äd´źämijez ńes-ńes šokasa iźe.

šajtanleś tubemze šódesa sajka. "tajaz úje bon äjbät-a iźit?" - d'źua soleś šajtan. - "d'źeź gəne iźiśko val no, urbode ɰa·ń-a, ma·r-a, o' ɰaket kurččelesa ńerat karize". šajtan aźloleś no orččet šuld'źektesa vùe kešneez dore: "keliśko·d-a, sole o'mar no lùəmte, meneśtem kortən čùškamme "urbode kurččelis" šùe". - "äd'źämi jevel so, pùnə seŋər, - lùld'źele šajtaŋ kešno. - mar karono ini sojin, keźe soleś d'źerze jevel karono?"

soke so mińčo este. mińčoze sojosleŋ kort. so kort mińčozes tel kat' d'źerdaččožaz estem no estem. šunde šoren či' no d'źerdam kort kad' ug a·'d'źiśke. äd'źämijez mińčije pervoj leźo. sojos ujlalo velem: äd'źämi menoz no peros so póś mińčije, sebere oččijaz ik čùštäškoz. äd'źämi mińčijaze menem no a'd'źe: so tel kad' gor'-gort. mar karene? mińčo doraze jik teze ɰań. äd'źämi vedra kutem no mińčijes sijaččož vù kiśkam. sebere peresa lapča d'źele tubem no kužmiśtes keśäške: "ej, póś kule! mar taše kal'l'en estide mińčodes?" šajtańńos šu·mpotesa vuo, äd'źämi čùštäškemenes keśäške, der, šùsa. lektesa ùčko no, sutiśkem gəne jevel, eššo póś kùresa kel'l'e na. doraze berto no, d'źerzes tijasa puko: keźe d'źerez mozmetono jini ta o'marle šotiśkiśtem äd'źämileś? d'źeraze odi' d'źaramon no uj u' le·kte. mińčojiś äd'źämize no male ke u' be·rte. mar meda oten d'źerinte jini so šùəsa, pizes ùčkene leźo.

äd'źämi mińčo doriś te dure pukśem no, goze pùnəsa puke. šajtam pi pajmesa ùčke soles užamze. äd'źämi puŋńosse kijas kel'tesa, gozeze vùe serpalte. səbəre goze puŋńosse ɰače pùne no šajtam pile śote: mä, pe, šò·tte ta gozeleś puŋze. šajtam pi gozeleś okpalze keske no, keskemńaz muket palez vùe peresa mene. keske, keske, keske, - gozelen d'źeles-puŋəz evel. šajtam pi žad'źesa dukte. "keti-mati ton seše kùź goze pùnəne begatit? - šùe so aptrasa, - mar karene derttiśkot ton sojin?" - "mo·n-a? - šùe äd'źämi. - gozeleś ńukto leśto no täń ta tedes vele žutesa, imme ošesa kel'to". - "e·ne, - keškasa šùe šajtam pi, - səbəre mi ketiś vù d'źùome na, majin mińčije perome?" - "al'i ji' žuto no ošo", - keškate na sije äd'źämi.

šajtam pi biźesa i' doras pere no ɰań kelem-a'd'źemze

anaj-atajezle vera. sojoses kȯdektesa vuo: "en be•tte ulonmes, keškaśtem äd´źämi, kot´ marmes kur, temeZ gene imme en o•še". d´źä bon, äd´źämi žal´am sojosez, tezes isamte, so ponna so, pú intije, valez vormemon teresa, altenzes vajesa bertem šajtaññosleś.

3. kuaka no pijok.

kemalaś uaškala derjose muzzem velen ošmesśos no, šurjos no velemte. okpol immär as doraz d´žužet gureź d´źele pijoken kuakajez ȯt´em no gureź vežijez gudəsa ošmes pottene kosem. pijok soke jik užane keršem, noš kuaka, užam gene jevel, eššo pijo'le mešat´ karem.

tuš kema teršem pijok, ujze no núnalze no užam. noš odik pol gudem güiśtez ubiśkesa jik ošmes potem. kuaka ug o•ske velem, taten ošmes potos šúsa. täbre so vožmaśkesa úćke vúen pal´kkaśkiś, paźäśkiś pijok šore. sebere sa luškem gene uań mugorze nóden naštam no pijo'leś ázlo immär dore lobd´žem. immärle so šúem: pijok ći' no óz u•ža, menem so užaŋ gene l´uketiZ. ošmes pottesa täñi, pe, mon keše nódaśkesa-saptaśkesa beri. noš so pijok täñi, o'mar ȯs kar bere, čelk-čel' mugorenez i' vuoZ. oźe ji' lúem so. pijo' lektesa gene vúem no, immär soje kargasa leźem. "immärez aldamet ponna, - šúem so, - tunne núnaliśen muzžem veliś ton odik čop no vú u' ni d´žúə, immiś vúen gene ulot".

tiñi male kós arjose, kema zor ke u' lú, pijok šulemes pozertono kat´ mȯzmet kuarajeŋ keśäške, immärleś zor kuresa.

4. pipú, kiku no múš.

kemalaś uaškala derjose immär no äšme šäin i' muzzem velen ulem. to•l´ko šajtañños kutene derttemiś sole veś pe'd´źesa ve'lono lúem. okpol so ńuleskiśen šajtaññosleś uatiśkesa, odik pipú ule perem. so pipú d´źele kiku lektesa pukśem no, kate śil´esa, šajtaññosez ȯt´em. sojos immäres kotertil´l´am no, pipú borde dúmelesa, gol´e' mugoraz vistem-voštem karesa, kada'd´źos šukkelil´l´am. śúres veliśen odiges šajtan duktem no šúem: "äšmijos uań velteras

šukkelim kadak. śulemaz bon šukkelimu-a medak?" soje muš kelem no, šajtanleś ázlo menesa, immärlen śulem uatsas pukśem. šajtan kúžokiśen ik účkem no, immärlen śulem uatsaz no kada' d'źer a'd'źiśke. "šukkeliśkemme velem, iśke", - šúem no berektiśkesa koškem.

immär sebere jik imme lobd'źono kariśkem. očče tubemezleś ázlo kikuez ót'em no šúem: "ton täbore žal'äśko·d-a, male oź leśti šúsa? begatesalet ke, ua·nże vúnetesalet. ozi ik so luoz. ton ua·nże vúnetot". pipúla so šúem: "tannaliśen ton tóltem derja no kual'e'd'źasa ulot". noš múšez ót'em no sole šúem: "mon uk to·diśke keže tenet tau karene jik. bon o'd'źa śómńäjen, og-o'des lúliś-śulmiś gažasa, kuspade tupasa, og-o'dele d'źurttesa ule. šudde ko·t'kú pačel potesa med uloZ".

tiñi so teriśen müšśos tuš šudo, bajleken, kuspaze tupasa, tatu gene ulo. pipú tóltem derja no veś dere'dźasa sele. noš so kiku so teriśen očče jik ua·nże vúnete. asles kar no leśtene u' va·la so, leśte ke no, berlo uk šó·tte ni. uk to·de so anaj-atajze no, as nelpize no. veranez no solen odik: "kú meda mon taše šuttem lúi, kúkú? kú beroz menam ta kajgüe, kú-kú?"

5. pašpú śäśka.

odig emespi šemek úje uarmaj gurtaz mene velem. pašpú arkaje vúem no pajmem: pašpuolek šimmez baśtono kat' d'zu'-d'zuk tódže śäśkajen sele. äd'źämi odik śäśkaze ešKaltem no soke jik a'd'źiśkemiś duktem. šu·mpotem sole emespi. gurte vúem no bajlen kensaz úsem, vuž diśse serpal'l'asa, čež vil' diś diśam. pašpú śäśkaze so ku' neras ponem velem. täbre ku'ze účča, účča - u' ni šótte. ozi ik kutil'l'am soje luškaśkon intijaZ.

noš muketez ozi ik pašpú śäśka šóttem no, medaz eše šúsa, ozi ik ku' neras ponem. taiz luškaśkene malpamte. oź ke no ve'lesa-ve'lesa, kutes poštem no, pašpú śäśkajes šuj vele kirgam. äd'źämi äjbä' gene menon śäinaz, šuak ped ulištez muzzemze eštem. účča m-účča m kirgatem śäśkaze - šóttemte ni. täbre mene no, o'mar no ug a·'d'źiśke. mene, mene no, kl'o-ojk! lékaśke keše ke pispúen. mene, mene no keše ke lijal borde kajžaśke, mene,

mene no meš d'žar d'želišen piterasa, keše ke ošmese ůše. "mar karono jin ta, keź täbre ulono", - šůsa kajgeresa ulon šäinaz olloke·tiš šȯ·t-šȯt šil'·dau lektesa vůe. so tuzonen main so šůres vele kirgasa kel'em pašpů šäškajez no žutsa koškem. äd'žämile vi·l'iš muzzem a'd'žiškem, noš so ponna ačis tȯl a'd'žiškemiš duktem. solen čäštertemez no vuzemez no keliške, ačiz gene ug a·'d'žiške.

6. inos

ku'derja ůjin bedes imbam d'žu·gak kariške. so, pe, oźe inos uštiške. inos vorsaškiččož mar ke no verasa ke vůttit, so malpane' bedesmetek, pe, us ke·l'e. to·l'ko dertemenet d'žaŋgeš verane en šȯ·tte. odi' nelkeěno, oźe inos ůštiškeke, "šudo kar" šuonze "tůšo kar" šůem. sole soke jik tůš potem. odik pijosmurt no "můšte šot" šůe velem no, dertemenes "tůšte šot" šůem. oźe tiňi sole piges derožaz vůiččož tůš potem. odik kuraškiš tolalte keźeten paśo gene dišen mene velem busijeti. malpamte šoriš inos ůštiškem no, so šůem: "ȯ·ste, immäre, uaň paśśosme čo·ksa val". oźi i' lůem. diš paśśosez gene jevel, uaň paśśosez no čoksaškillám. sebere so emez-neres čoksaškesa šokane begatemte ni no, očče jik kulem.

7. vůd'žůiš

pil'emiš zor ke bere, so, pe, šurjosiš no ošmesšosiš d'žůe. to·l'ko so vůd'žůišleš uaškem inteze tuš, pe, šugen šȯttene. šudo mur'd'žosle gene, pe, so šůre, so, pe, tuž pȯr'maškiš inte. očče potiškot ke, pinal deret, pe, berektiške, seše jik taza, čeber, pinal, pe, lůiškot. pijosmur'len taten nel'l'osmur' lůemes, pe, lůe, nel'l'osmur'len - pijosmurt lůemeZ. to·l'ko keše pijosmur'len nel kariškemeš potoz meda? keše nellen pijosmur' lůemez us po·te. to·l'ko okšore gene, pe, jevel so pi luoneZ. tone olloke·že no keškatene veroze, soje ua·nze čidano.

odi' nellen oźe tuz pijosmur'le berektiškemes pote velem. ped ažazi ik ošmes dure uaškem no a'd'že: vůd'žůiš. so ule perem no učke: meje'd'žos, tůššos keldene keršo. noš gureź banti doraz ik gonder, pe, uaške. nel keškasa

vu̇d´źu̇iś uliś potem. u̇čke no, či' nokeše gonder evel. beren u̇čč̆ä-u̇čča vu̇d´źu̇iśse - u' ni šȯtte. oźi ik žeŋijo-paleso kel´e: nel´l´osmurt ke šuono - mejekez u̯ań, pijosmurt ke šuono - ku̯arajez vekči.

8. azral´i.

odi' nelkešnolen kartes kulem no, so nu̇nalle bede tuš kema bȯrdelem, šaj vele lektesa. u̯ań to'mooses šuo: "du·kte jini bȯrdemiś, en ve·'le nu̇nalle bede so šaj vele". okpol so vȯt a'd´źem. kartes pe šu̇e: "emme u̇śeme u' lu·ə, keźet, ulije no kot, velije no kot". pereś tunoči šu̇em: ton, pe, oźe asleśtet kar'de śiŋkel´i pola' vejetiśkot, sojin sole keźet, kot. en bȯ·rde ni, ä·ttä šaj vele ve'lemiśtet solen iźemez no u' lu̇·ə. nelkešno oźe no duktemte šaj vele ve'lemiś. okpol so le·mbet bȯrdem-bȯrdem no, žetpal so dore keškano kat´ śȯ·t-śȯ' nästä potem. śimmes taba beč̆ča, pe, tel kat´ žua. tunoči sole valektem ini: so pe azral´i, šajlen kuźijez. so, pe, u' d´źa·rate, kuke veś šaj vele ve'lo. so, pe, kulem mur'd´źosleś iźon emzes sa'la.

9. a'd´źon

aźlo derja kuraśkiśśosle kȯlane korkaś korka vošśäśkiś pus lu̇e velem. odi' mur'len ku̇ń nu̇nal čože ini nelpijez vordiśkene begatetek ulem. so kuspen sojos dore no pus vu̇em. korkaze kȯlon inte u̇čč̆asa, kuraśkiś kešno perem no, soje leźete' dertto. sebere vuž korkaze leźil´l´am ini. kuraśkiś oč̆če pere no, gur velaze tubesa, emme u̇śem. kema iźesa vu̇u̇mte, mar ke ku̯araos kelesa, ša·rak potem. gulbeč ȯseti korka ku̇ń pereśśos peril´l´am. tȯt´-tȯt´ čelket šo'deremńosen, odigezlen kijas kinegajez no telijez u̯ań. so u̯a·ńzeleś no pereśges, tu̇šśosez ik vožektem ini. sojos kenešo mar karene ta vordiśkono nelpijen. odigez "al´i i' met kulos" šu̇e: male, pe, äśsijos vȯś d´źugeź gene no uk śo·to. muketes šu̇e: o' das ku̯at´az vu̇iččož ke no med uloz ini, uker, pe, nelpi vordemes pote. berlośse pize oktekeze no oź ik, pe, tel´meriz uk: "o' das ku̯at´ ares lu̇iččožat ke no ul val-aj, śuande ke no med

a'd´źesal". "oźi i' goštiśkom, iśke, - šúem voŽ túšojeZ, - das ku̯at´az, śuanez bere..." odigez artterem na: "äśse gù'd´źemaze úśəsa..." oźi i' goštil´l´am no koškil´l´am.

kuraśkiś ollo kulem, ollo ulep - kôd kódektesa potem vil´ korkaze. oten kuźo kešnolen pijez vordiśkem ini. kuraśkiś u̯ań kelem-a'd´źemze veram. kuźojos soke ji' vòś d´źugeź no śotil´l´am, gù'd´źemaze šobret leśtesa ponil´l´am no tuŋgonasa gene voźil´l´am. pizele o'mar todetetek dertto velil´l´am, to·l´ko kin-der veram. veś kajgeresa ve'le velem so.

das ku̯at´ aresas śuanze lúem. pizes śuan úje ko·t´keźe ke no karaulal´l´am, soleś pe'lo potemze a'd´źetek kel´il´l´am. šu'na sultesa potil´l´am no, pize gù'd´źem šobre' velen kemaśkesa kel´l´e. kulem...

П е р е в о д

1. Подмененная чертями

Один солдат возвращался из армии. Уже ночью дошел он до какой-то деревни. Лишь у одного человека, дескать, горит еще свет. Там несколько мужчин спорят между собой. Хозяин дома говорит, что никто, мол, не посмеет в глухую полночь сходить в их баню и принести оттуда камень. Солдат идет на спор и в полночь отправляется в баню. Заходит, и уже собрался выйти, схватив камень из каменки, /как/ его за руку схватила девушка в белой одежде. Я, говорит, только тому дам отсюда камень, кто возьмет меня в жены. "Я возьму", - сказал солдат, думая обмануть девушку. Девушка тогда отпустила его руку. Солдат выиграл спор. Зато не знает, что делать с девушкой из бани. Когда бы ни выходил вечером из дому, всегда предстает перед глазами та знакомая девушка: "Когда же ты меня возьмешь?" Надоело солдату так жить. Была ни была ('голова так голова, ноги так ноги') - решил он и взял в жены девушку из бани. Одно лишь плохо: нет ни тестя, ни тещи, ни к кому даже в гости не поедешь.

Поняла жена его кручину и сказала: "У меня ведь есть родители. Только они очень далеко". Дальше она рассказывает все по порядку, как ее будущую мать обманул богач, как мать подбросила ее на крыльцо богача, как ее тем временем подменили черти. Они, говорит, только и ожидают, кто бросит ребенка, кто забудет, и тотчас же готовы подменить. Если ребенок в сердце родителей, они ничего не могут сделать. Поэтому черти учили эту девушку забирать у родителей их любимых детей, ведь она - человек, она может забирать любого. Девушка заупрямилась. Поэтому черти принесли и бросили ее в этой бане. "Для тебя дорога к нам всегда открыта, - сказали они. - Тебе не обйтись без того, чтобы не прийти к нам, не встать на нашу сторону. Тебе /навсегда/ закрыта дорога к людям, раз сами они бросили, тебе не стать больше человеком, пока они сами же обратно не возьмут. А какой дурак тебя возьмет". Что стало потом, муж и сам хорошо знает. "Теперь мои мать и отец живут вместе. Что бы ни случилось, нам нужно к ним съездить. Ведь там под моим именем живет девушка=черт. Правда, не очень легкой будет наша дорога. Черти всячески будут стараться ме-

шать нам, уничтожить нас. Нам нужно быть очень бесстрашным. Тебя они всячески постараются обмануть, поэтому ничего не делай, не послушавшись меня".

И правда, чем только не пугали они /их/. Будто к ним скачут кони высотой до облаков, а зять, испугавшись их, чуть не свернул лошадь под крутую гору. Как будто и лес валится на них, и в болото они чуть не въезжают. За день не доезжают, /им/ приходится ночевать прямо в поле. Сколько свадебных караванов чертей проезжают мимо. Как будто на самом деле движется по полю дом, видны не только стены, но и все насквозь. Все как на свадьбе: играют на гармошке, пляшут, поют, плачут ... Один подвыпивший свадебщик /как будто/ выходит из дому и, зайдя в ближайшие заросли, засыпает /там/. От его храпа как будто вся земля дрожит.

Всю ночь глаз не смыкали супруги. И на следующий день еле=еле доезжают они до места. Доехав до дому, заходят /и видят/: там в люльке лежит ребенок с очень большой головой и большим животом. Кроме слов "хочу есть", "хочу пить", никаких других он не знает. Уже двадцать лет он не вставал на ноги. "Здравствуйте, мама и папа", - произнесла дочь, зайдя в дом. От постоянного плача у матери уже и глаза не видят. "Кто это назвал меня мамой? - удивилась она. - У нас, кроме этого, детей нет". "Это я ваша дочь, - сказала тогда их дочь, - а вы здесь кормите и качаете, вместо ребенка недогоревшую головешку". Подошла к люльке, взяла ребенка и швырнула к дверям. И действительно, он упал туда недогоревшей головешкой.

2. Шайтаново гнездо (логово)[5]

Некто ('один человек') к вечеру поехал в лес за дровами. Ходил, ходил и нашел одну очень толстую сухую пихту. Вынув топор, едва успел ударит два-три раза, /как/ вышел к нему шайтан. "Что ты, человек, делаешь?" - говорит, дескать. - "Не видишь что ли, дрова рублю", - говорит человек. -"Не руби это дерево, - всполошился шайтан, - это наше жилище". Человек посмотрел вверх, и, вправду, на пихте есть "шайтаново гнездо". "Ну, а как умещаетесь в таком ('лишь такой величи-

[5] Так называют удмурты ведьмину метлу.

ны') местечке? - не верит человек и снова хватается за топор. Ударяет пихту обухом топора, и та издает глухой пустой звук. "Оказывается, дуплистая она, - думает человек, - руби - не руби, у ней и дров-то не будет". Но все же, дразня шайтанов, делает вид, что продолжает рубить. Шайтан просит ('говорит'): "Не руши ('не кончай') наш дом, за это мы тебя угостим ('гость делая пустим')".

Ну, ладно, человек за шайтаном же заходит в их гнездо. Если посмотреть снаружи, пихта вроде бы не так уж толста, а внутри просторно. К тому же ('если нехватает') их дом двухэтажный. "А то, что вы называете ведьминой метлой ('шайтановым гнездом'), так мы качая усыпляем только грудных младенцев", - объясняет ему шайтаниха. Шайтаны человека кормят, поят и укладывают на мягкую постель в верхней половине. Пока не прошла полночь, человек и глаз не смыкает, лежит ('живет') настороже. Над его головой через щель в пихте виднеется светлое небо. Около полуночи через это отверстие входит нечто черное ('что-то черное существо'). Человек сползает с постели и прячется в один из углов. Оказывается, камень был подвешен над этой щелью на веревке. Шайтан срезает эту веревку, и камень глухо падает на постель. От падения камня будто вся земля вздрагивает. Шайтан, обрадовавшись, что уже убил человека, спускается вниз и засыпает ('спит'). Человек снова ложится на свою постель.

Утром шайтан поднимается наверх и удивляется: с человеком ничего не случилось. Не зная, что сказать, спрашивает уж: "Ну, как выспался, спокойно?" - "Довольно хорошо выспался, - отвечает ('говорит') человек, - только у вас тараканы что ли имеются, во время сна падали на мой лоб".

Ошеломленный ('ошеломившись') шайтан бегом спускается к своим домашним: "Знаете, что он говорит - тараканы, дескать, падали на лоб". - "Бросив даже такой большой камень?" - всполошилась его жена. - "Даже красного пятнышка нет на его лбу. Что уж теперь с ним делать?" - недоумевает шайтан. - "Сегодня ночью ты его опали каленым железом?, - советует ('говорит') ему жена.

И во вторую ночь человек сразу же засыпает, все выжидает ('наблюдая живет'). Около полуночи в это отверстие входит что-то ярко-красное. Человек укладывает на свое место в постель чурбан и сам прячется ('входит') под лежанку. Шайтан, взяв раскаленное железо, как следует ('как надо, так') ста-

рается палить лежащий на постели чурбан. А потом, подумав, что уж человека убил, уходит домой спать.

Проснувшись утором, поднимается и /видит/: человек посапывая спит. Почувствовав приближение шайтана ('что поднялся шайтан'), просыпается. "Хорошо ли спал в эту ночь?" - спрашивает его шайтан. - "Спал вроде бы уж хорошо, но клопы что ли у нас есть, в одно время кусали ('кусая') и не давали покоя". Ошеломленный пуще прежнего, приходит шайтан к жене: "Слышишь, с ним ничего не случилось, я палил его железом, а он говорит "клопы кусали". -"Это не человек, а собачья жила, - вздыхает шайтаниха. - Что уж делать с ним, как его лишить головы?"

Тогда она затапливает баню. Баня у них из железа. Ту баню она топила до тех пор, пока не накалила докрасна. Не солнце она ничуть не кажется раскаленным железом. Человека отправляют в баню первым. Они ожидали ('оказывается, думали'), что человек пойдет и зайдет в ту перекаленную баню и потом там же сгорит. Человек пошел в баню и видит: она красна, как огонь. Что делать? Прямо возле бани имеется озеро. Человек взял ведро и обливал баню до тех пор, пока она не остыла. Затем, зайдя в баню, взобрался на полок и что есть мочи кричит: "Эй, поддайте жару! Что так плохо натопили баню?!" Шайтаны, радуясь, прибегают, думая, что человек кричит, наверно оттого, что опалился. Прибегают и смотрят: человек не то, что опалился, но еще и требует поддать жару ('жар требуя лежит'). Возвращаются домой и ломают голову: как же избавиться от этого человека, /которого/ ничем не проймешь? В голову не приходит ни одна подходящая мысль. И из бани человек (тот) почему-то не возвращается. Проверить, что же он еще там вытворяет, отправляют сынка.

Оказывается, сел человек возле бани на берез озера и вьет /себе/ веревку. Шайтаненок с удивлением смотрит на его работу. Оставив концы в руке, человек бросает веревку в воду. Затем сплетает концы веревки вместе и отдает /веревку/ шайтаненку: на, мол, найди концы этой веревки. Шайтаненок тянет за одну сторону веревку, и по мере того, как вытаскивает веревка другой стороной постепенно опускается в воду. Тянет, тянет, тянет - нет конца у веревки. Шайтаненок, утомившись, перестает /тянуть/, "Когда это ты успел ('сумел') такую длинную веревку свить? - спрашивает он, удивляясь. - Что ты с ней хочешь делать?" - "Я что ли? - говорит человек, - Сма-

стерю из веревки недоуздок и, подняв вот это озеро, подвешу ('подвесив оставлю') к небу". - "Не /надо/, - испуганно говорит шайтаненок, - тогда откуда мы будем пить воду, чем будем мыться в бане?" - "Сейчас же подниму и подвешу", - пугает его человек.

Шайтаненок прибегает домой и рассказывает родителям все, что видел и слышал. Те, перепугавшись, прибегают: "Не губи нашу жизнь, бесстрашный человек, требуй что угодно, только озеро наше не подвешивай к небу". Ну ладно, пожалел их человек, не стал трогать озеро, а за это он увез, нагрузив на телегу, вместо дров, столько золота у шайтанов, сколько могла везти его лошадь.

3. Ворона и сарыч

Давно в древние времена не было на земле ни родников, ни рек. Однажды бог призвал к себе на высокую гору ворону с сарычем и повелел выкопать на подошве горы ключ. Сарыч тотчас же принялся за работу. А ворона не только не работала, еще и мешала сарычу работать.

Очень долго трудился сарыч, и ночью и днем работал. Вот однажды из выкопанной им ямы сильной струей забил родник. Ворона не верила, что здесь откопается ('выйдет') ключ. Теперь она с завистью смотрит на плещущегося, купающегося сарыча. Затем она тайно извозила все свое тело грязью, раньше сарыча прилетела к богу. Богу она сказала, что сарыч нисколько не работал, ей он лишь мешал работать. Роя ключ, вот, мол, я как извозилась, вымазалась. А вот сарыч, раз он ничего не делал, прилетит чистым-пречистым. Так это и случилось. Только прилетел ('придя успел') сарыч, и бог проклял его. "За обман бога, - сказал он, - с этого дня ты не выпьешь из земли ни одной капли воды, а будешь жить лишь /дождевой/ водой с неба".

Вот почему в засушливые годы, когда долго не бывает дождя, сарыч жалобным до разрыва сердца голосом кричит, прося у бога дождя.

4. Осина, кукушка и пчела

Давно в древние времена и бог, как и мы, жил на земле. Однако из-за преследования шайтанов ('оттого, что шайтаны хотели поймать') ему приходилось постоянно прятаться. Однажды он, убегая в лесу от шайтанов, присел ('зашел') под одной осиной. На ту же осину села ('придя села') кукушка и громким кукованием ('громко кукуя') позвала шайтанов. Те окружили бога и, привязав к осине, вбили в его тело несметное число гвоздей. Затем, радуясь, что бог больше не будет им мешать, убежали творить свои темные дела. Дорогой один из шайтанов остановился и сказал: "Мы (с вами) все тело забили гвоздями. А в сердце-то забили?" Это услышала пчела и, прилетев раньше шайтанов, села богу на грудь против сердца. Шайтан издали посмотрел и увидел напротив сердца бога шляпку гвоздя. "Оказывается, вбили", - подумал и, повернувшись, ушел.

Затем бог решил улететь в небо. Перед вознесением туда позвал кукушку и сказал: "Ты теперь жалеешь, почему так поступила? Если бы смогла, ты бы все позабыла. Так это и будет. Ты все позабудешь". Осине он сказал: "С этого дня ты и в безветренную погоду будешь дрожать ('дрожа жить будешь')". А пчелу подозвал и сказал ей: "Я не знаю, как и отблагодарить тебя. Ну, живите в общей семье, сердечно любя друг друга, в согласии и помогая друг другу. Пусть всегда ваше счастье переливается через край".

Вот с этого времени пчелы живут очень счастливо, в богатстве, мире и согласии. Осина и в безветренную погоду все дрожит. А (та) кукушка с того времени сразу все забывает. Она не может себе свить гнездо; даже если и делает, потом уже не находит. Не знает она и своих родителей, и своих детей. И одни у нее слова: "С каких пор я стала такой несчастной, ку-ку, ко-гда?[6] Когда пройдет эта моя печаль, ку-ку, ко-гда?"

---

[6] В оригинале непереводимая игра слов: имитация кукования кукушки kù-kù одновременно означает вопрос когда? когда?

5. Цветок орешника

Один зять в ночь под троицу шел в тещину деревню. Дошел до ореховой рощи и удивился: орешник стоит весь в белых цветах, аж в глазах рябит. Он ('человек') сорвал один цветок и тотчас же стал невидимкой. Обрадовался зять этому. Прибыл в деревню и забрался в кладовую одного богача. Побросав свою ветхую одежду, он оделся в новую, с иголочки. А ореховый цветок он сунул, оказывается, в лапоть. Теперь он ищет, ищет свой лапоть и не находит. Так и поймали его на месте воровства.

А другой так же нашел цветок орешника и, чтобы не потерять, так же сунул в лапоть. Он не думал красть. Однако, пока он ходил, лапти износились, и ореховый цветок выпал на землю. Человек спокойно шел и неожиданно потерял землю из-под ног. Искал, искал выпавший цветок - и не нашел. Теперь вот идет - и ничего не видно. Идет, идет и трах! ударяется головой о какое-то дерево. Идет, идет и спотыкается о какой-то пень, идет, идет и, скатившись с крутого берега, падает в какой-то источник ... "Что же делать, как теперь жить", - и пока он горевал так, откуда не возьмись, нагрянул темный-претемный вихрь. Он вместе с пылью поднял и унес выпавший на дорогу ореховый цветок. Человеку снова стала видна земля, но зато ему не стало видно самого ветра, слышны его шум и вой, лишь самого его не видно.

6. Небесная дверь

Иногда ночью все небо озаряется светом. Это, говорят, так открывается небесная дверь. Если успеешь что-то сказать до закрытия небесной двери, твое желание непременно исполнится. Только второпях не выскажись неверно. Одна женщина, когда так открывалась небесная дверь, вместо "сделай счастливой", сказала "сделай бородатой". У нее тотчас же выросла борода. Один мужчина намеревался сказать "дай пчел", но второпях промолвил "дай бороду". Вот так у него выросла борода до колен. Один нищий в зимнюю стужу шел по полю, одетый в дырявую одежду. Неожиданно открылась небесная дверь, и он сказал: "Господи, боже мой, закрыл бы все мои дыры". Так и стало.

Закрылись дыры не только в одежде, но и все остальные. У него закрылись рот, нос, он не мог больше дышать и сразу же умер.

7. Радуга

Когда у тучи кончается вода, она, говорят, пьет ее из рек и родников. Только, мол, очень трудно найти место, где та радуга опускается. Говорят, лишь счастливцам удается его найти. Это очень заколдованное место. Если туда попадешь,то, говорят, возвращается к тебе твоя молодость, становишься таким же здоровым, красивым и юным /как и прежде/.Говорят, там мужчина может превратиться в женщину, женщина - в мужчину. Однако какой мужчина захочет превратиться в женщину? И какая девушка не пожелает стать мужчиной! Только говорят, не так это проста стать парнем. Как только не попытаются тебя напугать, все это надо вытерпеть.

Одной девушке уж так хотелось превратиться в мужчину. Спустилась она к роднику, что прямо за огородом, и видит: радуга. Встала ('зашла') под нее и смотрит: начинают появляться усы, борода. А по склону горы прямо к ней бежит медведь. Девушка, испугавшись, вышла из-под радуги. Смотрит - нет никакого медведя. Ищет, ищет снова радугу - и не находит. Так и остается она середка на половинке: если назвать девушкой - усы есть, назвать мужчиной - голос высокий.

8. Азрали

У одной женщины умер муж, и она, приходя на могилку,ежедневно очень долго плакала. Все знакомые говорят: "Перестань уже плакать, не ходи каждый день на кладбище". Однажды она увидела сон. Муж, дескать, говорит ей: "Не могу уснуть, холодно, и подо мной сыро, и надо мной сыро". Старая ворожея сказала: ты, мол, сама топишь своего мужа в слезах, поэтому ему холодно, сыро. Не плачь больше. Оттого,что постоянно ходишь на кладбище, он и спать не может. Все же женщина не перестала ходить на кладбище. Однажды она проплакала весь день, и под вечер к ней вышло страшное черное-пречерное существо. Глаза, де, со сковороды, горят огнем. Ворожея объяснила ух

ей: мол, это - Азрали, хозяин кладбища. Он, мол, не любит, когда постоянно ходят на кладбище. Он, де, хранит сон покойников.

9. Рок

В прежние времена в деревне существовала переходящая от дома к дому обходная бирка ('знак'), /определяющая очередность/ устройства нищих на ночлег. Одна женщина уже третий день не могла разродиться. Тем временем и до них дошла очередь ('знак'). В поисках ночлега зашла к ним в дом нищая женщина, /но/ впустить ее не хотят. Потом уж впустили в старый дом. Нищенка зашла туда, и, забравшись на печь, уснула. Поспав недолго, услышала какие-то голоса / и / испуганно проснулась. Через западню в дом прошли трое стариков. В белоснежных холщевых рубахах, в руках у одного книга и перо. Он всех древнее, даже борода позеленела уже. Они советуются, как поступить с этим будущим ребенком ('еще неродившимся младенцем'). Один говорит, чтоб сразу же умер: почему, мол, сами ничего не жертвуют богу. Другой говорит, пусть, мол, уж живет хоть лет до шестнадцати, уж очень ей хочется воспитывать ребенка. На похоронах предыдущего сына так и, говорит, молила ведь: "Пожил бы хоть до шестнадцати лет, увидеть бы /мне/ хоть твою свадьбу". "Значит, так и запишем, - сказал зеленобородый, - на шестнадцатом году, после свадьбы ..." Другой же добавил: "Упав в свой колодец ..." Так записали и ушли.

Нищенка ни жива, ни мертва - побледнев, перешла в новый дом. Там у хозяйки уже родился сын. Нищенка передала им все, что слышала и видела. Хозяева тогда и жертвоприношение совершили, к колодцу приделали крышку и держали его под замком. Сыну не хотели поведать ни о чем, только ему кто-то рассказал. И тот постоянно горевал.

В шестнадцать лет состоялась свадьба. Как ни следили за сыном в брачную ('свадебную') ночь, но никто не заметил, как он вышел на улицу. Утром, проснувшись, вышли /и видят/: сын лежит ничком на крышке колодца. Умер ...

V. K e l m a k o v
(Iževsk)

UDMURTISCHE SPRACHPROBEN I. TATYŠLY-MUNDART

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die vorliegenden udmurtischen Sprachproben stellen neun Märchen und Legenden dar, die im Jahre 1970 vom Dichter F. Pukrokov aufgeschrieben worden sind. F. Pukrokov ist 1937 im Dorf Vjasovka (Baschkirische ASSR, Bezirk Tatyšly) geboren. Er hat Hochschulbildung, beherrscht Udmurtisch, Russisch, Tatarisch und Baschkirisch.

Die Sprachproben sind:

1. Die vom Teufel Untergeschobenen.
2. Teufelshöhle.
3. Krähe und Bussard.
4. Espe, Kuckuck und Biene.
5. Nußstrauchblüte.
6. Himmelstür.
7. Regenbogen.
8. Asrali (Friedhofsgespenst).
9. Schicksal.

Diese Texte zeigen, daß die Mundart der Tatyšly-Udmurten, die im Südosten des udmurtischen Sprachgebiets verbreitet ist, ihren phonetischen Besonderheiten nach den sogenannten Südwestmundarten (Kukmor-, Šošma- und Bavly-Mundarten) sehr nah ist. Das ermöglicht, sie in eine Dialekteinheit zu vereinigen, die periphersüdlich genannt wird.

A. Künnap
(Tartu)

KAMASSISCHE GERUNDIUMFORMEN AUF -l(V(ˀ))(-), -nV(ˀ)(-)

Im Kamassischen gibt es mehrere Gerundien und Partizipien, darunter das Gerundium auf -l(V(ˀ))(-), -nV(ˀ)(-) (s. bes. Donner-Joki 1944 : 175-179).

Das Kennzeichen dieses Gerundiums hat sehr viele Varianten: (Castrén) -laˀ, -la, -läˀ, -lä, -le-, -näˀ usw., (Donner) -lɛ, -leˀ, -l', -ʎa, -ʎɛ, -na- usw., (Künnap) -lẹ̌, -lə̂, -l'ẹ̯, -l'ẹ̯, -l'ẹ̯, -l'ẹ̯, -näˀ usw.

Das Kennzeichen -l(V(ˀ))(-), -nV(ˀ)(-) steht entweder am absoluten Ende der Verbform oder, falls sich an diese eine andere Verbform angeschlossen hat, vor der letzteren (in dem von mir gesammelten Material steht dieses Kennzeichen fast ausnahmslos vor dieser zweiten angeschlossenen Verbform) (s. Donner-Joki 1944 : 175, 181-182; Кюннап 1967 :134 -136).

Die Sondervarianten des Zeichens sind rein phonetisch bedingt. Eine Ausnahme kann nur das wechselnde Auftreten des Laryngalklusils darstellen. Der anlautende Konsonant l ergab nach m n, nach ŋ aber n oder ŋ. Die auf l' anlautenden Varianten kommen nur nach r(ə) vor und allem Anschein nach hat gerade r(ə) die Palatalisation des l bewirkt.

Das betrachtete Gerundium drückt meistens die Handlungsweise des Hauptverbs aus, nämlich eine mit der Handlung des Hauptverbs gleichzeitig verlaufende Handlung. A. J. Joki weist darauf hin, daß dieses Gerundium auch zur Bezeichnung des Zweckes dient und also als Verbalnomen gebraucht wird (letztere Verwendungsweise erinnert an die des Infinitivs) (s. Donner-Joki 1944 : 175).

Nach P. Hajdús Auffassung sind auch einige Adverbien mit Hilfe des betrachteten Zeichens gebildet worden: (Donner) bukʌɛ 'ganz' und əmbl'lɛ 'weshalb?, warum?' (Hajdú 1961:

128). Aller Wahrscheinlichkeit nach faßt er diese Adverbien als Gerundiumformen der Nominalkonjugation auf. Doch das Wort bukʌɛ, bukulɛ ist wahrscheinlich als Ganzes den türkischen Sprachen entlehnt worden, vgl. z.B. sagaisch pukᵘlɛ· (s. Joki 1952 : 108; vgl. auch Donner-Joki 1944 : 11b). Im Wort ambIlɛ ist das Gerundiumzeichen -lɛ wohl vorhanden, doch dieses gehörte ursprünglich zum Bestand der Gerundiumform *i-lɛ des Verbs igɛm 'sein' (s. 27 unten).

Diejenigen kamassischen Gerundiumformen auf -l(V(ˀ))(-), -nV(ˀ)(-), die sich an die ihnen folgende Verbformen so eng angeschlossen haben, daß sich an der Wortgrenze der Ausfall oder das Verschmelzen der Laute vollzogen hat, wurden in das folgende Verzeichnis nicht aufgenommen. (Das Auftreten oder Nichtauftreten des auslautenden Laryngalklusils des Gerundiumzeichens wird nicht zu der genannten Lautveränderung gezählt, da das Auftreten dieses Laryngalklusils auch im absoluten Wortauslaut abwechselnd ist.) So ist im folgenden Verzeichnis z.B. die Wortverbindung məl̆la-χåndᵊɣåm 'ich gehe (eigtl. wandernd gehe ich)', doch fehlt ihre phonetische Weiterentwicklung məl̆lāndᵊɣåm id. (*-a‿χå- > *-a‿å- > *-a‿a- > -ā-) (vgl. ferner auch die Gerundiumform mit einem auslautenden Laryngalklusil məl̆lɛ̆ˀ).

Auch die Formen des zu betrachtenden Gerundiums, an das sich die Formen des Verbs (Donner) u̯a(ˀ)-, u̯ɐ-, u̯åˀ-, βaˀ-, βā- (? 'verlassen') angeschlossen haben, wurden in das Verzeichnis nicht aufgenommen. Es handelt sich um sehr stereotype Wortverbindungen, deren vollständige Analyse schon vorhanden ist (Donner-Joki 1944 : 181).

M. A. Castrén nannte dieses Gerundium das Gerundium des Präsens oder das I. Gerundium (Castrén 1847 : 103; Castrén 1854 : 372). Nach M. A. Castrén ist dieses kamassische Gerundium mit dem kamassischen Präsens des Indikativs nah verwandt und verbindet sich eng mit dem selkupischen Gerundium auf -le (Castrén 1854 : 372, 545). I. N.-Sebestyén nimmt im Kamassischen das Partizipzeichen *-la, *-lɛ, das als Präsenszeichen benutzt werde, an. Dieses Partizipzeichen verbindet sie mit dem Element -lV- des betrachteten kamassischen Gerundiumzeichen und mit dem selkupischen unproduktiven Zeichen des Nomen agentis -l (N.-Sebestyén 1964 : 278-279.) P. Hajdú verbindet das betrachtete kamassische Gerundiumzeichen mit dem selkupischen Gerundiumzeichen -lä (Hajdú 1961 : 128).

Die Reihenfolge der Buchstaben in den Stichwörtern ist folgende: ă a ā â å ā̂ ą ā̧ b β d d' dž d'ž ε ε̄ e ə ə̧ ȩ̄ ê ė h H χ χ̧ ĭ i ı̧ i̭ ˀ k ḳ kᶜ ḳᶜ l l̹ ʎ m ḿ n ń ŋ o ō ó ō̆ o̹ ŏ ō̈ ő p p̌ p̌ r s ś ş́ z š ś t tᶜ t' t'ś ŭ u u̹ ŭ ɯ ɯ̀ ɯ̄ ɯ̈.

1amnakumbiˀi 'sie fraßen [es]' 95 < *a m - l a (ˀ) kumbiˀi 'e s s e n d führten sie [es] fort', vgl. amnam 'essen' 5a, kuňńim 'fortführen' 34a.

2amnolaˀ 'sittande' CM 103, 'сидя' CM 275. a m n o l a ˀ iˀbäm 'сижу' CM 186, a m n o l a iˀbäm 'sitzen' CW 178b; eigtl. 's i t z e n d liege ich'. a m n o l a t'ebakt'erl'ä 's i t t a n d e tular' CM 103. amnola-gambiam CM 275 < *a m n o - l a (ˀ) kambiam 's i t-z e n d ging ich fort'. Vgl. amnolam 'ich setze mich' CW 178b, iˀbäm 'liegen' CW 179b, kallam 'fortgehen' CW 180b.

3amnoleibelam 'jag sitter', amnoleibeläm 'сидеть стану', amnoleibeiäm CM 275; eigtl. 's i t z e n d werde ich liegen'; Part.Präs. amnoleibenä CM 103, wörtlich 's i t-z e n d liegend'. < *a m n o - l a (ˀ) ibe- (-ei- < *-a͜i-, s. auch Castrén 1854 : 65-66), vgl. iˀbäm 'lie-gen' CW 179b : III.Ger. ibenä CM 114 (eigtl. zugleich auch Part. [vgl. z.B. III.Ger. tᶜuna und Part.Präs. tᶜu-na von tᶜulam 'оживу' CM 105], s. auch Donner-Joki 1944 : 177-178), ferner z.B. "Part." mola ibenä (s. 64).

4ārd'erla-χambi 'портил' CM 306, eigtl. 'v e r d e r-b e n d ging fort' (richtiger ā r d a d' e r l a -χ.?), vgl. ārdad'erl'im 'verderben' CW 178a, kallam 'fort-gehen' CW 180b.

[5] ba'ᵇʌa', ba'ʌa' (Ger. von ba'ˡl'Ïm 'werfen') 160; ba'blá (Ger. von ba'bl'im 'ich werfe') CG 571-572.

[6] batla' (Ger. von batl'am 'ich schneide') CG 574.

[7] b ā' d ᵊ l a ' mɛŋgɛm 'gehen' 7a, 'w a n d e r n, s p a z i e r e n gehen' 40a, b. χàʌàm 's c h r i t t w e i s e gehen' 7a, малам β ā d ᶿ l a 'ich kann g e h e n' 97; vgl. bā'dᶿl'àm, βā'dᶿl'àm 'gehen, wandern, schrittweise gehen; (dar)bringen, tragen' 7a.

[8] bå'ʌa'-ɣambi '(er, sie) verließ' 7a, vgl. på'dᶿl'àm 'hineinstoßen, hineinstecken; füttern, futtern' 50a (vgl. auch [7]).

[9] man b å š t ē r ᶿ l' a ' šōbⁱàm 'ich kam f r ü h e r, ich kam a l s e r s t e r' 9a, 175, eigtl. 'ich e r s t e s e i e n d kam', vgl. båštèrᶿl'am 'der erste sein, vorausgehen' 8b-9a.

[10] bistleigäm 'jag är skrattande' CM, bištleigäm 'lachen', vgl. bištl'äm id. CW 191b; pištinzileigäm 'смеяться' CM. (Nach Donner 1920 : 28.) Vgl. auch igäm 'ich bin' CW 179a. < *-lä(') igäm 'lachend bin ich'. (Vgl. ferner auch [3].)

[11] bitlä' (Ger. von bitl'äm 'ich trinke') CG 573-574.

[12] b ɯ i l ɛ šōbi 'er kam, u m W a s s e r z u h o l e n' 175, d'aktᶿnɯkɛt b ɯ i l ɛ šōbi 'sein Weib W a s s e r h o l e n kam' 94, nɯkɛt b ɯ i l ɛ ' šl'ēdə 'seine Alte W a s s e r h o l e n er schickt', b ɯ i l e ' ɯ'mɯlɯ'bɪ 'W a s s e r h o l e n lief sie' 99; kanā·'ᵌ b ɯ ⁱ l ē· 'иди з а в о д о й!', b ɯ ⁱ l ē· kanā·'ᵌ aspā·'ši 'пойди з а в о д о й котлом!', tèiò, b u i l ē· kᶜała·m 'сейчас з а в о д о й пойду', kuzā nu'mułè·'ᶜpo b ù i ł ē· 'человек бежит з а в о д о й', b ɯ ⁱ ł e mipem 'з а в о д о й ходила [я]',

b u i̯ l ē̜ · mèmb´ē·m id. KH. [bɯi̯- usw. = Verbum denom. von bɯ̀, bɯ̄ 'Wasser, Fluß, See' 11b, bu, bù, bu, bū, bɯ 'Wasser' KH? Vgl. z.B. Verbum denom. kᶜo̯ʌeil´am, k̜ᶜoʌei̯l´am 'fischen, Fische fangen' von kᶜō̯ʌɯ, k̜ōʌa, kᶜōʌa 'Fisch' 31b; vgl. ferner auch [28].]

[13] bå^{h}ʌaᵓ (Ger. von bǎ^{ə}ᵛL^{i}i̯ǒm 'schneiden') 160–161.

[14] b o k u ᵓ ʌ a uᵓ^{H}t^{ə}bi 'b e f e s t i g e n d stig er auf' 90 [A. J. Joki: "Offenbar I. Gerundium", vgl. boᵓkuʌ̌ʌei̯l´åm 'festsetzen, feststecken' 106], sumnaŋgĭt kᶜuza āi̯ə‿βo k̀ u ʌ a maŋgĕ 'der fünfte Mensch die Tür z u m a c h e n d geht' 86.

[15] b ɯ š t´ ē r l ɛ ᵓ amna 'er sitzt l a c h e n d' 99, vgl. bɯštērᵊl´ɛm 'lachen' 12b.

[16] man uiɯnɯ i̯ilgəndɛ βɯᵓ βɯ^{h}ʌ ɛ buᵓl´em 'ich trinke unter meinem Fuß Wasser t r i n k e n d' 91, (?) eigtl. 'm i c h b a d e n d' od. 'f l i e ß e n d', vgl. bò̯ᵓ-l̀´ɛm 'sich baden, schwimmen; fließen; in der Brunst sein, läufig sein' 54a.

[17] šiᵓ ippɛkᵊ d´ i l ɛ kai̯it man nɯi̯ɯm azērlᵊbi 'von eurem Brote l e b e n d wie wuchs meine Brust' 98 < (?) *d´il-lɛ < *d´il´ᵊ-lɛ < *d´il´e-lɛ, vgl. t´il´eläm 'wieder aufleben' CW 188a. [d´žilimńɛm 'wieder aufleben, sich wieder erholen' 16a, t´ilīl^{i}i̯ɛm, t´ilīl´ɛm 'wieder aufleben' 78b < (?) d´žili, d´ili 'lebendig' 16a, vgl. auch t´ili 'lebend' CW 188a.]

[18] bāzǎ d´ ō r l a ᵓ tᶜə̄rlē̜lɛ kui̯ōbi 'wieder w e i n e n d sich werfend stürzte er sich' 95, u r ā ž ᵊ n d´åktᵊ-nɯ̀ket d´ ō r l a χandᵊɣa 'das Weib des Urāžᵊ w e i n e n d wandert' 93, d´ōrlaχandᵊɣam 'ich weine (eigtl. weinend gehe ich)' 175; vgl. d´ōrᵊl´åm 'weinen, heulen' 16a.

[19] d´ ə b a k t ə r l a amna‹i᾽ 's p r e c h e n d sitzen sie' 96, d´ ə b a k t ə r l a -amnam 's p r e c h e n d dasitzen, sich unterhalten' 77; d̥ ž̥ ə̣ b a k t ə̂ r l ḕ · mō̆žnə̥ 'г о в о р и т ь можно' [gewöhnlich Infinitiv, z.B. d̥ ž̥ ė b a k̥ t a r z i · t̀ t i̯ mô̂žna id.] KH.

[20] ɛ d ḕ l ɛ ᾽ nə̥ɣå 'steht, ist aufgehängt, hängt', ɛ d ɯ̄ - l ɛ nuɣa id. 17a, śil u̯i̯a ɛ d ɯ̄ l ɛ nūɣa 'Fett, Fleisch hängt [eigtl. h ä n g e n d steht]' 96; vgl. ɛdḕl´ɛm, ɛdɯ̄l´ɛm 'hängen' 17a.

[21] ɛlɛ (Ger. von ɛm ['ich - nicht']) 164; də nɯ̀kɛ βɯ̄źɛ ᵊmbi-dᵊn ɛ l ɛ nāɣa 'diese Alte und dieser Alte haben nichts' [A. J. Joki: "ɛlɛ = I. Gerundium von den verneinenden Hilfsverb" 116], eigtl. 'n i c h t - s e i e n d'; e l ä ᾽ nu᾽ (Ger. von em nu᾽ 'не стою'), e l ä ᾽ tol´era᾽ (Ger. von em tol´era᾽ 'я не украду') CM 183.

[22] ɛ̄᾽lɛ (s. [36]).

[23] əm̀bīlɛ (s. [27]).

[24] ə r ɛ̄ r l ɛ ‿ībi 'sie starb' 197, eigtl. 's t e r b e n d war sie', vgl. ᵊrērl´ɛm 'sterben (von Menschen)' 18b, īgɛm 'sein' 22a.

[25] χ̮ала᾽, χ̮алла᾽, χ̮ала, χ̮алла (s. [32]).

[26] i᾽b̀ēlɛ̆᾽ (Ger. von i᾽b̀ᵊm 'liegen') 150; i᾽bölä᾽ (Ger. von i᾽bɯ̈m 'ich liege') CG 563, ibölä, ibelä id. CM 114; i ᾽ b̀ ᵊ l ɛ ᾽ i̯ādozaŋbᵊ te᾽l̀āmbi᾽i '[l i e g e n d] auch die Stützstangen des Zeltes wurden morsch', sāɣə̂r məi̯ɛzaŋbə i ᾽ b̀ ə l ɛ koi̯ōbi 'die schwarzen Berge ja blieben [l i e g e n d] zurück', sāɣə̂r məi̯azaŋbᵊ i ᾽ b ᵊ l ɛ -koi̯ōbi᾽ 'die schwarzen Berge ja [l i e g e n d] blieben zurück', kɯššaлβə̂t´ i ᾽ b ᵊ l ɛ -ko-

i̯obi̊ 'unsere Kräfte blieben zurück' [A. J. Joki: "Wörtlich übersetzt: "liegend blieben (sie)"..." 103], i'gə' ňrengεt'ə i'bᵊlε māla koi̯ōbiàm 'von einem großen [= vielen] Stamm blieb ich zurück' 87 [A. J. Joki: "Wörtlich: "von vielen Stämme liegend bleibend ich blieb"" 104], u r ā ž ᵊ i ' b̀ ᵊ l ε̆ kui̯ōbi 'Urāžᵊ [z u l i e g e n fiel] fiel hin' 93 [A. J. Joki: "wörtlich: "liegend blieb"" 112].

27 ìlε' (Ger. von igεm 'sein') 162; ilä' (Ger. von igäm 'ich bin') CG 567, CM 180; əm̀bīlε 'weshalb?, warum?' < *əm̀bi i-l ε 'was s e i e n d?', vgl. əm̀bi 'was?' 19a, ferner auch ümbi i l ä ' 'weshalb' CG 606, ümbi i l a ' id. CW 180a, ümbi 'was' CW 180a.

28 bɯ i l ε ' s̀ōbi 'er kam, um Wasser z u h o l e n' 175, u r ā ž ᵊ n šide nɯkε̄bᵊ i l ε kumbi 'Urāžᵊs zwei Weiber aber n e h m e n d führte weg' 93, vgl. kuňim 'fortführen' 34a; vgl. il'εm 'nehmen, empfangen, bekommen, wegnehmen' 22a; "Part.Präs." i l ä ibenä CM 180, wörtlich 'n e h m e n d liegend', vgl. ilim 'ВОЗЬМУ' CM 273 (s. auch [3]); te̯ine·ňna men kaɫa·m̀ bešk̄ε· i ɫ ē· 'сегодня я пойду по грузди', eigtl. 'n e h m e n', vgl. bešk̄ε·ⁱ i̯zittɪ· 'грибы собирать' KH (s. auch [12])

29 i̯ a d a i̯ l a ' šōbi 'kam z u G a s t e' 23a, dᵊ i̯ a-d a i̯ l a ' šōbi 'er kam z u B e s u c h' 99, i̯ a-d a i̯ l a ' χàʌʌàm 'z u G a s t e sein, fahren', i̯ a-d a i̯ l a mə̣mbi '(er) ging z u G a s t e' 23a, əmbiňīm i̯ a d a i̯ l a məmbi 'meine Schwiegermutter ging z u B e s u c h' 94 [A. J. Joki: "Eig.: 'besuchend ging" 113], i̯ a d a i̯ l a mə̣ndᵊnε n[ə rmi·] 'B e s u c h e machen' 45a [A. J. Joki: "eigentlich bedeutet es wohl:

17

"ein Pfad (um) zu Besuch zu gehen"" 178]; vgl. iadailām 'zu Gaste sein' 23a.

30 kadārlă˒ (Ger. von kådār˚l'om 'hüten') 156–157; kadarla˒ (Ger. von kadarl'am 'ich hüte') CG 565.

31 men teinəh k a l b a i ł ā · memb'ē·m 'я сегодня за черемшой ходила', vgl. kᶜəłbā· 'черемша' KH (? eigtl. kalba͜iłā, s. auch 12, 28).

32 кала˒, kᶜăллă˒, χала˒, χалла (Ger. von kᶜăллåm, kåллåm, χåллåm, χåλåm 'gehen') 152, vgl. auch kᶜåллåm usw. 'gehen, wandern, weggehen' 25b; kalla˒ (Ger. von kallam 'ich gehe fort') CG 568–569, kala˒ (Ger. von kallam 'уйду') CM 127, 276; kᶜ a л л a ˒ surārd˚ 'g e h e n d frage' 89, kᶜ a л л a ˒ kəšt˚lba˒ 'g e h e n d wir rufen' 95, kᶜ å л å ˒ sēl˚l'em 'ich werde es schleifen' 58a, eigtl. 'f o r t g e h e n d werde ich schleifen', dĭgıttə χ a л a kūbi 'dann g e h e n d sah er' 92; dig˚ti kᶜ ā l a d'ərbi 'dann ging er' 197, eigtl. 'dann f o r t g e h e n d verschwand er', k a л a ͜ t'ərbi 'g i n g u n d verschwand' 78a, eigtl. 'fortgehend verschwand', nukεt χ a л л a -d'ərbi 'seine Alte ging' 96 [A. J. Joki: "Eig.: 'fortgehend verschwand'" 115], χ a л л a -d'ərbi 'er ging' 94, eigtl. 'f o r t g e h e n d ging er'; vgl. d'ərd˚l'εm 'verlieren' 15b.

33 kanlebelä˒ (Ger. von kallam 'уйду') CM 276 < (?) *kan-la(˒) ibe-lä˒ 'fortgehend liegend' (s. auch 3).

34 kārla (Ger. von kārl'im 'отворю') CM 141.

35 koнлā (s. 44).

36 koi ε̄˒lε '(mit der Kohle) liniierend', muiub˚ būźə k o-i ε̄ ˒ l ε̄ amna 'der Greis sitzt, den Finger (m i t d e r K o h l e) l i n i i e r e n d' 31a, 'den Fin-

ger aber (m i t K o h l e) l i n i i e r e n d sitzt der Alte' 97 [A. J. Joki: "Vgl. mot. KLAPROTH koja 'Kohle'. Merke jedoch auch OS (CASTR.) koja 'Kreis', kojalǯap 'umringen'" 116].

37 koi̯ola' (Ger. von koi̯olam 'останусь'); "Part.Präs." koi̯ola' ibena CM 195–196, eigtl. 'bleibend liegend' (s. auch 3).

38 k o λ o ' d ə r ʌ a ' m[əŋgɛm] 'schlau sein, sich schlau stellen' 31b, 40a, eigtl. 's c h l a u s e i e n d gehe ich', vgl. koλo'dᵊrl'åm 'heucheln, schlau sein' 31b.

39 āʌəβᵊ Ine k o n z a n d ᵊ l a mə'bi 'der Held ließ das Pferd s a t t e l n' 93, 175, vgl. kᶜonzandᵊl'im 'satteln, vor den Wagen spannen' 32a.

40 tegeti k o r ō l a kᶜala 'danach e r z ü r n e n d, ging sie', te‿nuke k o r ō l a ‿samobi 'jenes Weib erzürnte' 197, eigtl. ' e r z ü r n e n d stürzte'; vgl. korōl'åm 'zürnen' 32b.

41 k ō ʌ a χăʌʌåm 'ich gehe, u m m i c h z u v e r h e i r a t e n' 175, 'gehen, um einem Mädchen einen Heiratsantrag zu machen', vgl. kᶜōʌam 'verheiraten, sich vermählen' 31a.

42 kŭʌʌă' (s. 47).

43 k u b d o l a -kambi 'погасло' CM 306, eigtl. 'e r l ö s c h e n d ging fort', vgl. kubdōl'am 'erlöschen' CW 182a.

44 kuʰᴸlă', kuʰᴸʌă' (Ger. von kuᶞᴸl'ĭm 'töten') 161; kutla' (Ger. von kutl'im 'убью') CM 168, (Ger. von kutl'im 'ich töte') CG 575; k u h ʌ a kåmbi 'tötete' 33b, eigtl. 't ö t e n d ging fort', do īlᵊm bār k o H ʌ ā kambi 'sie alles Volk e r s c h l a g e n d wanderte' 93; vgl. kuᶞᴸl'im, koᴴl'åm, kòᴴˡl'im 'töten' 33b; Part.

Präs. kutlaibena CM 168 (s. auch [3]).

[45] kulla^{ɔ} (s. [47]).

[46] k u n o l l a^{ɔ} i^{ɔ}bŭm 'спать' CM 186, k u n o l l a i^{ɔ}-bŭm 'schlafen' CW 182a, kunolla^{ɔ}ibŭm 'спать' CM 175; eigtl. 's c h l a f e n d liege ich'; kunolla^{ɔ}i^{ɔ}bŭm 'спать' : [2.P.Sg.] -llaibŭl : [3.P.Sg.] -llaibŭ : Prät. [1.P.Sg.] kunollaibewiäm : Konjunkt. [1.P.Sg.] kunollaibenäm : Imperat. [2.P.Sg.] kunollaibä CM 115; eigtl. 's c h l a f e n d liege ich' usw. Vgl. kunoll'am 'schlafen' CW 182a (s. auch [3]).

[47] kunna^{ɔ}, kŭллă^{ɔ} (Ger. von kŭnnĕm 'entführen') 158-159; kulla^{ɔ} (Ger. von kull'im 'ich entführe') CG 570; k u n n a^{ɔ} hål'åm 'wegführen, befördern' 34a, eigtl. 'w e g f ü h r e n d mache ich', ma^{ɔ}and^{ə} k u n n a^{ɔ}-χåmbi 'nach Hause b r i n g e n d ging er' 92, bŭde k u n n a ɔɔl^{ɔ}bi 'der Alte brachte [es] und ließ [es] los' 95 [A. J. Joki: "'fortführend liess frei'" 113].

[48] kutlaibena, kutla^{ɔ} (s. [44]).

[49] k ŭ л e^{ɔ} χănd^{ə}ăm 'ich sterbe beinahe (eigtl. s t e r b e n d gehe ich)' 175, vgl. k'ŭl'ĕm 'sterben' 35b.

[50] konzanzandən, pakzənzand^{ə}n ĭnĕn nānənd^{ə} л a m b^{ə} r a χand^{ə}χaj^{ɔ}e 'ihre Sättel, Steigbügel am Bauche des Pferdes h ä n g e n d sie gehen' 92, vgl. лambŏrl'åm 'hängen, aufhängen, hangen, bammeln' 36a.

[51] nŭŭa л ê b ê l a (sa^{ɔ}mə^{ɔ}bi) kuiōbi 'eine steile Felsenwand s t ü r z e n d fiel herab' 85, vgl. лəb^{ə}l'åm 'stürzen, fallen, hinabrutschen, herabfallen' 36b.

[52] mă^{ɔ}l'e (s. [64]).

[53] kod^{ə} m a л a šāmna^{ɔ} i^{ɔ}pəл? 'wie d i c h b e f i n d e n d lügend du liegst?' 99, i^{ɔ}gə^{ɔ} ŏrengĕtə i^{ɔ}b^{ə}lɛ m ā l a koiōbiåm 'von einem großen [= vielen] Stamm blieb ich

zurück' 87, 'von vielen Sippen seiend (b l e i b e n d) blieb ich' 37a [A. J. Joki: "Wörtlich: "von vielen Stämme liegend bleibend ich blieb"" 104], tʿuzaŋbᵊ m ā ʌ a koi̯ōbiʾ 'von meinen Angehörigen blieb ich i r r e g e h e n d zurück' 87, t'uzaŋbᵊ m ā ʌ a koi̯ōbiʾ 'meine Seen (b l e i b e n d) blieben' 37a, sərɪ d'ə-lamzaŋbᵊ m ā l a ʾ koi̯obiʾiʾ 'die weißen Berge ja ... blieben zurück' 87 [A. J. Joki: "Bedeutet wohl: 'bleibend'; vgl. māʾbi 'blieb'" 103], 'meine weißen Berge (b l e i b e n d) blieben' 37a, nɯkkɛzɛŋdᵊŋ m ā ʌ a koi̯ōbiʾi 'ihre Weiber blieben zurück' 90, 'ihre Frauen (b l e i b e n d) blieben (d. i. blieben zu Hause)' 37a, k̬ān m ā ʌ a -koi̯ōbi 'der Kaiser blieb zurück' 89, 'der Kaiser (b l e i b e n d) blieb (d. i. blieb allein)' 37a; vgl. māʾbi, maʾābi 'blieb' 37a.

54 mandōla (Ger. von mandōl'am 'смотрю'), Part.Präs. mandō-laibenä CM 117 (s. auch 3); māzərōɣon m ə n d ō ʌ a di nɛ båʾʌuβi bɪsitti 'a l s s i e [i h n] in der Rauchöffnung s a h, dieses Weib ließ ihr essen' 90, vgl. mandō̥l'o̥m 'suchen, nachsuchen, sehen, betrachten' 37b.

55 m å r ɐ̥ ŋ d ᵊ ʌ a -mə̥ŋ̀gɛ-tʿɯžo̥i̯ 'Geltkuh' 38b, 76a, wörtlich 's c h l i e ß e n d gehende Kuh', vgl. måråŋdᵊ-l'åm 'enden, schließen, beendigen, zu Ende sein' 38a.

56 m ā̆ n ᵊ t l a ʾ mᵊŋ̀gɛm 's c h l e i c h e n d gehen' 38a, m[eŋ̀gei̯·] m ā̆ n ᵊ t l a ʾ mᵊŋ̀gɛ 'der Fuchs geht s c h l e i c h e n d' 39a; vgl. mā̆nᵊtl'åm 'schleichen' 38a.

57 m ə l'ɛ məŋgɛm 's p r e c h e n d gehe ich' 175, vgl. mᵊl'ɛm 'sagen, sprechen' 37b.

58 məndōʌa (s. 54).

[59]dọ m ə ŋ g ə ʌ ʌ ‿ei mōl'á 'er kann nicht g e h e n' (< *-ʌ̆ʌe‿ei), vgl. moŋgem 'gehen' 40a.

[60]m ə l ɛ ᵓ χåχʌåm 'g e b e n d gehen', vgl. məl'ɛm 'geben, schenken, bezahlen, lassen' 39b.

[61]məllɛ̆ᵓ (Ger. von məŋgĕm 'gehen') 153; milläᵓ (Ger. von miŋäm 'ich gehe') CG 573; m ə l l a -χåndᵊkåm 'ich gehe (eigtl. w a n d e r n d gehe ich)' 175.

[62]m ə n ž ᵊ l ɛ oᵓbdōlbi 'hob auf', eigtl. 'h e b e n d hob auf', bu m ə n ž ə l e ᵓ uᵓʌaᵓbᶜᵌ 'das Wasser quillt hervor', eigtl. 'h e b e n d quillt hervor'; vgl. mənžᵊl'ɛm 'heben, aufheben, hervorziehen, hervorholen, herausholen' 40.

[63]milläᵓ (s. [61]).

[64]molaᵓ (Ger. von mōl'åm, mōlⁱiăm 'werden; kommen; geschehen; können') 163; molaᵓ (Ger. von molam 'ich werde') CG 577, CM 181; tirlele d'eᵓde m ă ᵓ l' e ᵓ u ʌ u tirluᵓbi 'hüpfend auf die Erde k ö n n e n d Uʌu sprang' 97, šāškan m ó ʌ a ńerguᵓuᵓʌubi 's i c h als Elster s t e l l e n d ließ er sich vom Fluge herab', bužе bāzuᵓ uŋkāba m ō ʌ a tᶜunōʌbi 'der Alte s i c h wieder als Bär s t e l l e n d lief' 98, tăn kådə mᵒ l a ᵓ ïᵓþəʌ? 'du, wie d i c h b e f i n d e n d du liegst?' 99; "Part." mola ibenä CM 181, wörtlich 'werdend liegend' (s. auch[3]).

[65]m ā ŋ n a nuka 'es tröpfelt' 42b, eigtl. 't r ö p f e l nd steht', bū m i a ŋ ᵓ l a ᵓ sōn amnaᵓiᵓ nūnan itlgənde 'b e i m S t r ö m e n des Wassers kommen sie [sitzend] unter eine steile Felswand' 91-92, eigtl. 'f l i e ß e n d'; vgl. mäŋńåm, miăŋńåm 'fließen, laufen, tröpfeln' 42b.

[66]ᶜpånᵊ n a n d a i l a ᵓ ‿ńukå 'steht gegen den Baum g e -

n e i g t', vgl. nandail'åm 'neigen (sich neigen)' 43b.

67ńi° n ā n z ə l a məŋgɛ 'der Adler fliegt s c h w e b e n d, schwebt', vgl. nānzəl'åm 'fallen, stürzen, herunterstürzen; schreiten, gleiten; schweben, herunterschweben' 43b.

68nerēlɛ° (Ger. von nerēl'iem 'ich werde erschreckt') 146-147; nerelä° (Ger. von nerel'äm 'ich erschrecke') CG 559, n e r e l ä ° kambi 'и с п у г а л с я д а ушел' CM 107, eigtl. 'e r s c h r e c k e n d ging fort'; Part.Präs. nereleibenä CM 107 (s. auch 3).

69n ē r b ə l ɛ ° nuγåm 'wahrsagen, eigtl. s p r e c h e n d stehen', vgl. nērbəl'ɛm 'sagen, aussagen, erzählen, antworten, bestimmt erklären, seine Meinung frei aussprechen' 45a.

70nuλa° (Ger. von nŭγå·m 'stehen') 149; nula° (Ger. von nugam 'ich stehe') CG 562, (Ger. von nuga·m 'стою') CM 272; t'aλāš ńi n u λ a šoλa uzubi 'ein nackter Knabe s t e h e n d kommend fiel' 85; ei nula° (Ger. von em nu° 'не стою') CM 183. n u l a ° i°büm 'стою' CM 186, nula°ibüm 'stehen' CW 185a; eigtl. 's t e h e n d liege ich'. Part.Präs. nuleibena CM 113. (S. auch 3.)

71ń ə r g ɯ l ɛ ° uzubi 'schwang sich, ließ sich herunter, ließ sich fallen' 48b, eigtl. 'a u f f l i e g e n d fällt', vgl. ńərgɯl'ɛm 'auffliegen, in die Höhe fliegen' 48a; ń i r g ō · r a s šo'bi: 'он прилетел' KH (?? -s-š- < -°-š-), eigtl. 'h e r b e i f l i e g e n d kam er'.

72o ° p λ ei mol'iom 'ich kann [ihn] nicht a u f s a m m e l n' 86 [A. J. Joki: "offenbar = o°p(ə)λ(ɛ)" 102], vgl. o°pəl'åm 'sammeln, zusammenbringen; mieten' 49b.

73orārleigäm 'вою' CM 174 < *o r ā r - l a (°) igäm

'h e u l e n d bin ich', vgl. orārlam 'heulen', igäm 'ich bin' CW 179a (s. auch [10]).

74 ʿpaˀlaˀ (s. [80]).

75 ʿpalaˀ (Ger. von palʿim 'делаю, доспею'), Part.Präs. ʿpalaibena CM 119 (s. auch [3]).

76 ʿp ə k t ᵊ l a saˀm̀ᵊbi 'barst, eigtl. b e r s t e n d fiel' 50b, p ə k t l ə sāˀm̀obi 'sie platzte' 88, digᵊti simat p o k t l a saˀmobi 'dann platzte ihr Auge e n t z w e i', āmi simat p o k t l a samobi 'ihr anderes Auge platzte', ami simat p o k t l a saˀmobi id. 197; vgl. pəktᵊlʿám 'knallen, krachen; bersten, platzen' 50b.

77 ʿpārgălaˀ (Ger. von ʿpārgəlⁱiăm 'schnitzen') 155; ʿpārgalaˀ (Ger. von ʿpārgalʿam 'ich schnitze') CG 560.

78 ʿpārlaˀ (Ger. von ʿpārlam 'Ворочусь') CM 126. p ā r l a šōbi 'z u r ü c k k e h r e n d kam sie' 97, ʿp ā r l a šobi 'kam zurück' 51a, bāzəˀ ʿp ā r l a šōbi 'wieder-um z u r ü c k k e h r e n d kam sie', tiʏittᵊ ʿp ā r l a šōbⁱiam 'dann z u r ü c k k e h r e n d ich kam' 98, səri inēzᵊbi ʿp ā r ʌ a amna 'der mit dem weißen Pferde Versehene z u r ü c k k e h r e n d sitzt' 92, ʿp ā r ʌ a amnam 'zurückkehren, -gehen, sich wenden'; vgl. ʿpārlʿam, ʿpārlʿam id. 51a. Part.Präs. ʿpārlaibena CM 126 (s. auch [3]).

79 ʿpelɛ (s. [83]).

80 ʿpəˀlăˀ (Ger. von ʿpəˀlⁱiăm 'schwimmen') 151; ʿpaˀlaˀ (Ger. von ʿpaˀlʿam 'ich schwimme') CG 567.

81 ʿp ə ń ɪ l e məŋgɛm 'sich s c h w i m m e n d fortbewegen, fahren' 52a, n/āˀm/ ʿp ə ń ɪ l e məŋgɛ 'die Ente geht s c h w i m m e n d, schwimmt' 43a; vgl. ʿpəńīlʿɛm 'stromabwärts fahren, schwimmen, stromabwärts schwim-

men' 52a.

82 pĭmnɛ̆ˀ (Ger. von pĭmn¹iĕm 'fürchten') 150; pimnäˀ (Ger. von pimnäm 'ich fürchte') CG 564-565.

83 p ¹ e l l ɛ kaʌat'ərbi 's u c h e n ging er' 93, əmbĭm p i l ɛ ˀ məŋgəʌ? 'was s u c h e n d gehst du?' 89, iāb ə p e l ɛ kàmbi 'die Mutter z u s u c h e n ging er' 197, man χallam nɛ p i l ɛ 'ich gehe ein Weib s u c h e n' 94, 'ich gehe, ein Weib z u s u c h e n'175; vgl. pèl'em, pil'em 'bitten, ersuchen, den Anfang machen, попросить' 52b.

84 p i l ä ˀ -kallai 'поспеть', p i l ä ˀ -kambi 'поспел' CM 175, p i l ä -kallei 'поспевать', p i l ä -kambi CM 306; eigtl. 'r e i f e n d geht fort', 'r e i f e n d ging fort'; vgl. pil'äm 'reifen' CW 190b.

85 pinzilläˀ (s. [88]).

86 pištinzileigäm (s. [10]).

87 poktla, poktla (s. [76]).

88 pŭnzəllɛ̆ (Ger. von pŭnzəll¹iĕm 'verschlucken') 157; pinzilläˀ (Ger. von pinzill'äm 'ich verschlucke') CG 566.

89 p a i l a -məmbi 'ging H o l z h a u e n' 197, vgl. pài-l'om 'Holz hauen, hauen' 50b.

90 sàmàilaˀ 'suchen [wohl richtiger: fangen; vgl. Wb. saməi-l'àm]' 195b, s a m o i l ɛ məlleibi 'j a g e n ging er', nit s a m o i l a tŭššulɛbi 'ihr Sohn erlernte d a s J a g e n' 197, kàλdəñ s a m ə i l a ˀ χ[àλʌàm] 'Rentiere f a n g e n gehen' 25b.

91 neñ piˀmɛ̆ndə t'ĕlində s e k t ɯ ə l ɛ k'ɯlɛʌ 'am Bande eines Frauenrockes d i c h a u f h ä n g e n d stirbst du' 91, vgl. sektɯəl'ɛm 'sich hängen, sich aufhängen, sich werfen, sich stürzen' 58b.

92 s ɪ r ɛ̄ r l a ˀ amnəl'àm 'treiben, einem nachsetzen' 59a,

mănă d'uksu s ı r ɛ̄ r l a ͻ amnᵊɣuba sı̄n kurābᵊ 'mir entgegen jage er einen männlichen sibirischen Hirsch' 100 [A. J. Joki: "Wörtlich: 'fahrend möge er sitzen' (d. h. 'sitzend möge er fahren')" 118]; vgl. sırɛ̄rl'ɛm 'verfolgen, jagen, nachjagen, treiben' 59a.

93 śārlaͻ 'zum Spaß' 61a, ś ā r l a ͻ nērbᵊl'ɛm 'z u m S p a ß sagen' 45a, 61a; vgl. śārᵊl'åm 'spielen, Musik machen, spaßen, Spaß machen, mit einem tändeln, sich amüsieren, sich unterhalten' 61a.

94 dəțᵊ ś ɯ ͻ l a ‿ɣandᵊɣaci 'dann siedelt er über' 93, eigtl. 'dann ü b e r s i e d e l n d geht er fort', vgl. śuͻl'åm 'übersiedeln, (das Zelt) verlegen' 61b, kᶜåndᵊɣam 'abreisen, gehen, fahren, weggehen, fortgehen; kommen' 26a.

95 kodᵊ maʌa š ā m n a ͻ iͻ þəʌ? 'wie dich befindend l i e g e n d liegst du?' 99 < *šām-la(ͻ), vgl. šāmᵊl'åm 'liegen' 62a; tə̂n š â m n ă ͻ ᵌ kᶜuzā.' 'ты вруша человек [= ты врун]', vgl. śi‿šåmńåɫ 'не врешь' КН.

96 tēͻdᵊ tᶜiβi oͻb ɯžɯn š ɛ̄ r ͻ l ɛ noɣaciͻ 'vier Männer eine Mütze s i c h a u f s e t z e n d stehen' 86, vgl. šɛ̄rl'ɛm 'sich ankleiden, sich anziehen, anstecken; ...' 63a.

97 šeͻbläͻ (s. 103).

98 bāzoᵊ sı̄ŋdi ı̄net š o ʌ a ɯzɯbi 'abermals sein Pferd auf die Knie [k o m m e n d] fiel' 92, vgl. šǒl'åm 'kommen' 65a.

99 šö̆ͻlɛ̆ (Ger. von šö̆ͻl'ı̄m 'nähen') 159; šöläͻ (Ger. von šöͻ-l'im 'ich nähe') CG 571.

100 šɯͻmlɛ (s. 127).

101 š ɯ l ɛ ͻ χåλåm 'wörtlich: e i n t r e t e n d kommen, gehen (bedeutet, daß man nur für einen Augenblick her-

einkommt)', vgl. šuᴧ'εm 'eintreten, hinkommen, hinein-, hereinkommen' 66a.

[102] šidə tᶜïβi kōža t'ārgo š ɯ r l a χānd°kai' 'zwei Männer nebeneinander um die Wette l a u f e n d gehen' 87, vgl. šɯrl'εm 'laufen' 66b.

[103] š à ᵓ. ᴧ ʌ a ᵓ χånd°kam 'gehen, u m s i c h z u v e r s t e c k e n', vgl. šaᵓl'àm 'sich verbergen, sich verstecken' 62a; šeᵓbläᵓ (Ger. von šeᵓbläm 'ich verberge mich') CG 569–570.

[104] kubinde uʌār tᶜa l i ᵓ ńe d e l ε 'als er das Schaf z e r r i s s e n sah' 95 [A. J. Joki: "Wb. tᶜalin ńedel'εm 'zerrissen'" 113].

[105] tᶜanarlaᵓ (Ger. von tᶜanarl'am 'ich ruhe') CG 564.

[106] tᶜalarleigäm (Frequ. von tᶜalarl'am 'ermüden') CW 186a, tᶜalarleiga·m 'устаю', vgl. tᶜalarl'am 'устану' CM 223; < *tᶜa l a r l a (ᵓ) igäm 'e r m ü d e n d bin ich', vgl. igäm 'ich bin' 179a (vgl. auch [3]).

[107] tᶜə ȟ a r ° l a ᵓ məŋgεm 'k r i e c h e n d gehen', vgl. tᶜəȟär°l'àm 'auf allen vieren kriechen, kriechen' 69a.

[108] t ə r l ē l ε šōbi 'h ü p f e n d kam er', βāz° t e r l ē l ε d'ōrlaᵓbə 'wieder s i c h w e r f e n d weint er' 96, tən orōn° t ə r l ē l ε мвлал-a? 'kannst du in die Grube h ü p f e n?', t i r l e l e d'eᵓde mäl'εᵓ u ʌ u tirluᵓbi 'h ü p f e n d auf die Erde könnend Uʌu sprang' 97, bāză d'ōrlaᵓ tᶜə̑ r l ē l ε kuiōbi 'wieder weinend s i c h w e r f e n d stürzte er sich' 95, ōᵓᵇ di d'aʌaš lε t i r l ē l ε m°ŋgε allein dieser leere Knochen s i c h d r e h e n d geht', ōńiᵓ lε, šɯškə t i r l ē l ε m°ŋgε 'allein der Knochen, der Schulterblattknochen s i c h d r e h e n d geht' 94; vgl. tᶜə̑rlēl'εm, tᶜərlēlεm 'werfen, umschütteln' 71a.

109 tᶜə̂ r l ə̂ r l a ᵓ saᵓm̀ᵊbi 'k l i n g e n d fiel', vgl. tᶜə̂rlə̂rl'âm 'herabfallen, hinunterfallen, klingen (die Bogensehne)' 71b.

110 tirlele, tirlēlɛ (s. 108).

111 mǎǹ tᶜōrᵘ Inɛn tᶜōru kunda tᶜ o ᵓ l̀ a -yuńɪm 'ich zerreiße die braune Mähne des braunen Pferdes' 91 [A. J. Joki: "Wörtlich: "schlagend bringe ich fort" 108], vgl. tᶜoᵓ-l̀'âm 'schlagen, zuschlagen; ...' 73a.

112 t ō g o n e r l a igäm 'работаю', t ō g o n e r l a ibäm vgl. tōgonerliam id. CM 276. Eigtl. 'a r b e i t e n d bin ich', 'a r b e i t e n d liege ich'.

113 tᶜōnuᵓᵈlǎᵓ (Ger. von tᶜə̌nǔᵓᵈlⁱiǎm 'treten') 157-158; tᶜō-noᵓlaᵓ (Ger. von tᶜōnoᵓl'am 'ich trete') CG 567.

114 tᶜ u b l a ᵓ iᵓbüm 'гребу' CM 186, tᶜ u b l a iᵓbüm id. CM 222, tᶜ u ᵓ b l a ᵓ iᵓbüm 'rudern', vgl. tᶜuᵓb-l'am id. CW 187a; eigtl. 'r u d e r n d liege ich'.

115 tᶜula (Ger. von tᶜulam 'оживу'), Part.Präs. tᶜuleibenä CM 105 (s. auch 3).

116 t u ʌ a ᵓ šōl'âm 'hinkommen, ankommen' 65a, t u ʌ aᵓ šō-bⁱiâm 'ich kam z u m Z i e l e' 74a, t u ʌ a ᵓ šōbⁱ-iam 'ich kam z u m Z i e l e (eigtl. z u m Z i e l e a n k o m m e n d kam ich)' 175, (?) tᶜ ŭ l ɛ məŋgɛm 'traben, schnell laufen' 75b, eigtl. 't r a b e n d gehe ich'; vgl. tᶜul'âm 'zum Ziele kommen, anlangen, ankommen, weiterkommen, hervorkommen' 74a.

117 t u n ō l d ᵊ l a šōbi 'sie kam t r a b e n d', diᵓɣin tᶜ u n ō ʌ d ᵊ l a mᵊᵓʌ̀ɛbi 'dort t r a b e n d fand er' 93; vgl. tᶜunōʌdᵊl'âm 'galoppieren' 74b.

118 tᶜ ŭ ᵓ l ᵕeiᵕm̀ᵊlⁱiɛm 's c h e i ß e n kann ich nicht' 86 [A. J. Joki: "man würde tᶜŭᵓlɛᵓ erwarten ... Vielleicht ist -ɛᵓ nicht hörbar gewesen, da das folgende Wort mit

e beginnt" 102], vgl. t^c^ɯ^ɔ^l'em 'seine Notdurft verrichten, scheißen' 75a.

119 t^c^ɯ̄lɛ (s. 116).

120 t ɯ š ə l ɛ ^ɔ^ χ̌ăλăm 'ich gewöhne mich (eigtl. l e r n e n d gehe ich)' 175, vgl. t^c^ɯšəl'ɛm 'lernen, erlernen, verstehen' 75b.

121 u^ɔ^btulgut buga^ɔ^iim kāzər^1^iim šeimüt'še t' ɯ g a m ɯ ^ɔ^ ʌ ɛ 'laßt die wilden Stiere mit seiner Stute, u m s i e t o t z u s t o ß e n' 175, vgl. t'[ugа] mumər^ə^l'om 'zu Tode schlagen' 79a.

122 t' ü l ä -kallam 'ich wärme mich' CW 180b, 'согреюсь' CM 226, t' ü l a -kallam id. CM 175, t' ü l a -kambiam 'согрелся', t' ü l a -kandagam 'согреваюсь' CM 306; eigtl. 'w ä r m e n d gehe ich fort' usw., vgl. t'ülam 'согреюсь' CM 226.

123 t'abōλa^ɔ^ (Ger. von t'ăbōmă·m 'halten') 155-156; t'aβola^ɔ^ (Ger. von t'aβomam 'ich halte') CG 561; t' ā b ə l a su-sōbi^ɔ^i^ɔ^ (di^ɔ^e^ɔ^) 'f e s t n e h m e n d gingen sie fort' 92, t' a b o l -amnəd 'f e s t h a l t e n d sitzt sie' (-l‿a- < *-la‿a-); vgl. t'abōmam 'festnehmen, festhalten, halten' 76a.

124 t' ś i l d ə l ɛ ^ɔ^ ei^ɔ^ mōl'ām 'a u f h e b e n kann ich sie nicht' 86, vgl. t'śild^ə^l'ɛm 'aufheben, heben' 78b.

125 t' ś i t ə l ɛ ^ɔ^ mănnu^ɔ^bi 'floß h e r v o r s p r i t z e n d' 42a, 's t r ö m e n d floß', vgl. t'śit^ə^l'ɛ 'spührt, spritzt, speit, stürzt, strömt' 79a.

126 u ^ɔ^ l a sa^ɔ^məbi 'a u f s t e h e n d fiel er nieder' 95, u ^ɔ^ l a sa^ɔ^məbi 'sprang auf'; vgl. u^ɔ^l'ām 'aufsteigen, steigen, treten; ...' 80b. u ^ɔ^ b l a ^ɔ^ i^ɔ^büm 'встаю' CM 186, 'ich stehe auf', vgl. u^ɔ^blam 'aufstehen' CW 186a, eigtl. 'a u f s t e h e n d liege ich'.

127 u ɔ b m ə̂ l ε ɔ məλεm 'l a u f e n d gehen' 79b, nērbəbi (šon ŭ m b ə l á) 'er sagte (l a u f e n d kommend)' 95 (? richtiger ŭbməlá), u ɔ m̀ ə l ε ɔ šǫbi 'kam l a u f e n d (zurück)' 81a, măn u ɔ m̀ ə l ε̌ šōbiam maɔañĭ 'ich kam l a u f e n d nach Hause' 175; vgl. uɔbmôl'εm 'rennen, laufen' 79b, uɔm̀əl'εm 'laufen, rennen, weglaufen' 80b-81a. š ɯ ɔ m l ε naŋbi dɪ ñīnə 'l a u f e n d ergriff sie den Knaben' 93, vgl. hɯɔm̀əl'ám 'laufen' 21a, 111 (š ~ h ~ ∅ ?).

128 ambā·rdə̂ u n ù · i l ə̂ mômb'è·m 'в амбар з а м у к о й ходила', vgl. ùn 'мука' KH. Möglicherweise richtiger unù·‿ilə̂ 'муку брать' (vgl. auch 12, 28)?

129 ɯzɯlε̌ɔ (Ger. von ɯzɯlε̌m 'fallen') 148; üzülä ɔ (Ger. von üzüläm 'ich falle') CG 560; tcōriɣādəl p̄in ɯ z ɯ l ε šōbi 'der Menschenfresser in der Nacht s i c h h e r a b l a s s e n d kam' 90.

130 ülleigäm 'посылаю', vgl. üllüläm 'пошлю', Part.Präs. ülleibeñe CM 275 (s. auch 3, 10).

A b k ü r z u n g e n

Seitenzahl = K. Donners Aufzeichnungen (Donner-Joki 1944).
Abkürzung + Seitenzahl = M. A. Castréns Aufzeichnungen:
CG - Castrén 1854; CM - Castrén 1847; CW - Castrén 1855.
KH - A. Künnaps Aufzeichnungen (Handschriften).

L i t e r a t u r

C a s t r é n, M. A. 1847, Manuscripta Castreniana. Vol. XIX. Samoiedica 13. Kamass-Samoiedica (Handschrift in der Bibliothek der Universität Helsinki).

--- 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.

--- 1855, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg.

D o n n e r, K. 1920. Über die anlautenden labialen spiranten und verschlusslaute im samojedischen und uralischen, Helsingfors (MSFOu XLIX).

D o n n e r, K. - A. J. J o k i 1944, Kamassisches Wörterbuch, Helsinki.

H a j d ú, P. 1961, Lativus és infinitivus kapcsolata a szamojédban. - In memoriam Gedeon Mészöly, Szeged, 119-131.

J o k i, A. J. 1952, Die Lehnwörter des Sajansamojedischen, Helsinki (MSFOu 103).

N. - S e b e s t y é n, I. 1964, Eine ungelöste ungarische Etymologie. - ALHung. XIV, 275-284.

К ю н н а п А. 1967, О присоединении камасинских глагольных деривационных суффиксов к заимствованным словам. - СФУ III, 131-137.

А. К ю н н а п
(Тарту)

КАМАСИНСКИЕ ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ НА -l(v(ˀ))(-), -nv(ˀ)(-)

Р е з ю м е

В камасинском языке много деепричастий и причастий, в том числе деепричастие на -l(v(ˀ))(-), -nv(ˀ)(-). У показателя этого деепричастия очень много фонетических вариантов. Рассматриваемое деепричастие выражает обычно образ действия главного глагола. А. Й. Йоки указывает, что оно может служить и для выражения цели, а также быть использовано в качестве отглагольного имени.

В статье приводится перечень камасинских деепричастных форм на -l(v(ˀ))(-), -nv(ˀ)(-).

В.А. Л я ш е в, ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫМСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ ЯЗЫКА. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар, 1975, 267 стр.

17 октября 1977 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации научного работника Института языка, литературы и истории Коми филиала Академии наук СССР В.А. Ляшева на тему "Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка". Официальными оппонентами выступали д.ф.н. профессор П.Ю. Алвре (Тарту) и к.ф.н. А.И. Туркин (Таллин).

На диалекте, которому посвящена кандидатская диссертация В.А. Ляшева, говорят в бассейне реки Вымь, на северо-западе Коми АССР. Хотя вымский диалект, согласно имеющимся у нас данным, в древности частично был основой письменных памятников на языке коми, однако до сих пор в целом он не привлекал должного внимания со стороны специалистов-исследователей. Правда, об особенностях этого диалекта говорится в кандидатской диссертации М.И. Фроловой ("Именные категории верхне-вымских говоров северного диалекта коми языка", 1952), но полного и всестороннего описания этого диалекта коми языка не имеется. Даже само понятие данного диалектного региона появилось сравнительно недавно - в 50-ые годы.

Исследование В.А. Ляшева базируется в основном на данных, собранных автором в течение 1972-1975 гг. в 25 населенных пунктах, расположенных на территории вымского диалекта. Кроме того, в работе учтены и использованы материалы письменных памятников, обработанные в той или иной мере другими исследователями. В разделе фонетики как палатограммы, так и другие виды лингвистических данных разработаны на экспериментальной основе. Автор в полной мере владеет методикой исследования и хорошо знает материал.

Основные проблемы диссертации освещаются в двух главах: "Фонетические особенности вымского диалекта" и "Морфологические особенности вымского диалекта". Ценный лингвистический материал представляют собою приложения: палатограммы согласных, связные тексты и список топонимов бассейна реки Вымь. Во вводной части излагается история изучения вымских говоров и краткий очерк истории формирования диалекта. К работе приложены три цветных схемы и целый ряд таблиц. Богатый фактический материал хорошо систематизирован, в результате чего при знакомстве с диссертацией создается четкое и ясное представление о каждой отдельной его части.

При выявлении и описании особенностей вымского диалекта автор прибегает прежде всего к сравнению их с сыктывкарским диалектом, являющимся основой литературного коми языка, однако в случае необходимости используются данные и других диалектных регионов. Вместе с тем, автор пытается последовательно не упускать из вида и возможные различия между тремя зонами самого вымского диалекта. Положительной стороной подобного подхода является то, что при небольшой затрате места удается описать своеобразие многих диалектов и говоров, однако в результате этого страдает целостность описания диалекта. В парадигмах неизбежно образуются пустые места, заполнение которых в ходе дальнейшего исследования может причинить немало хлопот. Как бы предупреждая эти явные узкие места подобной методологии, автор диссертации пытается время от времени давать и полные парадигмы, опираясь при этом на особые наглядные таблицы.

Несмотря на то, что территорию коми языка можно охарактеризовать как нуль-эловый диалект, отдельные говоры его отличаются своими особыми фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями.

В первой главе (стр. 28-89) рассматривается прежде всего вокализм вымского диалекта, который отличается характерной для всей пермской языковой группы особенностью - наличием долгих гласных (ē, ī̯, ē̯, ū, ō). Языковые данные письменных памятников свидетельствуют о том, что в I7 - I8 вв. e - e̯, а также i - i̯ фонематически в непервом слоге еще не различались. Что касается гласного u, частота употребления которого в непервом слоге составляет всего 0,I%, то заслуживает внимания указание автора, согласно которому при междиалектном чередовании u - o проявляется рефлекс заднерядного закрыто-

го ô, функционировавшего в свое время в древнем вымском диалекте. Данные относительно употребления фонемы a в примерах CVC и CVV лишь отчасти верны (стр. 39). По-видимому, там же на месте символа CCV должен быть символ -CCV. Подобные небольшие погрешности встречаются и в других частях диссертации.

В.А. Ляшев исследовал природу, специфику долгих гласных экспериментально, причем совершенно обоснованно он отметил, что степень их долготы зависит от целого ряда факторов: от самой гласной, от темпа речи, от подударного слога и т.д. Однако во всех без исключения случаях им присуща фонематическая функция. Из числа долгих гласных в современном вымском диалекте отсутствует ī, однако в прежнее время этот звук, несомненно, был в употреблении, так как его можно наблюдать в других местностях, связанных с их колонизацией вымским диалектом. Поскольку основная часть долгих гласных образовалась в результате вокализации в конце слога, постольку они могут занимать начало, середину слова, а также и абсолютный исход. Дистрибуцию долгих фонем и иллюстрирующие ее примеры неплохо было бы представить на страницах диссертации несколько более обстоятельно, так как сейчас в ней нет, например, сведений и примеров относительно употребления ē в начале слова, а также ū в середине слова (стр. 41).

В настоящее время сфера употребления долгих гласных расширилась за счет таких образований, которые не имеют ничего общего с этимологией - подобные случаи удлинения могут быть и перед звонкими согласными (напр. gǯr > gǯ^{i}r 'ступа'). Однако, как вполне обоснованно указывает В.А. Ляшев, исходным для долгих гласных в вымском диалекте является изменение и переход: l > w > гласный звук. В порядке уточнения следует добавить, что, подобно аналогичному процессу перехода велярного l в вепсском языке, согласная фонема l всегда вначале переходит в звук u, который затем сливается с предшествующим гласным звуком и образует долгий гласный. Непосредственный переход в долгий гласный возможен лишь в случае изменения ul > ū - во всех других случаях долгому гласному предшествует, видимо, дифтонгическое звучание.

В разделе вокализма интерес представляет - с позиции сопоставительного исследования - материал, связанный с лабиальной ассимиляцией, а также с выпадением гласных в середине и конце слова, что характерно и для многих других финно-

угорских языков.

В разделе консонантизма подробно рассматриваются особенности употребления аффрикат, а также различные пути модификации согласных звуков. Согласные фонемы (всего 26) в основном те же, что и в сыктывкарском диалекте. Так как в основу приведенного в работе перечня фонем положен латинский алфавит, нельзя согласиться с порядком рассмотрения букв, свойственным русской азбуке (b,v,g,d и т.д.). В таблицу согласных (стр. 57), вместе с тем, прокрались ошибки, связанные с обозначением аффрикат (вместо z, ź, c, ć должно быть ʒ, ʒ́, č, č́).

Наблюдения автора относительно прогрессивной и регрессивной ассимиляции, диссимиляции, метатезы, а также иных модификаций согласных звуков во всех отношениях обоснованны и снабжены богатым иллюстративным материалом. Кстати, диссимиляция типична, как правило, для русских заимствований, и, по-видимому, как справедливо отмечает диссертант, они проникли в язык коми в такой именно форме с диссимиляцией согласных (komlat 'комната', śekĺetar 'секретарь' и др.).

Ударение в вымском диалекте в основном свободное, нефиксированное, но оно зачастую переходит на долгие гласные, а также на фонему a в непервых слогах, поскольку это сильный гласный звук. По мнению диссертанта, в этом отношении в вымском диалекте сохраняются исходные позиции ударения, что представляется заслуживающим внимания и доверия. В порядке сравнения отметим, что сонорность гласного a может не только обусловливать переход на него ударения, но и оказывать положительное влияние на сохранение слога, что мы, например, и наблюдаем при апокопе в ливском языке (в том случае, если в конце слова все остальные согласные утрачиваются).

Во второй части диссертации ("Морфологические особенности диалекта") описываются части речи в вымском диалекте (90–183 стр.), причем в этой главе приводятся определенные сведения относительно деривации, а также синтаксический материал, а именно при рассмотрении, как и следовало ожидать, союзных слов.

В отделительном падеже этого диалекта употребляется вариативное окончание -śaań, -iśeǯ. Своеобразие заключается в окончании -iśeǯ, которое возникло в результате контаминации окончаний элатива и терминатива. Что же касается форматива -li, то, по мнению В.А. Ляшева, этот форматив имени, выпол-

няющий в диалекте функцию подлежащего и прямого объекта, нельзя считать новообразованием, поскольку корни его устанавливаются в письменных памятниках I8 века. Опираясь на предположение Б.А. Серебренникова, диссертант считает, что этот форматив носит эмфатический характер, причем это скорее не падежное окончание, а частица, придающая слову усилительно-выделительное и определительно-указательное значение.

Учитывая анализ суффиксации имен в диссертации Т.И. Фроловой, автор работы ограничивается описанием и выявлением особенностей суффиксации в вымском диалекте. Следовало бы, видимо, в целях наглядного обзора все-таки снабдить перечень суффиксов образцами слов. В слишком кратком и недостаточно конкретизированном описании суффиксации отсутствует, вместе с тем, и рассмотрение функционального значения суффиксов.

На своем месте - полная с позиций наличия параллельных форм - таблица личного и лично-притяжательного склонения имен существительных, однако она была бы еще более наглядной, если бы каждое окончание иллюстрировалось образцами слов - хотя бы на одном участке вымского диалекта.

Рассмотрение категории глагола также выиграло бы с точки зрения конкретности, если бы в известных случаях были приложены примеры-иллюстрации. Так, например, на стр. I25 отмечается, что формы будущего времени образуются от общефинно-угорского *lе, дошедшего до общепермского языка в форме *lо. Там же дается и парадигма спряжения этого глагола, но поскольку следует учитывать в данном случае аналитические формы будущего времени, приведенная парадигма не может служить иллюстрацией, примером, образцом описываемого языкового явления.

При рассмотрении послелогов в ряде случаев перечисляются лишь основы слов (стр. I73), что не раскрывает и не конкретизирует возможности их употребления в трех различных падежах. Оправдываться экономией места в данных случаях вряд ли допустимо, тем более что иногда приводится даже слишком много примеров - напр. на стр. I26, I27, где употребление форм претерита иллюстрируется примерами, занимающими по меньшей мере полстраницы.

В целом, однако, анализ глаголов и всех других частей речи четок и конкретен, как и не вызывающие возражения выводы автора диссертации. Так, не вызывает сомнения, что форма 3 лица ед. числа munas 'он пойдет' (стр. I22) представляет

собою реликт, что суффикс -as - это рефлекс исконного прафинноугорского личного окончания 3 лица -se. Не вызывает возражения и установка диссертанта относительно происхождения форм сложного будущего времени и сравнение их с аналогичными формами в прибалтийско-финских, удмуртском и хантыйском языках, а также целых ряд других установок. Оспаривать, пожалуй, можно было бы лишь образование формы типа munmiśt 'после того как ушел' (стр. 160, 182), так как вряд ли мы имеем в данном случае дело с архаической глагольной формой, поскольку с точки зрения истории языка мы должны все-таки исходить из утраченной в современном языке формы отглагольного существительного с элементом -śm. Об утрате элемента -śm в диалектных формах причастий говорит, между прочим, и сам диссертант (на стр. 165).

Не совсем точно сформулированы на стр. 134 данные о категории вида, согласно которым суффикс ś, указывающий на длительность протекания действия или состояния, послужил в удмуртском языке базой для образования 1 и 2 лица настоящего времени, так как в удмуртском языке употребляется суффикс -sk- (не ś).

При описании частиц и союзных слов необходимо было бы обязательно указать, что большая часть их заимствована из русского языка.

С технической точки зрения работа в целом выполнена корректно и аккуратно - можно было бы отметить лишь отдельные погрешности машинописи и на стр. 49 указание ошибочного номера ссылки (вместо 14 должно быть 150).

Автор хорошо осведомлен в научной литературе по специальности (в работе приведено 150 названий), наиболее существенные проблемы диссертации рассмотрены в семи опубликованных статьях диссертанта, которые перечислены в заключительной части автореферата.

Небольшие погрешности, носят, повторяю, технический характер (по всей вероятности, это обусловлено сокращением первоначального варианта диссертации) и ни в коей мере не снижают ценности работы по содержанию.

В.А. Ляшев избрал темой своей кандидатской диссертации очень актуальную проблему, о чем свидетельствует и внесение данной исследовательской темы в план исследования государственных научных учреждений. Диссертант прекрасно справился с лингвистическим описанием и всесторонним научным анализом до

сего времени неизученного диалектного региона, что говорит о его зрелости как научного работника. Заключения и выводы, изложенные на последних 6 страницах работы, представляют собою новые и интересные данные - они в целом вполне достоверны и не вызывают возражений. Помимо чисто научной ценности, диссертация В.А. Ляшева имеет и практическое значение: ее материалы и выводы могут быть использованы в ходе составления научной грамматики языка коми, отчасти и при составлении учебников и учебных пособий, а также в сравнительно-сопоставительном исследовании финно-угорских языков.

П. А л в р е (Тарту)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФОНЕТИКЕ СИБИРСКИХ ЯЗЫКОВ (Сборник научных трудов под редакцией д.ф.н. Е.И. Убрятовой, д.ф.н. М.И. Черемисиной, В.М. Наделяева), Новосибирск, 1976, 180 стр.

Рецензируемый сборник включает статьи по звуковому строю языков Сибири – тюркских, самодийских, бурятского и эвенкийского: Н.П. Бельтюкова, Ртовые малощумные в долганском (стр. 3–25); И.Я. Селютина, Дентопалатограммы кумандинских согласных (26–62); Н.Н. Широбокова, Губные согласные в якутском языке (63–74); она же, Переднеязычный проточный С (175–178); Я.А. Глухий, Губные фонемы энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным (75–103); Я.Н. Попова, Система консонантов в туровском говоре лесного наречия ненецкого языка (104–119); А.К. Столярова, Переднеязычные согласные фонемы в языке авамских нганасан (120–136); Э.И. Коняева, Мелодемы двусоставных нераспространенных повествовательных диалогических предложений бурятского языка (137–152); М.Д. Симонов, Опыт спектрографического анализа эвенкийских гласных (на материале буантовского говора) (153–174).

В статьях изложены новые материалы, полученные в результате анализа и обобщений экспериментально-фонетических и слуховых данных по ряду языков Сибири. Работы сотрудников Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (руководитель ЛЭФИ – известный советский фонетист В.М. Наделяев) ранее традиционно основывались на материале прежде всего тюркских и монгольских языков. Приятно отметить, что за последнее время в сферу научных интересов ЛЭФИ прочно вошли и самодийские языки. Тем самым исследование фонетики самодийских языков вступает в качественно новый этап. Есть все основания надеяться, что многие неясные вопросы малоизученной фонетики самодийских языков получат свое истолкование и адекватное решение на базе применения современной методики экспериментально-фонетических исследований.

Из всех представленных в сборнике материалов наибольший

интерес для уралистов по понятным причинам будут иметь статьи, посвященные фонетическому строю самодийских языков. На них мы и предполагаем остановиться более подробно (при анализе транскрипция источников сохранена - это система УУФТ В.М. Наделяева, традиционно применяемая в ЛЭФИ; подробнее о ней см.: В.М. Н а д е л я е в, Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции, Москва-Ленинград, 1960; К. В е н д е, Финно-угорская транскрипция, Таллин, 1967).

В статье "Губные фонемы энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным" Я.А. Глухий излагает некоторые результаты своего экспериментального исследования системы консонантизма в диалекте бай энецкого языка. Изучение и анализ языкового материала позволили автору статьи фонически выделить 25 согласных звуков: p, b, m; t, d, n, ϑ, ð, l, r, ʃ', s; ħ, ħç, ɧ, ɧʒ', j, λ, ɲ; k, g, ŋ; h, ɦ; ʔ. На основе дистрибутивного анализа по методике Н.С. Трубецкого были выделены консонантные фонемы диалекта бай энецкого языка в количестве 21. Эти фонемы функционально объединяются автором статьи в три фонематических ряда с условным обозначением ряда символом C с индексом:

C_I	[p]1	[t]1	[ϑ]1	[ɧ]		[k]1	[ɦ]	[ʔ]
C_2	[p]2	[t]2	[ϑ]2	[ħç]	[ʃ']	[k]2		
C_3	[m]	[n] [l] [r]		[ɲ] [λ] [j]		[ŋ]		

Согласные групп C_I и C_2 на основе экспериментальных данных Я.А. Глухий рассматривает как шумные с подразделением их на краткие C_I и долгие C_2, а согласные группы C_3 - как малошумные. Предметом подробного рассмотрения в данной статье Я.А. Глухий берет губные согласные фонемы [p], [p:], [m]. По всем этим фонемам приводятся позиции их употребления, определяется артикуляторная настройка и дается исчерпывающая качественно-количественная характеристика их различных оттенков. Описание иллюстрируется фотографиями губной артикуляции, пограммами (иначе - пневмоосциллограммами, т.е. расчлененными графиками осциллографических кривых от датчиков носа, рта и гортани) и таблицами, в которых приведены данные по абсолютной и относительной длительности оттенков описываемых фонем, а также по качественно-количественному компо-

нентному составу оттенков фонем.

Губные фонемы диалекта бай энецкого языка рассмотрены автором статьи в следующих позициях:

[p]: I) инициально-превокальная [p]V:-, [p]V̆- ; 2) медиально-интервокальная -V[p]V- ; 3) финально-поствокальная -V[p]; 4) медиальная в сочетании с последующим согласным из группы C_2 -V[p]C_2V- ; 5) медиальная в сочетании с последующим согласным из группы C_3 -V[p]C_3V- ;

[p:] :I) инициально-превокальная [p:]V:-, [p:]V̆-; 2) медиально-интервокальная -V[p:]V- ; 3) медиальная в сочетании с препозитивным согласным из группы C_3 -VC_3[p:]V- ;

[m]: I) инициально-превокальная [m]V:-, [m]V̆- ; 2) медиально-интервокальная -V[m]V- ; 3) медиальная в сочетании с последующим согласным из группы C_I -V[m]C_1V- ; 4) медиальная в сочетании с последующим согласным из группы C_2 -V[m]C_2V- ; 5) медиальная в сочетании с препозитивным согласным из группы C_3 -V[m]C_3V- .

В результате рассмотрения экспериментального материала Я.А. Глухий приходит к ряду интересных выводов, Так, выясняется, что для всех губных фонем характерен довольно большой процент щелевой настройки: [p] - от 0 до I00%, [p:] - от 20 до 75%, [m] - в четырех позициях из пяти преграда полностью щелевая или смычно-щелевая (видимо, по этой причине автором статьи в определении губных фонем не приводится характеристика их со стороны способа образования: "фонема [p] - согласный ртовый шумный губной краткий" (стр. 76); "Фонема [p:] - согласный ртовый шумный губной долгий" (стр. 84); "Фонема [m] - согласный малошумный губной" (стр. 96) - эти характеристики выглядят неполными).

Неоднородность артикулярной настройки при произнесении оттенков губных фонем свидетельствует об относительно слабой мускульной напряженности активных органов, проявляющейся как обязательный конститутивный признак рассматриваемых фонем, - следовательно, губные фонемы не могут быть противопоставлены по силе и слабости. Относительно большой процент глухости - I2,9-42,2% в инициальных, 22,2-78,8% в финальных оттенках фонемы [p] и звонкости - 3,8-4,% в инициальных, 9,7-35,2% в интервокальных оттенках фонемы [p:] говорит о том, что глухость и звонкость также не могут квалифицироваться как конструктивно-дифференциальные признаки данных фонем. Далее, в одинаковых фонетических условиях, а именно в пози-

циях [p]v:-, [p:]v:- ; [p]v̆-, [p:]v̆- ; -v[p]v-, -v[p:]v-, оттенки фонем [p] и [p:] четко различаются по временной протяженности, причем относительная длительность оттенков колеблется в определенных пределах, различных для [p] и [p:]. Это позволило автору статьи довольно четко определить зональный характер этих колебаний и констатировать различную временную протяженность (в относительном выражении) в качестве конститутивно-дифференциальных признаков краткости и долготы фонем [p] и [p:]. Для фонемы [m] определяется индифферентное отношение к длительности.

В связи с этим следует отметить, что Я.А. Глухий экспериментально подтвердил для исследуемого диалекта энецкого языка верность известного закона Лагеркрантца о контрастной корреляции между долготными характеристиками корневого вокализма и консонантизма. Так, например, длительность инициально-превокальных оттенков фонемы [p] перед краткими гласными в среднем примерно в 1,3 раза больше, чем перед долгим гласным. Тем не менее, колебания консонантизма констатируются строго в пределах фонематических долгот с небольшими перекрытиями в отдельных случаях, которые, впрочем, могут быть объяснены трудностью определения на программах глухого начала согласного в инициальной позиции.

Как видим, система губных фонем, которую устанавливает Я.А. Глухий для диалекта бай энецкого языка, существенно отличается от данных Н.М. Терещенко (см. Языки народов СССР Ш. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 1966, стр. 440). Список губных согласных звуков, представленный автором статьи (стр. 75), также не совпадает со списками предшествующих исследователей энецкого языка, начиная с М.А. Кастрена. Естественно предполагать, что экспериментальные данные Я.А. Глухого более объективны и надежны, чем данные его предшественников, полученные субъективным аудио-визуальным методом. Однако следует отметить, что в статье наблюдается странное расхождение между частью этих объективных данных и их авторской интерпретацией, своего рода предвзятость в трактовке объективных характеристик описываемых согласных. Создается впечатление, что автор статьи почему-то игнорирует некоторые результаты своего же собственного исследования. Так, совершенно непонятным выглядит тот факт, что в перечень губных согласных звуков (p, b, m - стр. 75) Я.А. Глухий не включает щелевые f и β, хо-

тя имплицитно признает их наличие. Действительно, его утверждение о том, что напряженность артикулирующих органов при произнесении энецких губных смычных согласных очень слаба и что зачастую в артикуляторной настройке при [p] и [m] щелевой момент достигает 100%, должно истолковываться,на наш взгляд, вполне однозначно: здесь определенно выступают тогда φ и в. С этой стороны очевидно несостоятельны и высказывания типа "смычная преграда полностью щелевая" (стр. 103) - nomen est omen!

Скорее всего, указанные недоразумения имеют причиной общую нечеткость позиции автора статьи в отношении трактовки содержания некоторых терминов. Так, например, по материалам статьи затруднительно понять содержание термина "звук": либо это нечто вроде "звукотипа", т.е. своего рода результат определенного обобщения конкретных звучаний, либо это "основной оттенок", либо, наконец, "звук" - это "оттенок", но тогда, как показано выше, в статье содержатся непоследовательности. В целом же статья написана корректным научным языком.

Объектом описания в статье А.К. Столяровой "Переднеязычные согласные фонемы в языке авамских нганасан" являются фонемы [t], [ʒ], [s], [n], [l], [r] , выделенные в группу переднеязычных по активному артикулирующему органу - передней части спинки языка. Методика исследования в целом совпадает с методикой, применявшейся Я.А. Глухим в вышерассмотренной статье, только вместо фотографирования по понятным причинам используется дентопалатографирование.

Материалом исследования А.К. Столяровой послужили записи изолированных слов в произношении одного диктора, носителя языка авамских нганасан. Судя по приведенным в статье таблицам, погирование этих слов (т.е. фиксация пневмоосциллограмм) производилось неоднократно, а до четырех раз - вероятно, с целью исключить фактор случайности. Считаем все же нужным заметить, что для получения объективной картины по рассматриваемым в статье вопросам материалов по о д н о м у диктору явно недостаточно.

Предварительный анализ материала позволил А.К. Столяровой выявить ведущие конструктивно-дифференциальные признаки согласных фонем в языке авамских нганасан - шумность и сонантность, с соответствующим выделением шумных b, t, s, ʒ, ħ, ḫ, k, g, h, ? и сонантных m, n, l, r, λ, ɲ, ŋ фонем. В свою очередь, признаку шумности оказались суборди-

нированы признаки краткости, долготы и неопределеннодолготности, с соответствующим делением щумных фонем на краткие, долгие и неопределеннодолготные. В группе переднеязычных фонем выделены сонанты [n], [l], [r], щумные [t], [ð], [s].

Сразу следует отметить, что, к сожалению, автором статьи не рассматриваются указанные фонемы в консонантных сочетаниях. Таким образом, из-за этого не только страдает полнота описания, но и, более того, читатель получает слишком односторонее представление о возможных условиях выступления переднеязычных фонем. Зафиксированные А.К. Столяровой позиции сводятся в большинстве случаев к двум: I) инициально-превокальная позиция и 2) медиально-интервокальная. Только для [r] отмечена (кроме медиально-интервокальной) финальная -V[r], а для [ð] - медиальная в постконсонантном сочетании с [n] (соответственно, для [n] выявляется тем самым медиальная позиция в преконсонантном сочетании -Vnð- - непонятное отступление от декларированного в начале статьи принципа описания).

По всем переднеязычным фонемам приводится подробное описание артикуляторной настройки и дается краткая характеристика фонемы. Так, фонема [t] определяется как щумный переднеязычный ртовый долгий согласный, [ð] - переднеязычный плоскощелевой-смычный щумный краткий ртовый, [s] - переднеязычный щелевой щумный, [n] - переднеязычный носовой сонант, [l] - переднеязычный щелевой боковой сонант, [r] - переднеязычный мгновеннопреградный срединный сонант. Все переднеязычные согласные фонемы существуют в ряде типичных для той или иной позиции оттенков, подробное описание которых А.К. Столярова дает на основании тщательного рассмотрения экспериментального материала.

По результатам измерений длительности оттенков фонемы [t] в разных позициях автор статьи делает предварительный вывод о том, что долгота [t] зависит от длительностей предшествующих и последующих гласных: в окружении двух кратких гласных [t] достигает максимальной длительности, а в сочетании с долгими гласными и дифтонгами [t] минимально по длительности (результат, аналогичный полученному Я.А. Глухим для энецкого [p], см. выше). Как можно заключить из материалов всей статьи, довольно значительные колебания длительности в сходных условиях прослеживаются и у [s], [n], [l], хотя А.К. Столярова на этом особо не останавливается. В кон-

це статьи она констатирует, что в результате анализа артикуляционных настроек и относительных длительностей шести переднеязычных фонем их можно разделить на две фонематические подгруппы: шумные t, d, s, сонанты n, l, r. В свою очередь, шумные подразделяются на долгую фонему [t], краткую [d], неопределеннодолготную [s]. В пределах своих фонологических длительностей эти согласные фонемы, т.е. долгая [t], краткая [d] и неопределеннодолготная [s] имеют значительные колебания в зеркально-обратной зависимости от временной протяженности окружающих гласных.

Прежде всего, остается неясным, что имеется в виду под "фонологическими длительностями", так как в статье не содержится определения этого явления, не установлен и критерий (или какие-то более или менее определенные границы) фонологичности-нефонологичности долготных характеристик описываемых согласных. Ничего не сказано и о том, какими являются сонанты в смысле долготы как фонематического признака (хотя, как показывает авторская транскрипция слова tal:v 'вчера'- стр. 133, табл. 1 - мы имеем здесь дело с (фонематически?) долгим сонантом [l:]). С другой стороны, описываемая как долгая фонема [t] в той же таблице представлена как краткая - стоит отметить, что и во всей статье обозначение долготы крайне непоследовательно. Все эти противоречия отнюдь не способствуют выявлению какой-то однозначной позиции автора статьи. Получается, что выводы А.К. Столяровой относительно фонологичности долготных характеристик переднеязычных согласных, не будучи подкреплены основательными доказательствами, имеют в значительной мере декларативный характер - во всяком случае, не видно оснований для выделения [t] в качестве долгой, а [s] - в качестве неопределеннодолготной фонемы: колебания их относительных длительностей в сходных условиях представляются вполне идентичными. В инициальной позиции долгота [t] наблюдается в пределах 65,6-101,5%, долгота [s] - 56,9-96,5%; в интервокальной позиции соответственно 98,1-167,6% и 79,1-161,3%. Кроме того, близки к указанным колебания долгот у [n] и [l]. Где же тогда заключена зона "фонологических длительностей"?

В тексте статьи А.К. Столяровой встречаются опечатки и другие погрешности: "интервальных" вм. "интервокальных"(стр. 121, то же на стр. 122); "артикулярная" вм. "артикуляторная" стр. 128); "инициалы" вм. "инициали" (стр. 129); "при ...

занавески" вм. "при ... занавеске" (стр. I28); на стр. I27 в двух случаях не вписаны транскрипционные знаки; в самом начале статьи (стр. I20) частное (переднеязычные согласные) приравнивается к общему (всем согласным) у М.А. Кастрена.

В отличие от двух вышерассмотренных работ, статья Я.Н. Поповой "Система консонантов в пуровском говоре лесного наречия ненецкого языка" основывается на материалах, полученных т о л ь к о методом слухового анализа и визуального наблюдения. В ней рассматриваются следующие вопросы: 1) состав согласных звуков пуровского говора, 2)относительная частотность употребления звуков в пуровском говоре, 3) фонемная соотнесенность согласных пуровского говора, 4) система согласных фонем пуровского говора и их классификация. Основные материалы статьи уже известны по кандидатской диссертации Я.Н. Поповой "Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка", защищенной в I975 г. (см. нашу рецензию в СФУ XII I976, стр. I56-I60 и рецензию А. Кюннапа в **Fenno - ugristica** 3, **Tartu**, I976, стр. I42-I48), поэтому здесь мы ограничимся лишь очень кратким обзором.

В пуровском говоре лесного наречия ненецкого языка Я.Н. Попова зафиксировала 46 согласных звуков, различающихся по качеству и длительности. Все эти звуки подробно описаны ею с артикуляторной и акустической стороны. Был произведен подсчет относительной частотности употребления согласных в зависимости от позиции в слове. Оказалось, что в анлауте встречается 23 согласных, преимущественно смычных (82,9%, щелевых I7,I%); в инлауте - 44 согласных (смычных 89,9%, щелевых I0,I%); в ауслауте - I9 согласных (смычных 63,6%, щелевых 36,4%). В соответствии с их относительной частотностью все согласные говора располагаются автором статьи в ряд, по которому можно судить, что наиболее употребительными в пуровском говоре являются <u>t</u>, <u>m</u>, <u>k</u>, <u>ŋ</u>, <u>n</u>.

Методом дистрибутивного анализа определена фонемная соотнесенность всех согласных звуков пуровского говора и установлена система согласных фонем из I9 единиц, противопоставляющихся по следующим фонематическим признакам: а) по основному активному преградообразующему органу - губные, передне-, средне-, заднеязычные, гортанные; б) по способу образования преграды - шумные (напряженные) и малошумные (малонапряженные), с подразделением на консонанты передних рядов и задних рядов (шумные передних рядов представлены смычными и щелевы-

ми, твердыми и мягкими; заднерядные – смычными, только твердыми); в) по дополнительной работе средней части языка – губные и переднеязычные фонемы подразделяются на твердые и палатализованные. На стр. II7-II9 представлены таблицы по согласным фонемам пуровского говора. В целом статья Я.Н. Поповой дает подробное рассмотрение поставленных в ней вопросов.

Считаем необходимым отметить одну неточность Я.Н. Поповой: "В имеющихся исследованиях по наречию лесных ненцев не выделяются фонемы, а описываются лишь звуки пуровского говора" (стр. I08-I09). Это высказывание справедливо лишь в отношении работы Г.Д. Вербова "Диалект лесных ненцев", тогда как П. Саммаллахти последовательно рассматривает и фонемы лесного наречия (см.: P. S a m m a l l a h t i, **Material from Forest Nenets**, Helsinki, I974, стр. I3-30; см. также упомянутую рецензию А. Кюннапа, стр. I44-I45).

Остальные статьи сборника также интересны, особенно в плане применяемой методики экспериментально-фонетических исследований, но дать конкретное суждение об этих статьях – дело специалистов по соответствующим языкам. В качестве пожелания составителям сборника отметим, что было бы полезным после каждой статьи давать краткое резюме на немецком или английском языках – как это принято в целом ряде изданий.

Материалы сборника "Исследования по фонетике сибирских языков" будут полезны не только специалистами по фонетике тюркских, самодийских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, но и широкому кругу специалистов по общей фонетике и общему языкознанию как у нас в стране, так и за рубежом.

Ю. М о р е в (Томск)

К. Майтинская
(Москва)

ВСЕСОЮЗНОЕ НАУЧНОЕ СОВЕЩАНИЕ ФИННО-УГРОВЕДОВ
(Ужгород, 27-30 октября 1977 г.)

Согласно решению предыдущего совещания, которое состоялось в г. Петрозаводске, на ужгородском совещании собрались только языковеды и литературоведы (без антропологов, этнографов и археологов). Тематика, предложенная Оргкомитетом для обсуждения на данной встрече ученых ("Исследование финно-угорских языков в их взаимосвязи с языками и литературами народов СССР") была установлена по хорошо продуманному соображению: она способствовала объединению интересов языковедов и литературоведов. Кроме указанного преимущества она имела еще и другое: ею заинтересовались не только финно-угристы, но и ученые, изучающие вопросы контактирования других языков и литератур с языками и литературами народов, говорящих на финно-угорских языках. Этим объясняется, что кроме финно-угристов (уралистов) в совещании активное участие принимали также специалисты по славянским, балтийским, германским, романским, тюркским языкам и литературам. Таким образом, участники совещания получили возможность узнать результаты разысканий своих коллег по некоторым другим смежным специализациям и обменяться с ними мнениями. Третьим преимуществом тематики совещания следует считать то обстоятельство, что она разрабатывается довольно многими учеными как в центральных, так и местных научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях. О широком интересе к выдвинутой тематике можно судить по количеству участников: с докладами и сообщениями, а также по их обсуждению выступило около двухсот ученых, среди которых были представители из Еревана, Ивано-Франковска, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Киева, Кишинева, Ленинграда, Москвы, Ньиредьхаза (Венгрия), Пензы, Петрозаводска, Саранска, Свердловска, Сыктывкара, Таллина, Тар-

ту, Томска, Ужгорода, Уфы и др. городов. И, наконец, нельзя не отметить, что вышеназванная тематика совещания привлекла внимание к историческим исследованиям, что также следует оценить положительно, поскольку в нашей стране изучение финно-угорских языков в историческом аспекте долгое время отставало от их описательного исследования. В данном случае исторический уклон тематики совещания приобрел еще особую актуальность в связи с тем, что (как мы узнали из официального сообщения ответственного секретаря Советского комитета финно-угроведов Ю.С. Елисеева) следующий У-й Международный конгресс финно-угроведов будет посвящен также исторической тематике.

Работа совещания проходила на двух пленарных заседаниях, далее на заседаниях четырех секций: секции лексикологии, секции фонетики и грамматики, секции истории языка и ономастики, секции литературоведения. (Непонятно выделение специальной секции истории языка и ономастики, поскольку в соответствии с общей тематикой совещания фактически все секции посвящались вопросам, рассматриваемым в историческом аспекте). Количественная разница между секциями языка и литературы объясняется, естественно, тем, что от литературоведов на доклады заявок было значительно меньше, чем от языковедов. Возможно, этим объясняется, что основное направление литературоведческих докладов было более определенно и единообразно, чем у языковедческих докладов. Как отмечено в "Решении...", принятом на совещании, в литературоведческой секции звучали, преимущественно, доклады, посвященные вопросам литературных контактов, партийности и народности литературы. На языковедческих же секциях слушались выступления самого различного характера. Все же следует отметить, что докладов на слишком узкие темы было мало, но с другой стороны, мало было и докладов, посвященных узловым теоретическим вопросам.

Большинство заслушанных докладов отличалось насыщенностью конкретным материалом; осмыслив этот материал, многие авторы сделали важные и широкие научные выводы. Особенно радовали присутствующих удачные выступления некоторых ученых из городов, в которых историческое исследование соответствующих финно-угорских языков начато сравнительно недавно. В этой связи можно отметить доклады М.И. Зайцевой (Петрозаводск) "О морфологической интерференции в вепсском языке",

Н.И. Исанбаева (Йошкар-Ола) "Влияние татарского языка на падежную систему восточномарийских говоров", В.К. Кельмакова (Ижевск) "Заимствование как источник изучения исторической фонетики удмуртского языка", Г.И. Лаврентьева (Йошкар-Ола) "К вопросу о морфемной структуре русских заимствований в марийском языке", Д.В. Цыганкина (Саранск) "О соотношении исконных и иноязычных элементов в системе эрзянского именного словообразования".

Пленарные заседания были посвящены научным докладам, а также сообщениям информационного характера. С интересом слушался доклад П.Н. Лизанца (Ужгород) "Некоторые теоретические вопросы взаимодействия языков". Ю.С. Елисеев сообщил о характере и тематике У-го Международного конгресса финно-угроведов (Финляндия, г. Турку, 1980 г.), К.Е. Майтинская информировала присутствующих о Ш-м Международном конгрессе по венгерскому языкознанию и о формировании на конгрессе нового Международного общества по венгерской филологии (Венгрия, г. Ньиредьхаза, август 1977 г.). От имени филологов Г.Г. Бараксанов передал приглашение на следующее очередное совещание финно-угроведов в г. Сыктывкаре. Заслушав отчеты руководителей секций, участники совещания приняли "Решение...", содержащее, в основном, анализ общих итогов совещания с указанием на его несомненные положительные результаты, а также на некоторые малосущественные недостатки. В "Решение..." включены также рекомендации по дальнейшему развитию Советской финно-угорской филологии.

В дни совещания состоялось рабочее заседание членов Советского комитета финно-угроведов, на котором обсуждались некоторые вопросы организационного характера.

Совещание завершилось хорошо организованной поездкой по живописным горам и долинам Закарпатья; участники совещания были радушно встречены гостеприимными хозяевами колхоза "Пограничник" в селе Петрово, в котором живут, в основном, венгры.

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

П. А р и с т э, Прибалтийско-финские и иранские контакты 3
P. A r i s t e, Itämerensuomalais-iranilaisista kosketuksista. T i i v i s t e l m ä 10

А. Б а р а н ц е в, К исследованию карельской спонтанной речи. (О методике создания корпуса высказываний) 11
A. B a r a n c e v, About the Investigation of Spontaneous Karelian Speech. (On Techniques of Corpus of Utterances). S u m m a r y 24

Л. Г а л а х о в а, Согласные в конце первого слога в финских говорах Ленинградской области 26
L. G a l a c h o v a, Über die stimmlosen Verschlußlaute im Auslaut der ersten Silbe in den finnischen Mundarten des Leningrader Gebiets. Z u s a m m e n f a s s u n g 36

Ф. Г р а ч е в а, О древнейшем пласте марийских фразеологизмов 37
F. G r a t š e v a, Marilaisten fraseologismien vanhimmasta kerrostumasta. T i i v i s t e l ä ... 43

Э. Я к и м о в а, Фразеологические заимствования в марийском языке 44
E. J a k i m o v a, Zur Frage über den Einfluß der türkischen Phraseologismen auf die marischen Phraseologismen. Z u s a m m e n f a s s u n g. 50

В. К л а у с, Наречия в русско-саамских диалектах... 51
V. K l a u s, Adverbs in Russian-Lappish. S u m m a r y 70

P. P a l m e o s, Deverbaalsed noomenisufiksid karjala keele Djoržа murrakus 71
П. П а л ь м е о с, Отглагольные именные суффиксы в держанском говоре карельского языка. Р е з ю м е 79
P. P a l m e o s, Deverbale Nominalsuffixe in der Djoržа-Mundart des Karelischen. Z u s a m m e n f a s s u n g 80

MATERJALID - МАТЕРИАЛЫ

P. A r i s t e, Komi-Permisches aus Gaincovo 81
П. А р и с т э, Образцы коми-пермяцкой речи деревни Гайнцово. Р е з ю м е 100

В. К е л ь м а к о в, Образцы удмуртской речи I. Татышлинский диалект 101
V. K e l m a k o v, Udmurtische Sprachproben I. Tatyšly-Mundart. Z u s a m m e n f a s s u n g 122

A. K ü n n a p, Kamassische Gerundiumformen auf -l(V(ˀ))(-), -nV(ˀ)(-) 123
А. К ю н н а п, Камасинские деепричастные формы на -l(V(ˀ))(-), -nV(ˀ)(-). Р е з ю м е 144

RETSENSIOONID - РЕЦЕНЗИИ

В.А. Л я ш е в, Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Сыктывкар, 1975, 267 стр. - Рец. П. А л в р е 145

Исследование по фонетике сибирских языков. (Сборник научных трудов под редакцией д.ф.н. Е.И. У б р я т о в о й, д.ф.н. М.И. Ч е р е м и с и н о й, В.М. Н а д е л я е в а), Новосибирск, 1976, 180 стр. - Рец. Ю. М о р е в 152

К. М а й т и н с к а я, Всесоюзное научное совещание финно-угроведов (Ужгород, 21–30 октября 1977 г.) 161

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 456. ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ. Труды по финно-угроведению 5. На русском и эстонском языках. Резюме на разных языках. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Пикколи, I8. Ответственный редактор П.Пальмсос. Сдано в печать 26/04 I978. Бумага писчая 30х45 I/4. Печ. листов I0,5. Учетно-издат. листов 9,57. Тираж 800. МВ 01144. Типография ТГУ, ЭССР, г. Тарту, ул. Пикколи, I4. Зак. № 552. Цена I руб. 50 коп.